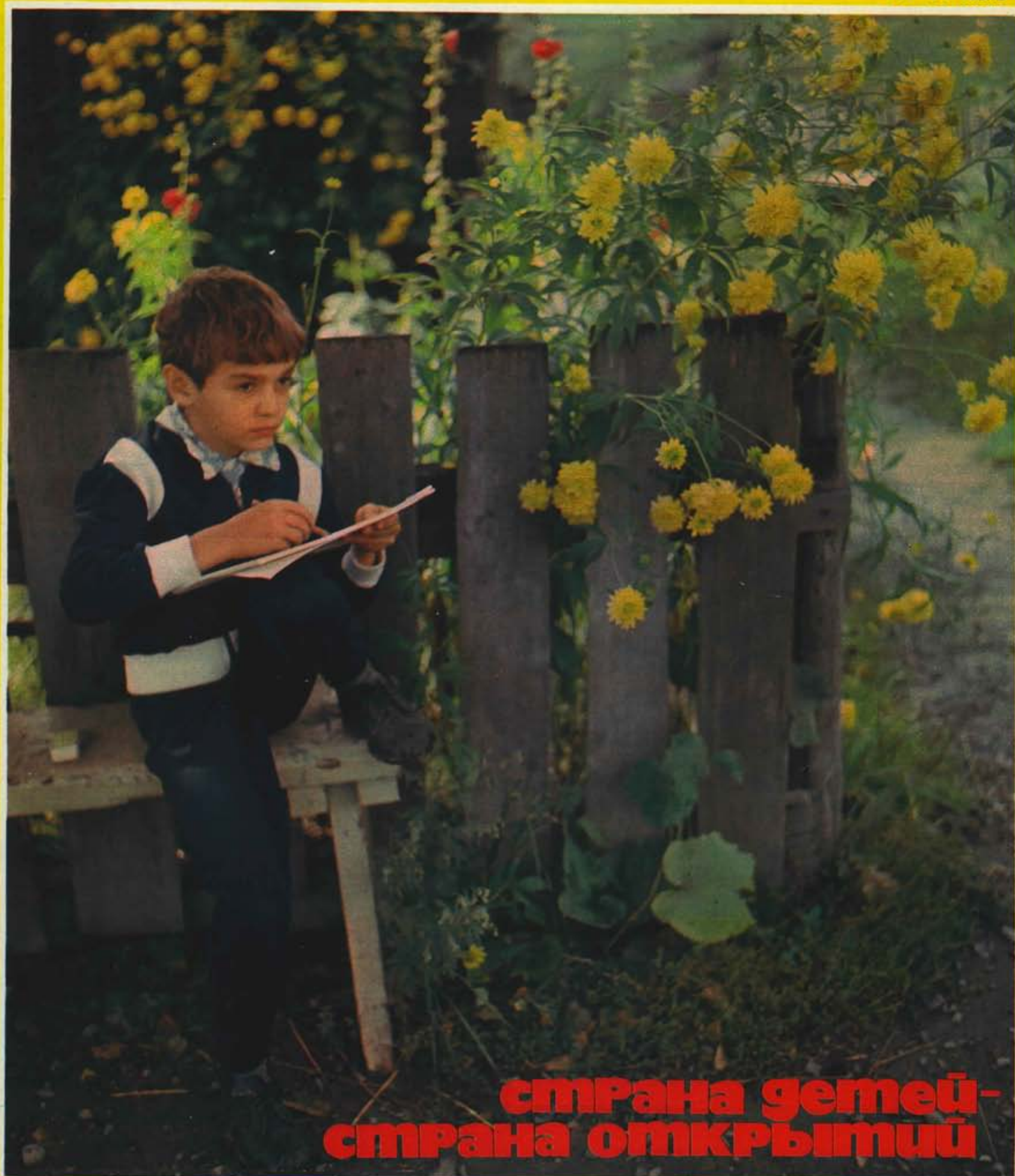

ISSN 0131-6656

СМЕНА

№ 11 июнь 1981

**Страна детей-
Страна открытий**

Каждый день почта приносит в редакцию десятки писем, авторы которых убеждены в том, что «воздвигать великие стройки должны мы, молодые наследники героических традиций комсомола».

Все они просят послать их вслед за недавними добровольцами в составе ударных отрядов

на важнейшие стройки одиннадцатой пятилетки.

Авторитет ударных комсомольских отрядов сегодня очень высок, растет и их общественное признание.

108 тысяч молодых добровольцев получают в этом году комсомольские путевки на главные объекты пятилетки.

В первый Всесоюзный ударный отряд добровольцев — отряд имени XXVI съезда КПСС вошло 7 тысяч бойцов.

Они пополнили коллективы пятнадцати важнейших строек, таких, как БАМ и КАТЭК, объекты Западной Сибири и Курской магнитной аномалии, «Атоммаш» и «Ростсельмаш»...

«Для многих юношей и девушек нынешняя пятилетка, ударные комсомольские стройки станут новой строкой в рабочей биографии».

написал в своем приветствии участникам Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XXVI съезда КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Работы у бойцов отряда имени XXVI съезда КПСС сейчас много.

Сегодня мы публикуем материал о первых шагах бойцов из отряда имени XXVI съезда КПСС, приехавших на БАМ.

Одновременно редакция обращается с просьбой к добровольцам, работающим на Всесоюзных ударных комсомольских стройках:

НАПИШИТЕ, КАК ВАС ВСТРЕТИЛИ В НОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ, ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ НА КОМСОМОЛЬСКОЙ УДАРНОЙ?

С КАКИМИ ТРУДНОСТЯМИ ВЫ СТОЛКНУЛИСЬ И КАК ИХ ПРЕОДОЛЕВАЕТЕ?

С вашей помощью редакция надеется создать коллективный портрет молодых первопроходцев, работающих на важнейших стройках одиннадцатой пятилетки.

Ждем ваших писем.

Анатолий БАРАНОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные корреспонденты «Смены»

— Как бы нам этот шаман бури не наколдовал.— Валерий Семериков, бригадир плотников комсомольско-молодежного СМП-670 показал на далекую заснеженную вершину Северо-Муйского хребта, за которую зацепилась краешком черная туча. Почему-то по всей трассе Байкало-Амурской магистрали такие горные вершины прозывают шаманскими, и по ним доморожденные метеорологи пытаются предсказывать погоду. И как ни странно, их прогнозы частенько сбываются. Значит, приметы в этом деле — вещь достаточно серьезная.

Александр Мезенцев, начальник строительного монтажного поезда, присмотрелся к природному барометру и облегченно вздохнул: «Туча не помешает, авиация бы не подвела».

Мы уже больше часа стоим на окраине поселка и с нетерпением ждем вертолет, на котором из Северомуйска должны перебросить в Таксимо бойцов из отряда имени XXVI съезда КПСС. До этого мы целый день пытались дозвониться в Улан-Удэ, Нижнеангарск, Северомуйск — и все безуспешно. Связи не было, и этот новенький, с иголочки поселок Таксимо, обещающий превратиться в одну из крупнейших станций на БАМе, казался отрезанным от Большой земли. И только час назад из районного центра, поселка Багдарин, расположенного в шестистах километрах от Таксимо, по радию передали время прилета долгожданного отряда. И с тех пор мы не сводим глаз со сверкающих белизной снегов вершин Северо-Муйского хребта, через которые должен перевалить вертолет. Старожилы поселка, встречающие отряд, затеяли футбольный матч прямо на вертолетной площадке, огороженной старыми автомобильными шинами, выбеленными известкой.

— В воротах Виктор Винников стоит, — представляет мне ребят Мезен-

ЗАСЛУЖЕННУЮ НАГРАДУ — ОРДЕН ЛЕНИНА ВЯЧЕСЛАВУ АКСЕНОВУ ВРУЧАЕТ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ БУРЯТСКОГО ОБКОМА КПСС АНДРЕЙ МОДОГОВ.

В КИЧЕРЕ ЕЖЕМЕСЯЧНО СОБИРАЕТСЯ СОВЕТ КОМАНДИРОВ, ОНИ РЕШАЮТ ВОПРОСЫ ТРУДА, БЫТА И ОТДЫХА БОЙЦОВ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ ОТРЯДОВ.

цев, — он еще в Звездном начинал, а с мячом Толя Ткачев, он тоже приехал на БАМ в числе первых, с отрядом имени XVII съезда комсомола. У нас в поселке, так уж получилось, работают сейчас посланцы всех республик, представители всех отрядов добровольцев, и у каждого из них биография чистая и прямая, как наша магистраль.

Позднее о самом Мезенцеве мне скажут почти теми же словами: «Жизнь у него прямая, как просека».

На Байкало-Амурской магистрали

**РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС-
ЖИЗНЬ!
В ЖИЗНЬ!**

ОТРЯД К

«АКСЕНОВЦЫ» — ЭТО БАМОВСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ ДОБРОВОЛЬЦЕВ ОТРЯДОВ ИМЕНИ XVII И XVIII СЪЕЗДОВ ВЛКСМ.

восемь человек во главе с Мезенцевым — первый десант в таежном Таксимо.

— Вначале жили в маленьком охотничьем зимовье, точно таком, с которого начинался Звездный, — рассказывает Семериков, — потом поставили палатки, народ еще подыехал, и начали мы сразу готовиться к будущей зиме.

Среди первых объектов оказались овощехранилище, пилорама, котельная, благоустроенные общежития, школа. Появились в поселке и первые «самостроевские» дома, удобные, просторные, какие ставят, чтобы жить в них долго, если не всегда. Мезенцев еще в день рождения Таксимо выделил для индивидуальных застройщиков целый квартал, сам же проектирует дома, делает разметку и планировку. Поэтому и нет здесь маленьких хибарок, как на

других станциях. Строят красиво и добротно.

Поставил себе дом и Валерий Семериков. Дети у него — настоящие бамовцы. Ира в поселке Кунерма родилась, а Денис уже здесь, в Таксимо.

— Счастливым сын будет, — улыбается Валерий, — родился, когда мы праздновали годовщину поселка, в день открытия съезда партии. Я на этот день и новоселье как раз намечал. Так что Денис сразу в собственный дом въехал.

Врач Александр Олейник здесь тоже работает с первых дней, живет он делами и заботами строителей, поэтому легко, по памяти называет даты пуска важнейших объектов — котельной, дизельной электростанции, кафетерия. На память он не полагается, когда говорит о детях, в свидетельствах о рождении которых проставлен этот поселок, еще не обозначенный на карте. Саша доста-

ДОБРОВОЛЬЦЫ ОТРЯДА ИМЕНИ XXVI СЪЕЗДА КПСС НАЧАЛИ С ОСНОВНОГО — ГОТОВИЛИ ИНСТРУМЕНТЫ ПО РУКЕ.

ОТРЯДУ

В ТАКСИМО ЖДАЛИ ПОПОЛНЕНИЕ. И БРИГАДА ПЛОТНИКОВ ВАЛЕРИЯ СЕМЕРИКОВА В РЕКОРДНЫЕ СРОКИ ПОСТРОИЛА УДОБНОЕ ОБЩЕЖИТИЕ.

СЕЙЧАС ПОЧТИ ВСЕ ГРУЗЫ В КИЧЕРУ ДОСТАВЛЯЮТСЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ.

ВАСИЛЬ КОЛЬБА И НИКОЛАЙ АРТЕМЬЕВ — ОПЫТНЫЕ ВОДИТЕЛИ. ОНИ ПРЕКРАСНО ЗНАЮТ СЛОЖНУЮ ТРАССУ ОТ ЛЕНЫ ДО ВИТИМА.

Александр Мезенцев, как говорится, «с первого колышка», он строил Золотинку и Кичеру, сам выбирал место для поселка Таксимо. «Место у нас прекрасное, и стыдно будет, если не выстроим здесь самый красивый поселок на магистрали».

Таксимо уже сейчас «смотрится». Дома поселка прячутся среди толстых сосен, деревья растут у каждого крыльца. Порой строители испытывают неудобства в монтаже домов, но мешающего дерева не рубят. На улицах, еще не имеющих названий, появились «кирпичи». «Улицы для пешеходов» — лозунг этот стал популярным даже среди шоферов.

В день открытия XXVI съезда КПСС

Таксимо отмечал свою первую годовщину. Почти три тысячи жителей чувствовали себя именинниками. По расчетам строителей, вторую годовщину поселка будут праздновать уже восемь тысяч человек. Вот такими стремительными темпами, необычными даже для БАМа, растет этот самый восточный поселок на Бурятском участке магистрали. А в феврале прошлого года их было только

ет свой пухлый блокнот, где самые юные жители Таксимо записаны у него поименно, в аккуратных табличках не только дата рождения, но и вес и рост ребенка, его состояние. Уже более пятидесяти детей родилось в Таксимо.

— Придется вскоре собственный роддом строить, — улыбается Олейник. — А пока у нас самый главный объект — большой детский сад, за ним очередь очереди клуба, спортзала...

Накануне приезда новых добровольцев самым главным объектом в поселке стало общежитие для бойцов отряда. Бригада Валерия Семерикова возвела его за десять дней. Последний лист шифера прибывали в последние сутки уже при свете прожекторов. Показывал нам новое общежитие плотник из бригады Семерикова Юрий Шинкарев. Он ревниво следил за нашей реакцией и без конца не то спрашивал, не то утверждал: «Правда, ребятам здесь будет хорошо?!» Бывший слесарь с ЗИЛА, Юрий Шинкарев стал квалифицированным плотником, строил Северобайкальск, Нижнеангарск, сменил на БАМе добрый десяток общежитий, жил и в палатках и в вагончиках. И теперь радуется, что новым добровольцам не придется вскакивать по ночам, чтобы подбросить полешко в прожорливую «буржуйку». Это тоже становится доброй бамовской традицией: лучшее жилье — новичкам. Чтобы сразу почувствовали — их здесь ждут, они здесь нужны, нужны не просто как рабочие руки, а как друзья, единомышленники. Они еще где-то летят, еще гадают, кто их встретит и что их ожидает на новом месте. А ждет их ударная комсомольская стройка. Это значит, что ждет их коллектив людей с обостренным пониманием справедливости, уверенных в силах собственных и в силах друзей, познавших радостное чувство сопричастности к великим событиям и большим делам. Было бы наивно утверждать, что ребята, приезжающие на ударную стройку с комсомольской путевкой, все как один могут сдать своеобразный экзамен на человека завтрашнего дня. Разные люди приезжают сюда и, чего греха таить, не все приживаются в коллективе, который каждому предъявляет повышенные требования. Но нельзя не заметить и особого «микроклимата» ударной стройки, оказывающего самое доброе воздействие на все стороны нашей жизни, идет ли речь о работе или досуге, повышении образования и квалификации, или нравственном становлении.

«Индустриальное освоение новых регионов важно и в социальном, и в политическом планах, — говорил на XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — Возникающие там производственные коллективы несут с собой высокую культуру труда и быта, новый, современный ритм жизни».

...Мезенцев не выдержал ожидания, бросился в гущу футбольной баталии, азартно гонял мяч. И, кажется, ничем не отличался от рабочих своего поезда. Впрочем, и по возрасту он был ровесником многим бойцам отряда: совсем недавно исполнилось тридцать начальнику СМП. Но любят его, конечно, не только за умение сыграть в футбол или организовать концерт в столовой, которая иногда по вечерам превращается в зрительный зал. Сан Саныч, как зовут его в поселке, толковый инженер и уже достаточно опытный организатор. Никто в поезде не бродит в поисках работы, хотя снабжение стройматериалами еще не налажено как следует — каждый

гвоздь, каждый кирпич нужно завозить за сотни километров по тяжелой придорожной дороге (из Северобайкальска до Таксимо почти сутки езды на мощных и быстроходных «магирусах»). Мезенцев может быть и предельно строгим (тот же Семериков рассказывал, что начальник СМП однажды отказался закрыть наряд плотникам, срубившим лишнее дерево) и отзывчивым (целый час сидел у рации, чтобы узнать в северомуйской больнице о состоянии здоровья жены одного молодого рабочего). В поселке чуть не каждую неделю справляют новоселья, но растут он так быстро, что жилья все еще не хватает, и Мезенцев с женой и дочерью-второклассницей по-прежнему живет в вагончике, хотя мог бы по праву занять квартиру в любом из готовых домов.

— Как же я из вагончика перееду, если у нас еще много семейных в разных общежитиях проживает?! — удивленно сказал Сан Саныч. Этим ответом он напомнил мне Вячеслава Аксенова, известного на магистрали бригадира, лауреата премии Ленинского комсомола, делегата XXVI съезда КПСС, члена ЦК ВЛКСМ. Слава тоже когда-то отказывался от квартиры, пока не были устроены как следует все члены его бригады.

«Чтобы быть сильным, надо стать сильным», — Аксенов часто повторяет эти слова олимпийского чемпиона Юрия Власова и считает, что сильным его сделала ударная стройка. Улыбаясь, он сгибает руки в локтях, и под каждой обозначаются огромные бугры мускулов, о которых можно было бы и не догадаться, если судить по хрупкой фигуре бригадира. Но под силой Слава подразумевает, конечно, не только мускулы. В Кичере мне говорили о «школе Аксенова». Слава отмахнулся: «Если уж школа, то Лакомова».

В Звездный он приехал с первым отрядом. Здесь, как считает Слава, ему «крупно повезло» — попал в знаменитую бригаду Героя Социалистического Труда Виктора Лакомова, командира Всесоюзного ударного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ.

Новички, чтобы показать себя перед опытными строителями, перед известным бригадиром, в первые дни выкладывались на просеке так, что к вечеру едва добирались к палатке. Аксенову, избранному комсоргом бригады, отставать от других было невозможно, и он как заведенный махал топором с утра до желанного вечера, обещавшего отдых.

— Так дело у нас не пойдет, — строго сказал бригадир, объявивший неожиданный перекур. — С такими усилиями можно работать дня два-три, а нам магистраль еще долгие годы строить. В нашей работе не только руки, но и голова нужна. В общем, запрещаю вам надрываться. Надорветесь — ни жить нормально не сможете и работать в охотку не станете. Учитесь, присматривайтесь к опытным ребятам, запоминайте их приемы.

Любое дело, оказывается, знаний требует.

И еще поразило Аксенова первое бригадное собрание.

— Нас, новеньких, приняли на работу по второму разряду. У Виктора — шестой. У многих — четвертый или пятый, и вдруг Лакомов говорит: «Как мы дальше жить и работать будем? Каждый на свой разряд? Я предлагаю: все поровну. Все работаем по совести и зарплату общую делим на всех». А ведь многие из нас тогда совсем неумехами были и основная нагрузка ложилась на лакомовских

«асов». Но ни разу не слышали мы недовольных слов, не чувствовали косяков взглядов. Потому что чужих в бригаде не было.

«Один за всех и все за одного» — этот девиз стал главным в лакомовской бригаде. Четыре года спустя он стал и девизом аксеновской бригады, наверное, самой известной на Бурятском участке магистрали.

Почти каждый из старожилов БАМа, не сговариваясь, доказывал мне, что «бамовец» — это не просто звание. Бамовец — уникальная профессия.

— Опытный строитель-путеец — комплексная бригада в одном лице, — убежденно говорит Юрий Шинкарев и начинает загибать пальцы. — Он и плотник, и бетонщик, и лесоруб, работает с различными механизмами, значит, должен быть еще и слесарем и электриком. На укладке или балластировке пути пользуется точными приборами, — обязан быть хоть немножко маркшейдером. Живет и работает в коллективе. Необходимо быть надежным товарищем, обладать способностью прийти другому на помощь в любую минуту и в любом деле. Вот что такое истинные бамовцы! — Юра выбросил вперед руку, сжатую в кулак, с поднятым вверх большим пальцем — жест, означающий превосходную степень. — А когда они объединяются в бригаду, нет задачи, с которой невозможно справиться.

За четыре года работы в бригаде Виктора Лакомова Слава Аксенов, по собственному выражению, «прошел полный курс молодого бойца», овладел всеми профессиями строителя-путейца.

Из Москвы, с XVIII съезда ВЛКСМ, делегат съезда, лауреат премии Ленинского комсомола Вячеслав Аксенов не вернулся в родную бригаду. Он возглавил Всесоюзный ударный отряд, куда вошли комсомольцы прибалтийских республик, Белоруссии и Молдавии, москвичи, ленинградцы и краснодарцы. Они высадились восточнее Байкала на будущей станции Кичера.

Фамилия Аксенова все-таки осталась в списках лакомовской бригады: Славу там заменил младший брат, Александр.

А бригаде Вячеслава Аксенова снова пришлось начинать с нуля. Восемнадцать человек десантировались на берег таежной речушки Душканчанки, разбили лагерь в двадцати километрах от Кичеры и повели на запад и восток просеки под ЛЭП и железнодорожное полотно. Семнадцать из них никогда раньше не были лесорубами, но старались вовсю. И недоуменно посматривали на некурившего бригадира, то и дело объявляющего перекуры.

— Только не надрывайтесь, ребята, — уговаривал он. — В нашей работе не только руки, но и голова нужна. Присматривайтесь, учитесь.

Они учились в работе. И в первый же месяц вырубали 16 гектаров тайги, почти по гектару на каждого. Это был рекорд, и не многим верилось, что установили его люди, только-только овладевшие топором и бензопилой «Дружба». На просеку приехал Мезенцев, работавший тогда заместителем начальника строительного-монтажного поезда в Кичере. Сан Саныч внимательно осмотрел просеку, все обмерил и удивился: «У вас же здесь больше, чем показано в наряде!»

— Мы несколько отступили от проекта и поэтому решили не считать эти «карманы», — показал бригадир вырубленные квадраты тайги, отходящие от просеки. — Обидно добрый лес сжигать, а здесь его можно сохранить, складиро-

вать в «карманах», а появится необходимость — вывезти.

Проектировщики узаконили «карманы».

Первый рекорд бригады сразу же «потяжелел» почти на целый гектар.

Из леса, срубленного на просеках и спасенного аксеновцами и другими бригадами, построена сейчас добрая половина поселка.

Все коллективы строителей магистрали соревнуются за право проехать на первом поезде к каждой станции, куда дотянулись стальные рельсы. Четыре раза завоевывали это право и аксеновцы, но использовать его не смогли: они уводили просеку все дальше и дальше, и не было времени на праздники с музыкой тепловозных гудков. И только в родную Кичеру они вернулись из тайги вовремя: бригаде доверили поднять над станцией флаг в честь прибытия первого поезда.

В тайгу уходило семнадцать новичков, плохо знающих и будущую специальность и друг друга, а первый поезд в Кичере встречала бригада, коллектив единомышленников, дружная семья бамовцев.

Гремели над станцией оркестры, разноцветные ракеты расчерчивали затянутое облаками небо, от мощного рыка тепловозов осыпалась кухта с ближайших деревьев. Мезенцев, только что назначенный начальником нового СМП, склонился к уху Аксенова:

— В Таксимо добрые лесорубы сейчас позарез нужны.

— Нас должны перебросить на балластировку путей, ребята по рельсам соскучились.

— Так это же заново переучиваться всем?!

— Учитесь всю жизнь приходится, — улыбнулся бригадир и все же пообещал. — Мы еще дойдем до Таксимо. Работы у вас еще моим детям хватит.

Работы здесь действительно непочатый край. Таксимо станет крупнейшим железнодорожным узлом, отсюда протянутся рельсы не только на запад и восток, сразу же намечено проложить ветку на юго-восток, где будет сооружаться мощная гидроэлектростанция на реке Витим, а также подъездные пути на юго-запад, к крупнейшему в стране месторождению хризотил-асбеста. Всего в десятке километров от станции Таксимо проектируется город Молодежный и комбинат по добыче и переработке мягкого волокнистого сырья.

— Летят!.. — неожиданно крикнул Семериков, и одно это слово, словно свисток судьбы, мгновенно остановило футбольную битву, даже Витя Винников не пошевелился, чтобы отбросить мяч, медленно катившийся в ворота, обозначенные двумя старыми покрывками. Все до боли в глазах всматривались в снежные вершины и не видели долгожданной точки.

— Тебе, четырехглазому, конечно, виднее всех, — не удержался Юра Шинкарев, напомнил о близорукости бригадира.

— Я по слуху узнал, — спокойно ответил Валерий.

И мы тотчас же услышали далекий гул вертолета и через мгновение различили и его стрекотное тело, перепрыгнувшее через хребет. Туча, державшаяся за вершину, поплыла за ним в фарватере и тут же просыпалась мелким снежком, похожим на манную крупу. А вертолет, словно опасаясь преследователя, не сделав традиционного круга, с ходу пошел на посадку.

И вот уже из огромного чрева винтокрылой машины начали выпрыгивать ребята и девушки в зеленой форме бойцов Всесоюзного ударного отряда имени XXVI съезда КПСС. Они весело сходили на землю, где предстоит им жить и работать, улыбаясь еще своим словам, приготовленным и оставленным в небе, и замирали в нерешительности. Повисла напряженная, неожиданная тишина, и между приехавшими и встречающимися образовалась нейтральная полоса. Это не была полоса отчуждения, а скорее расстояние, с которого удобнее рассмотреть друг друга: приехали ведь не просто знакомые в гости, приехали еще неизвестные, с кем завтра придется делить и обед на просеке, и дефицитный инструмент на стройке, и крышу над головой.

Эти мгновения «противостояния» длились очень недолго — заняли, возможно, меньше времени, чем я затратил на две последние фразы, но обозначались они явно и были замечены многими. Почувствовал их и Мезенцев, сделавший первый шаг к группе новых добровольцев. Но его обогнали.

— Галка! — радостно закричала преподаватель математики местной школы Любовь Михайловна Баженова и бросилась к смущенно улыбающейся девушке. И тут же смешались встречавшие и приехавшие, смешались так, что последних можно было выделить лишь по отупоженной новенькой форме.

Люба Баженова, приехавшая год назад в составе отряда «Комсомолец Бурятии», на правах старожилки вводила в «курс событий и особенностей местной жизни» свою знакомую Галину Черепанову. Когда-то они вместе работали в Селегинском ГПУ-22, а здесь встретились совершенно случайно.

— Хорошо, что земля круглая, — смеется Галя, — куда ни поедешь, к знакомым попадешь.

— А чем собирается заниматься здесь мастер производственного обучения? — осторожно спрашиваю я.

— Считаю, я неплохих маляров в училище готовила, значит, и сама кое-что могу, буду маляром работать. Может быть, мы свою бригаду создадим. В нашем отряде несколько выпускников нашего училища.

Сестры Таня и Люда Екифанцевы дружно кивают головой в знак согласия и в один голос говорят: «А через год и наша младшая сестра Оля сюда придет».

Якова Шурыгина, слесаря из Улан-Удэ, встречала целая группа родственников: сестра Валентина, ее муж Сергей Ефимов и двоюродные братья Михаил Кокорин и Юрий Томский.

— Могли бы семейную бригаду организовать, — смеется Сергей, — да двух бригадиров на один коллектив многовато. — Михаил руководит бригадой плотников, а Сергея только накануне назначили бригадиром лесорубов. Составить ее и должны бойцы нового отряда. — Считай, Яша, что ты уже на просеке.

Поздним вечером у общежития, специально построенного для бойцов отряда бригадой Валерия Семерикова, был митинг. Мезенцев говорил о больших задачах, стоящих перед коллективом строительно-монтажного поезда, и немножко пугал новых рабочих будущими трудностями. А они не хотели пугаться, потому что рядом уже стояли знакомые и друзья, и ярко светили окна уютного общежития, и сверкали над ними близкие яркие звезды величиной с кулак.

— Как картошка, — сказал Шурыгин.

— Картошка растет у нас нормально. И помидоры созревают и даже арбузы. — начал обстоятельно перечислять Сергей, но, поняв, что брат жены сравнил с картошкой сверкающие звезды, неожиданно обиделся: — Хватит на небо заглядывать, устраивайся на земле.

— Я и не думал, что нас такое общежитие ожидает, — радостно протянул Яков. Почему-то большинство приезжающих на БАМ уверены, что жить им придется в тайге, но не разочаровываются, когда узнают, что для каждого найдется вполне благоустроенное жилье.

— Для вас же старались. — У Сергея уже прорезался «бригадирский» голос. — Иди устраивайся, завтра на работу.

Устраивались шумно, и долго еще не гас свет в обживаемом общежитии. Горел он допоздна и в красном уголке, где проходило заседание комитета комсомола СМП. Комиссар отряда Анатолий Пекарников, только что введенный в состав комитета, рассказывал о каждом из добровольцев, не заглядывая в свои записи. Конкурс в отряд был серьезный, почти два человека на место, и Толя, дипломник Иркутского института инженеров железнодорожного транспорта, встречался не раз с кандидатами и знает теперь хорошо своих товарищей.

— В основном бойцы отряда имеют строительные специальности. Но есть и парикмахеры, и продавцы книжных магазинов, и преподаватели музыкальных школ... Нужно ведь думать и о завтрашнем дне, — говорит Толя, закончив длинный перечень различных профессий, в обладателях которых поселок Таксимо пока еще не испытывает острой нужды.

И комитет комсомола соглашается с комиссаром, что заботиться о будущем необходимо именно сегодня.

Из Таксимо мы почти сутки добрались до Кичеры. Наш шофер Василий Кольва, знающий каждый поворот от Звездного до Витима, весь рейс ругал дорожное начальство, которого, к его удивлению, в природе вообще не существует. Притрассовые дороги на БАМе, по сути дела, ничейные.

«Зимой здесь катишь как по асфальту, снега все эти бугры и ямы под нивелир выравнивают».

Плохо, когда в конце яркой и нежной весны шоферы мечтают о долгой и трудной зиме.

От Кичеры параллельно автомобильной уже тянутся рельсы действующей железной дороги. Мы пересели на тепловоз, которым управлял машинист Валентин Голубев. У него, по собственному признанию, «обычная биография железнодорожника»: закончил Ленинградский железнодорожный техникум, строил дорогу Тюмень — Сургут, там же закончил курсы машинистов. На Байкало-Амурской магистрали работает с тех пор, как открылось временное движение по трассе, приехал сюда с отрядом первых добровольцев-железнодорожников.

Наш тепловоз медленно пробирается через стрелки, отводящие ветку к щебеночному заводу и карьере, набирает скорость, конечно, еще не курьерскую, но уже вполне ощутимую.

— Дальше у нас «бархатный» путь, — Валентин махнул рукой вперед, и я узнал участок, балластировкой которого занималась бригада кавалера ордена Ленина, делегата XXVI съезда КПСС Вячеслава Аксенова, — здесь скорость и увеличить можно, впереди — прямая линия.

Наша обложка: фотозюк Сергея Ветрова.

1 «ОТРЯД К ОТРЯДУ».
Фотоочерк Анатолия БАРАНОВА и Альберта ЛЕХМУСА.

4 АВТОБИОГРАФИИ.
Виктор ЕРМИЛОВ, слесарь.
Герой Социалистического Труда.
«ОДНА ЖИЗНЬ — ОДНО ДЕЛО».

6 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО. «У МУЗЫКИ В УЧЕНИИ».

8 Рассказ Дмитрия ХОЛЕНДРО «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ».

12 «ДРУЗЬЯ, ПОМОЩНИКИ, БОЙЦЫ».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Григория БИБИКА.

14 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

16 Леонид ПЛЕШАКОВ. «ЧАС, КОГДА ПРИШЛА РЫБА».

18 ФЕСТИВАЛЬ ПОЗМЫ.
Какимбек САЛЫКОВ. «ГОРНЯЦКАЯ БАЛЛАДА».

20 «В МЕЗОНИНЕ НА МАЛОЙ МОЛЧАНОВКЕ».

21 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ФАБРИКА АРОМАТОВ».

22 НАУКА: АРХЕОЛОГИЯ.
Алексей ОКЛАДНИКОВ, академик.
«ТРИ ОТКРЫТИЯ СИБИРИ».

24 Повесть Валерия ВИНОКУРОВА и Бориса ШУРДЕЛИНА
«СЛЕДЫ В КРУТОМ ПЕРЕУЛКЕ».

27 Стихи Игоря ХАЛУПСКОГО.

28 МИР КАПИТАЛА: КЛАССОВАЯ ЮСТИЦИЯ.

31 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

ОДЕДА ЖУКИ

Виктор ЕРМИЛОВ,
слесарь,
Герой Социалистического Труда

Автобиографии принято начинать с возраста. Тут уж ничего не поделаешь...

Мне уже исполнилось семьдесят лет. Встретил день рождения обычно — на своем рабочем месте, после очередного отпуска. Подошел и новый юбилей — исполнилось пятьдесят лет с того дня, как я пришел на «Красный пролетарий». Срок, конечно, не маленький. За такой срок многое случается. Да что там — мир изменился, и как! А я все это время собираю на своем заводе станки — токарные, прецизионные, станки с программным управлением. Дело это строгое и точное, требует самого настоящего рабочего искусства, халтуры не терпит. Впрочем, не могу представить себе работы, где недобросовестность была бы простительна.

И сразу хочу сказать, что за все это немалое время — полвека как-никак! — желания сменить свою рабочую профессию у меня не возникало. Хотя думать об этом случалось, когда спрашивали.

Мне довелось быть членом ЦК КПСС, дважды меня избирали депутатом Верховного Совета СССР — огромное доверие, громадная ответственность, — и порой приходилось слышать: «Виктор Васильевич, а у вас же наверняка была возможность перейти на другую работу...» «На какую?» — спрашиваю. «Ну, какую-нибудь руководящую...» Замечательно тут это самое «какую-нибудь».

Что же, были такие возможности. Но я остался рабочим. И вот на какие мысли эти вопросы меня наталкивали. Неужели всю жизнь рабочими остаются только те, кому не представилось возможности уйти на другую должность? Откуда он, этот взгляд? Почему вдруг некоторые стали считать, что быть рабочим зазорно? И воспитывают так своих детей... А я считаю, что должности выше моей, рабочей, нет. Честно считаю, а не потому, что не сумел ее переменить на какую-нибудь другую. И пошел я в рабочие не только по необходимости, не только потому, что считал это своим долгом, но и потому просто, что мне этого очень хотелось.

У великого русского писателя есть глубокая мысль: «...ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впрямь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства...»

Мое детство пришлось на трудное время — первая мировая война, революция, гражданская война, страшные годы разрухи и голода. Мой отец, замкнутый, молчаливый человек, бывший батрак, а потом водолаз на броненосце «Александр III», где он на всю жизнь надорвал себе легкие, очень хотел, чтобы его дети получили образование. Помню трудный, разорительный для родителей переезд из башкирской деревни Азякуль в Елабугу — там была школа. Устроиться жить мы смогли только в подвале двухэтажного дома на самой окраине. Отец нашел работу — вёсовщиком в одном из купеческих хлебных амбаров. Работа эта была ему особенно вредна — тончайшая, как пудра, бархатная пыль покрывала лицо, забивала дыхательные пути, оседала в больные легкие. Но надо было поднимать большую семью.

В школе учитель закона божьего отец Серафим безжалостно драл за уши непослушных «чад», а учительница арифметики пребольно была непонятливых линейкой по пальцам и голове. С какой тоской плелась мы с братом туда! Когда в семье родились третьи двойняшки, брат ушел из школы работать рассыльным.

А жизнь становилась все тревожнее, все голоднее. Уже пылали по ночам под Елабугой имения богатеев, начиналась гражданская война. Город не раз переходил из рук в руки. Помню страшное: тело расстрелянного на Московской улице, два вооруженных белочеха рядом. Подходили люди, постояв, не поднимая глаз, уходили...

Суровое, безжалостное время. Помню нашего уличного коновода Ваньку Сушкова. У него не было ни отца, ни матери; старшего брата, революционного матроса, закрутила, унесла война. Ванька долго беспризорничал, бегал из детских домов, голод толкнул его к уголовникам. Его поймали, судили, отбывать наказание прислала в Елабугу. Здесь у него

нашли открытую форму туберкулеза. Он умер совсем молодым, озлобленный на весь мир, оказавшийся к нему таким безжалостным и несправедливым. Мир, в котором он не нашел себе места...

Мое первое путешествие — в группе эвакуированных детей голодающего Поволжья. Жестокое лето выжгло в тот год поля — казалось, на них ничего и не сеяли. Чего только мы не слышали о том, что делает голод с людьми! Нас, ребят 9—12 лет, везли спасать от голода в Туркестан и на Украину.

Иногда мы проводили на станциях по несколько дней, напряженно вслушиваясь во все долетавшие до нас звуки — впереди еще шли бои, надо было переждать их.

Много страшного, грубого, злобного в памяти об этом времени — времени моего детства. И казалось бы, откуда тут взяться хорошим, светлым воспоминаниям. А они есть. И их много. И они — самые памятные.

Десять человек из нашего эшелона, и я в их числе, стали воспитанниками передвижного военного госпиталя — так решили на общем собрании раненые и работники госпиталя. Нас, совершенно раздетых, завернули в одеяла и на руках вынесли к подводам. В госпитале нам выписали такой же паек, как и раненым красноармейцам, и сшили костюмы из байковых одеял. А к Новому году подарили девять пар красивых черных американских ботинок. Мне ботинки оказались малы, и я, хотя так жалко было замечательной обновки, отдал свои Косте Жукову. И ребята несколько месяцев откладывали по полпайки сахара, а потом на барахолке выменяли накопленный сахар на роскошные по тем временам сандалеты из лосиной кожи для меня. А ведь все они были голодными детьми голодающего Поволжья, и каждый из них, когда делилась и разыгрывалась буханка хлеба, мечтал, чтобы ему досталась горбушка — она была не больше других порций, но ее можно было дольше жевать...

А сколько тепла находили для нас измотанные, искалеченные войной раненые и работники госпиталя, каждый из которых наверняка испытал тяжесть потери родных, близких! Как со своими детьми, возился с нами дядя Федя Козлов, а ведь в это время его семья бедствовала в том самом Поволжье, откуда вывели, чтобы спасти, нас... Как забыть измученного делами, вечно спешащего политрука госпиталя Крысина, который все-таки постоянно находил время зайти, поговорить с нами. Ведь именно он учил нас видеть в окружающей неустойчивости, бедности, человеческом горе беспримерный человеческий подвиг, громадный смысл свершавшихся в мире перемен. Он открывал нам за всем этим контуры нового, «нашего» мира.

Как до слез горько было расставаться с этими людьми. Людьми, благодаря которым я выжил, которые так много дали мне для жизни.

После того как госпиталь расформировали, нас определили в детский дом. Однажды меня пригласили к заведующей. Едва я вошел в кабинет, женщина в черном старом пальто бросилась ко мне:

— Витя, сынок!

Это была моя мама. Мы не виделись больше года. Моя мама... Сколько раз своей лаской она скрашивала мои детские обиды, которые доставляла мне замкнутая строгость отца. Вся ее жизнь прошла в одной бесконечной заботе — двенадцать детей подняла она. Двенадцать детей в такое время. И при этом не замкнулось для других ее сердце.

В двенадцатом году заболела сыпняком вся семья наших знакомых Морозовых. Слегли дети, потом отец и мать. Все обходили их дом с закрытыми ставнями — боялись заразиться. Иногда только соседи спрашивали друг друга: «Жив кто?» Когда все были уверены, что семья умерла, ставни в доме все-таки открылись, и ослабевший хозяин выбрался погреться на весеннее солнышко. Через неделю на два дня приехал в город старший сын Морозовых, командир Красной Армии. Зашел к нам, стал благодарить мать:

— Спасибо, Мария Павловна, за родителей и детшек. Если бы не вы... Никогда мы об этом не забудем.

Мы ничего не понимали. Ни мы, ни соседи ни разу не видели, чтобы мать ходила к Морозовым.

... А тогда, в детдоме, мать уговорили взять с собой еще девять ребят из наших краев. Мама боялась:

— Как же я их повезу? На улице зима, а они все разутые, раздетые.

Ей сказали, что дадут документ, по которому в сельсоветах будут оказывать всяческую помощь. По занесенным дорогам Татарии везла она нас, заботясь о каждом, как о своем сыне. В деревнях нас встреча-

ли хорошо, давали теплые тулупы. Но как-то на одном из перегонов подводчик, едва мы выехали за околицу, остановил лошадь и сказал маме:

— А ты, тетка, слась. Лошади тяжело. В бумаге написано: десять ребят. Тебя нет. Так что слась.

Растерявшаяся мать слезла и пошла следом за нами. Она то и дело проваливалась в снег, стала заметно отставать, а подводчик равнодушно подстегивал лошадь. Я смотрел на маму, и слезы душили меня. Я не знал, что делать. Хотел броситься на подводчика, потом вскочил, чтобы спрыгнуть на дорогу. И тут один из моих друзей схватился за вожжи:

— А ну, борода, стой! Вертай назад!

— Чаво? — рассвирепел мужик. — Кнута хочешь?

— Чаво-чаво, — не испугался Терентий. — Ты чего, старого режима захотел? Вертай, мы с тобой не поедим, пусть другую подводу дают! И кнутом не маши — не очень то напугаешь. Мы ей кто? Никто. А она всех везет. Как же ты ей можешь: «Слась»?

Мужик зло посмотрел на нас. Потом остановил подводу:

— Ну седай, коли так.

Мать тяжело села. Я схватился за нее дрожащими руками. Друзья довольно и весело подмигивали мне — не пропадем!

Трудное мое детство... И все же главное, что я вынес из него, сознание, что в силах человеческих оставаться человеком в любых, самых трудных обстоятельствах. И что заложены эти силы во мне.

Когда пришло время выбирать профессию, отец сразу сказал:

— Готовься, будешь поступать в профессионально-техническую школу.

Спорить с ним было бесполезно, да у меня и повода не было — сам давно решил: буду рабочим. Вся молодежь, комсомольцы в первую очередь, стремилась тогда на производство. И хотя по старым традициям на нашем чугунолитейном заводе им как вновь пришедшим давали самую тяжелую и грязную работу, все были твердо убеждены, что профессия рабочего самая важная и нужная в социалистическом государстве.

Выдержать экзамены в профтехшколе было сложно — желающих оказалось очень много. Но мне повезло, и я оказался среди учеников. Учеба была напря-

ЗЫ-ОДЕЮ ДАДО

женной: с восьми утра работа в производственных мастерских, с часу дня — занятия в классах.

После выпускных экзаменов с дипломами на руках мы, четверо выпускников, отправились в Пермь искать работу. Многие наши тогда разбрелись во все концы России с той же самой надеждой. Пароход был забит до предела. Как и все другие, попадавшие навстречу. Казалось, вся страна струнулась с места, устремилась к новым местам, к новым стройкам. Строители нужны были повсюду. На биржах труда бесконечные очереди тянулись к окошкам с надписью: «металлисты», «служащие», — у окошек «строители» обычно никого не было. Россия безудержно строила... Так было в Перми, так было в Лысьве. Не знаю, сколько бы нам пришлось ждать без еды, без денег работы, если бы не письмо выпускников нашей школы из Невьянска: «Приезжайте — открывается новый завод». На последние деньги добрались мы с Мишей Монастырским до Невьянска. Нас приняли. Слесарями пятого разряда. Радости было...

Утром, в пять часов, мощный гудок завода поднимал все дома города и разносился на много километров окрест. Через сорок пять минут подавали второй гудок — короткий. За три минуты до начала работы ворота проходной закрывались, и опоздавшим записывался прогул. За три прогула увольняли. В условиях безработицы такая мера была очень чувствительной. Но не только увольнение пугало. Мы в то время всегда чувствовали, что наша работа — дело государственной важности, что рабочий класс — главная сила, опора страны. Вот это сознание и рождало в нас ответственность. Старые рабочие, бывало, предлагали во время работы пойти покурить, но мне казалось, что отдыхать во время работы — просто преступление. В Невьянске я один раз опоздал на работу — ворота закрылись перед самым моим носом. Целый день я, совершенно подавленный, бродил по городу, боясь смотреть в глаза окружающим. Вот почему я никогда не мог понять случаев недисциплинированности у моих ровесников, всегда им прямо об этом говорил.

В инструментальном цехе завода в то время шла скрытая борьба группы опытных лекальщиков с коммунистами и комсомольцами цеха. Молодые здесь использовались на второстепенных работах, а лекальщики высшей квалификации изготовляли мерительный инструмент большой точности, сложные контрольные приборы. Работали они не спеша, «ловили микроны притиркой», зато зарабатывали до 400 рублей в месяц. Мы с Мишкой Монастырским, к примеру, получали раз в десять меньше. Заменить их никто не мог, и они диктовали свои условия. Начальник цеха заискивал перед ними, боясь срыва программы. Но потом назначили нового начальника, коммуниста Степанова, и по его инициативе была создана комсомольская бригада лекальщиков.

Старые лекальщики ходили мимо нас и посмеивались, а мы в такой обстановке не хотели обращаться к ним за помощью. Но набираться опыта нужно было. Как? Вот и старались перенять их приемы, наблюдая за работой опытных издали. А то еще как можно медленнее проходили мимо их рабочих мест и что-то умудрялись запомнить. Одновременно искали свои приемы. И уже через полгода стали справляться с ответственными заданиями. И тогда начальник цеха объявил о снижении расценок на отдельные детали до 50 процентов. Многие лекальщики-старички тут же взяли расчет. Они рассчитывали, что на Сталинградском тракторном, который тогда вступал в пусковой период, смогут работать по-старому.

— Пусть едут, — усмехнулся Степанов. — Страна у нас одна, на всех заводах Советская власть.

Уже через месяц-два лекальщики вернулись. Мы с Мишкой много говорили об этом и никак не могли понять, чем вызвано у этих рабочих такое отношение к труду. Ведь было среди них и несколько молодых. Но как они, рабочие люди, могли замкнуться в кругу своих рваческих интересов?

Нам нравилось в Невьянске — хороший завод, новые товарищи, интересная работа, хорошие заработки, великолепная природа вокруг. И в то же время чего-то нам не хватало. Каждый вечер мы с интересом говорили о Магнитке и Днепродзерже, о Сталинградском тракторном, и начинало казаться, что в Невьянске мы оказались в стороне от главных событий эпохи, в тылу, а не на передовой борьбы за социализм. Потом обстоятельства сложились так, что мы с Мишкой Монастырским оказались в Москве.

14 июля 1930 года пришли на «Красный пролетарий».

Бывший завод «Бр. Бромлей» начинал тогда рекон-

струироваться. Вступали в строй новые цехи, осваивалось новое оборудование. Завод начал специализироваться на выпуске токарно-винторезных станков. Первенцем специализации стал станок ДИП, что расшифровывалось так: догнать и перегнать.

Бригадный способ работы того времени отличался от нынешнего. Скорее он напоминал артели прошлого. В каждой бригаде, будь в ней даже человек шесть, бригадир частично или полностью освобождался от производственной работы. Весь заработок шел в общий котел и распределялся по квалификации и разрядам членов бригады, без учета практически сделанной каждой работы — зачастую несправедливо. Это тормозило работу, потому что некоторые члены бригад с высокими разрядами не очень-то гнались за выполнением плана — были уверены, что и так получат высокую зарплату из общего котла.

Как-то ко мне подошел бригадир — я тогда работал на каретках. Вид у него был унылый.

— Что случилось, Сергей?

— Не случилось, а случится... Как бы расчет брать не пришлось. Разгоняют нашу бригаду, переводят на сдельщину.

— Ну и правильно. Теперь кое-кому с высоким разрядом придется попотеть, чтобы сохранить заработок. Чем же ты недоволен? Бригадирство свое жалко, что ли? Смотри, на побегушках квалификацию растеряешь да еще брошко отратишь.

После перехода на сдельщину несколько человек ушли с завода искать легких заработков. Но их уход на плане не отразился — сдельная оплата труда с первого же дня помогла резко поднять производительность труда, укрепила дисциплину. Пятилетний план наш завод выполнил за три года и семь месяцев. Непрерывно нарастала мощность завода в годы второй пятилетки — «Красный пролетарий» выпустил более 13 тысяч станков. Завод стал ведущим станкостроительным предприятием страны. Наши конструкторы уже сами создавали десятки типов новых, самых разнообразных станков. За годы первых пятилеток я стал довольно опытным производственным, меня часто направляли на отстающие участки как своего, так и других цехов. В 1939 году «Красный пролетарий» был награжден орденом Ленина.

Но годы наступали тревожные. Вспоминается такой факт. За месяц до войны на завод прибыл станок, закупленный в Германии. Когда его распаковали, оказалось, что он практически недоделан — грубое корпусное литье не обработано и кое-как окрашено, около маховичка ручной смазки были приклеены таблички с надписями: «Вертеть рукой 33 раза». Рабочие подошли к станку, возмущались:

— Обнагтели совсем фашисты проклятые. Видать, и нам скоро воевать придется.

Война предчувствовалась по множеству примет...

Годы войны... Что написать о них? Вспомнить бомбежки, тревоги, эвакуацию?... Для нас самым главным была работа. Работа без выходных, работа и еще раз работа. Больше нечем было помочь фронту, и мы помогали, как могли. И все-таки об одном не могу не рассказать.

Уже в марте сорок второго первые краснопролетарцы вернулись из Челябинска, куда был эвакуирован завод, в Москву. Мы сразу же пошли на завод. Он поразил нас сумрачным безмолвием и пустотой. Как ровные раны, зияли в полу обнаженные фундаменты увезенных станков... В сборочном цехе — огромная дыра в застекленной крыше, в которую падал снег и, не тая, ложился на пол.

Много чего не хватало нам, но прежде всего людей. Как-то обсуждали новое задание. Видели, что справиться с ним без помощи невозможно, но и понимали, что говорить в такое время «невозможно», нельзя.

— Посмотрите-ка... — вдруг воскликнул я. — Это еще что за экскурсия?!

По центральному пролету парами шли девочки и мальчики лет четырнадцати. Многие из них держали друг друга за руки.

— Детский сад привели не вовремя, — сказал мастер. — Ну, я пошел разговаривать о кадрах.

Вернулся он не скоро. Вернулся с девятью ребятами из того самого «детского сада» — шесть мальчиков и три девочки.

— Вот вам и кадры, — усмехнулся мастер. — Начальник цеха сказал: берите, учите и делайте программу.

Мы смотрели на ребят. Забавные они — все осматривают, руками трогают, но как будто и не очень смущены новой обстановкой и готовы работать.

Решили мы так: пусть ребята делают по одной

мелкой операции, которую легко изучить, а самое тяжелое возьмем на себя. Девочки будут подготавливать узлы и валики. Уже через неделю эти ребята совершенно освоились на работе, и участок наш новое задание выполнил.

А молодежи в цехе приходило все больше. И она становилась главной силой нашего соревнования. Таня Ячменева, Валя Сугрובה, Настя Ерохина возглавили молодежные бригады. Послали меня раз в цех по выпуску боеприпасов исправить станок. Какое-то время я не мог работать — стоял и смотрел, как работают мальчишки и девчонки из бригады Тани Ячменевой. Не я один так, будто не веря своим глазам, у их станков останавливался...

В октябре сорок третьего я в числе большой группы краснопролетарцев был награжден орденом Ленина за выполнение правительственного задания по восстановлению станкостроения. В день награждения забегал на участок. Спрашиваю мастера: «Как с моей операцией будет?» «Освободишься рано — возвращайся». «Так после меня еще зувевская операция остается...»

Зувев, ученик из моей бригады, как раз оказался рядом:

— Приходите как сможете, Виктор Васильевич, я подожду.

Награждение в Кремле сильно затянулось, с концерта я ушел, но пока добрался до общежития, а потом до завода, было уже два часа ночи. В цехе темно. Включил свет в нашем пролете. Смотрю на ровный ряд передних бабок — они без секторов, верхних переборов и крышек — одному не справиться... И тут из темного угла вышел Зувев. Заспанный, глаза трет.

— Пришли все-таки, Виктор Васильевич. А я ждал, ждал да и задремал малость. Начальник цеха гнал меня домой, а я подумал: уйду, а вы придете — нехорошо получится. И монтаж завтра сорвется.

Да, они рано становились взрослыми, дети войны... Мы сейчас говорим о затянувшемся инфантилизме части нашей молодежи. Правильно говорим, правильно тревожимся. Но давайте задумаемся о причинах. Ведь человек становится взрослым не только потому, что за плечами у него определенное количество прожитых лет, но и потому, что за плечами у него какой-то опыт, какие-то поступки, дела, чувство ответственности за что-то. А как часто взрослые изо всех сил берегут своих детей от всего этого, берегут от взрослости.

Нет у меня, разумеется, никакого желания призывать искусственно устраивать нынешней молодежи невзгоды времен моего детства или военного времени.

Хочу, чтобы другое поняли: нельзя подготовить молодого человека к взрослой жизни без труда. Труд, который приносит бы реальную пользу, труда, за который он нес бы ответственность. Уроки такого труда заменить нечем. Уроки для души, уроки для ума. В этом я еще раз убедился на слете представителей трудовых объединений школьников, председателем штаба которых являюсь.

Слет проходил в Запорожье. Поехали мы как-то в совхоз «Шлях Ленина», на полях которого работали ребята из трудовых объединений, жившие рядом в лагере. Разговорились с директором совхоза. Спросил его, как работают ребята.

— Как? Вот сейчас они нам помогают убирать помидоры. Так можно прямо сказать: они нас просто спасают. На таких культурах мы без них потеряли бы урожай.

Потом заехали к ребятам. Дело было в обед. Собрали их в беседке. Сидят они, веселые, возбужденные, видно, что лекции слушать никак им не хочется. Ну, тогда я и говорю, как директор совхоза об их работе отозвался. Тут ребята просто расцвели. И вот того чувства, что они в этот момент испытывали, ничем не заменишь.

Сколько раз приходилось рассказывать мне о своей работе. И часто подмечал я у слушателей нотку сомнения — не скучно ли, не надоело ли: столько лет одно и то же... Во-первых, свое дело в жизни не надевает. Во-вторых...

После войны мы на ходу переделали серийный станок М-20 на станок IA62 с 1200 оборотами вместо 600. Потом появились и другие станки, на которых детали обрабатывались с точностью до 5—3—2 микрон, станки с гидроконтрольными устройствами, восьмишпиндельными автоматами. К столетию завода, в 1957 году, была разработана новая модель IK62, ведущие конструкторы которого постоянно советова-

лись с нами, рабочими. Одновременно шла реконструкция завода, на бурных заседаниях парткома, членом которого был и я, искались лучшие пути решения самых насущных проблем. В конце реконструкции меня вызвали к главному инженеру. Входя в кабинет, я услышал обрывок фразы заместителя начальника производственного отдела: «Уверю вас, он не справится...» Оказалось, что с одного из заводов Украины поступила рекламация на наш станок. Мне предложили поехать устранить неполадку. Вообще-то тут нужны были знания хорошего токаря, а я слесарь, в наладке станков не участвовал, но меня, что называется, заело... В помощь мне дали инженера Юрьева из цеха наладок.

Несколько дней все наши попытки устранить дробление ни к чему не приводили — длинная штанга резцедержателя мелко вибрировала, визг металла резал уши по всему цеху... Каждый из нас предлагал свои меры. Я говорил, что надо изменить геометрию резца, Юрьев возражал: резцы заточены по чертежу и инженерному расчету, с учетом марки металла... Наконец мне удалось его убедить. «Попробуй», — махнул он рукой. Я попробовал — станок заработал. Радовался я недолго: ведь мой резец был только хитрым выходом из трудного положения, так сказать, ненормальный резец к ненормальному станку. Самое же главное — станок наш был конструктивно недоработан. Вот об этом после возвращения у нас на заводе был серьезный разговор.

Так скучно ли всю жизнь заниматься одним делом? Смотря кому. Если ты в нем много знаешь и умеешь, а еще большего хочешь добиться, то нет. Если просто лямку тянешь — разговор другой.

Нет, мне всегда было интересно и жить и работать. Еще знаете почему? Потому что много времени отдавал и отдаю общественной работе. Пусть из-за нее мне приходилось ограничивать время отдыха, отказываться от каких-то привычек, но сколько нового мне эта работа открыла, с какими замечательными людьми свела. Беднее — и намного беднее! — была бы моя жизнь без общественных обязанностей. Неоценимую помощь опыт этой работы оказал мне в исполнении ответственных обязанностей члена ЦК КПСС и депутата Верховного Совета СССР. Учитывая именно этот опыт, меня выдвинули в члены Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства, где я должен был представлять точку зрения рабочих нашего завода.

Жаль вот только, «не за тем» приходят некоторые люди в общественные организации. Например, главная цель общества книголюбов, членом правления которого я являюсь, — популяризация книги. К нам же часто поступают с одной целью: дайте подписку! На мой взгляд, такие люди обкрадывают сами себя.

Станки, которые сейчас выпускает «Красный пролетарий», отличаются от тех, что я собирал полвека назад, примерно так же, как современные заводские корпуса отличаются от небольшого домика-теремка с причудливой лепниной на пузатых колоннах, в котором братья Бромлей когда-то создали механическую мастерскую. И это естественно — каких успехов добилась за это время наука и техника. Но сейчас моя мысль о другом. О том, что за каждой моделью станка — судьба наших рабочих и инженеров, поиски, надежды, тревоги, огорчения и радости. И для меня за историей каждого нашего станка — люди, а уже потом научно-технические достижения. Вот в такой последовательности. А истории эти вовсе не безоблачны и зачастую полны моментов по-настоящему драматических. И тем выше цена достигнутого.

Однажды на нашем участке сложилась такая ситуация: надо было осваивать станки с совершенно новой системой управления и одновременно выполнить увеличенный план по выпуску старых станков. На планерках мы много спорили, думали, как лучше организовать дело. И вдруг на одной из них мастер Березовский, бывший сборщик, много лет отдавший заводу, резко бросил всем нам:

— Так беретесь вы за эту программу? Или боитесь перетрудиться? Так если кто не хочет работать, я обойдусь и без них. Приглашу «варягов» с других участков.

Рабочие переглянулись, недовольно зашумели:

— А при чем тут «варяги»?

— Толку-то от них всегда было мало!

— Не дело говорить, мастер...

Так ничего полезного мы на той планерке и не придумали, а после нее молодые рабочие подошли ко мне. Не скрывая, что выступление мастера им активно не понравилось:

— Что он все время: я да я?

— «Варягами» пугает, а зачем? Что это даст?

— Лучше бы дельное что предложил.

Не знали ребята, что накануне мастер жаловался мне: трудно с новой техникой, если бы не молодой, энергичный распределитель работ Тоня Коляденкова, совсем бы не знал, что делать.

— Тяжело ему стало, ребята, руководить, — стал объяснять я, — в станке новом он разбирается, сами

видели, слабо. Учиться? Поздно уже. Вот ведь какое дело.

— Так уходить надо из мастеров, если не тянешь.

— Да вот, видимо, и уйдет, когда вернется из-за границы Матвеев, — говорю я, а сам вдруг совсем ясно вспоминаю одно давнее свое лето. Отец тогда учил меня косить...

Ровными взмахами косы клал он траву ряд за рядом и спокойно учил: «Не зарывайся носком, на пятке косу держи». А у меня поначалу ничего не получалось.

Косить я потом выучился, но угнаться за отцом, конечно, не мог. Вел он меня за собой и на следующий год. Но к вечеру вдруг стал сдавать. Я азартно наседаю на него на пятки:

— Чего жмешь? — сердито обернулся он. — Махнешь мне по жиле — и конец. Ладно, давай кончать, устал я что-то.

На ночь он заботливо укрыл меня в шалаше плащом — августовские ночи были росистые, холодные. А утром тихо сказал:

— Валяй передом, я за тобой.

И я пошел вперед, радуясь, что вырос и уже силен так, что отец не поспеет за мной. Я старался уйти от него как можно дальше и уходил, ничего не подозревая о его печали, горестном сожалении, что так рано приходится сдаваться времени. Тогда я ничего не подозревал о том, что мне так ясно сейчас.

Так и молодые наши наладчики, для которых в станках с электронным мозгом управления нет ничего необычного, которым зачастую и инженерам приходится объяснять, что к чему в новых моделях, не могли, конечно, понять чувств и тревог старого мастера, растерявшегося перед напором новой техники. Что ж, мудрость и понимание, видимо, не первые достоинства молодости. Но стоит ли на это обижаться, считать, что взрослым так и не дано достучаться до молодых душ и сердец? Уверен — дано. Потому что есть основное: наша общая забота и долг — наше дело.

Новый мастер нашего участка И. М. Матвеев оказался явно человеком на своем месте. Программу мы успешно выполнили. Но ведь и вернувшийся в цех Березовский внес в это свой вклад, работал уверенно и точно. И обид ни на кого не таил, потому что понимал: по сути молодые были правы. И выиграло в результате дело.

Не может быть счастливым человек, не нашедший в жизни своего дела или нашедший, а потом вдруг променявший на что-то полегче, повыгоднее, попрестижнее. Такой человек уже не работает — он или филонит, или «вкальвает», или халтурит. Человек же на своем месте не взнуздывает, не понукает себя, он во время работы живет. Она для него так же существенна и необходима, как хлеб и вода.

Вот почему я и сейчас не могу не идти на работу. Как же не работать, когда силы есть? Правда, они стали другими, и нам с моим сменщиком проще выполнить задание не за восемь часов, а за шесть, но это единственное, чем мы от других отличаемся. И людей на нашей работе — монтаже автоматических резцедержателей с шестью позициями — не прибавилось, и норма осталась та же. Делаем столько, сколько требуется.

В двадцатые годы перед рабочими «Красного пролетария» стоял вопрос: быть или не быть заводу? Не было металла, не было топлива, не было продовольствия. И все-таки завод работал. Работал, потому что рабочие-краснопролетарцы решили: заводу быть. Часть из них отправилась за топливом на лесозаготовку. Другая — в южные районы страны за хлебом. Нашли, выбили, доставили на завод металл. И «Красный пролетарий» работал.

В те годы меня еще не было на заводе, но я всегда считал этот факт и фактом своей рабочей биографии. Он во многом сформировал мое отношение к родному заводу, я всегда чувствовал на себе ответственность продолжателя дела тех, кто, не щадя своих сил, выхаживал, отстоял завод. И на каждой встрече с молодежью — а их у меня всегда было очень много — я стараюсь, чтобы и молодые рабочие и те, чья рабочая жизнь еще впереди, осознали: пусть их рабочая биография только начинается, но начинается она не с пустого места. Составная часть биографии каждого советского рабочего — это подвиги революционного пролетариата, трудовой героизм тружеников первых пятилеток, рабочий подвиг, равный боевому в годы войны, самоотверженный порыв покорителя целины, высочайшее мастерство тех, кто своими руками строил первые космические корабли. Продолжателем таких дел, наследником таких людей быть тебе, молодой рабочий. Трудно? Ответственно? Конечно. Но нет на земле дела выше, важнее и почетнее.

Такое уж это звание — советский рабочий.

Записал
Игорь СЕРКОВ.

Прошло почти три года, как музыкальный мир узнал имя пианиста Михаила Плетнева — победителя VI Международного конкурса имени П. И. Чайковского, тогда еще студента Московской консерватории.

Сегодня о нем уже говорят, как о музыканте редкого творческого диапазона и блестящего, виртуозного мастера. И каждый новый сольный концерт, гастроль в разных городах Советского Союза и за рубежом подтверждают высокую репутацию молодого пианиста, раскрывают подлинный масштаб и самобытность его таланта.

Репертуар Плетнева уже сейчас огромно: филигранные сонаты Скарлатти и капитальные циклические сочинения Баха и Бетховена, где пианист демонстрирует безупречный классический стиль и некую полемическую позицию (например, по отношению к известному интерпретатору Баха — канадскому пианисту Глену Гульд); многочисленные произведения русских классиков, где на первом месте Чайковский, лирическая душа которого так близка Плетневу-музыканту; труднейшие сонаты Прокофьева, Брамса, Шопена; образцы виртуозной романтической музыки, разнообразие по стилю концерты с оркестром — Бетховена, Мендельсона, Листа, Рахманинова...

Михаилу Плетневу двадцать четыре года, родился он на севере, в Архангельске, в семье музыкантов-педагогов. Семья часто переезжала из города в город, жили порой неустойчивой жизнью прямо в классах консерваторий — то в Саратовской, то в Казанской. Зато с пеленок, можно сказать, слушал Миша занятия в консерваторских классах, а потом бегал по улицам за всеми подряд оркестрами. И по очереди увлекался оркестровыми инструментами — то тромбон, то флейтой, то барабаном. Все до единого инструменты с иллюстрацией к чешской книжке Модра «Музыкальные инструменты» перевел Миша на прозрачную бумагу, а потом «строил» их сам из игрушек...

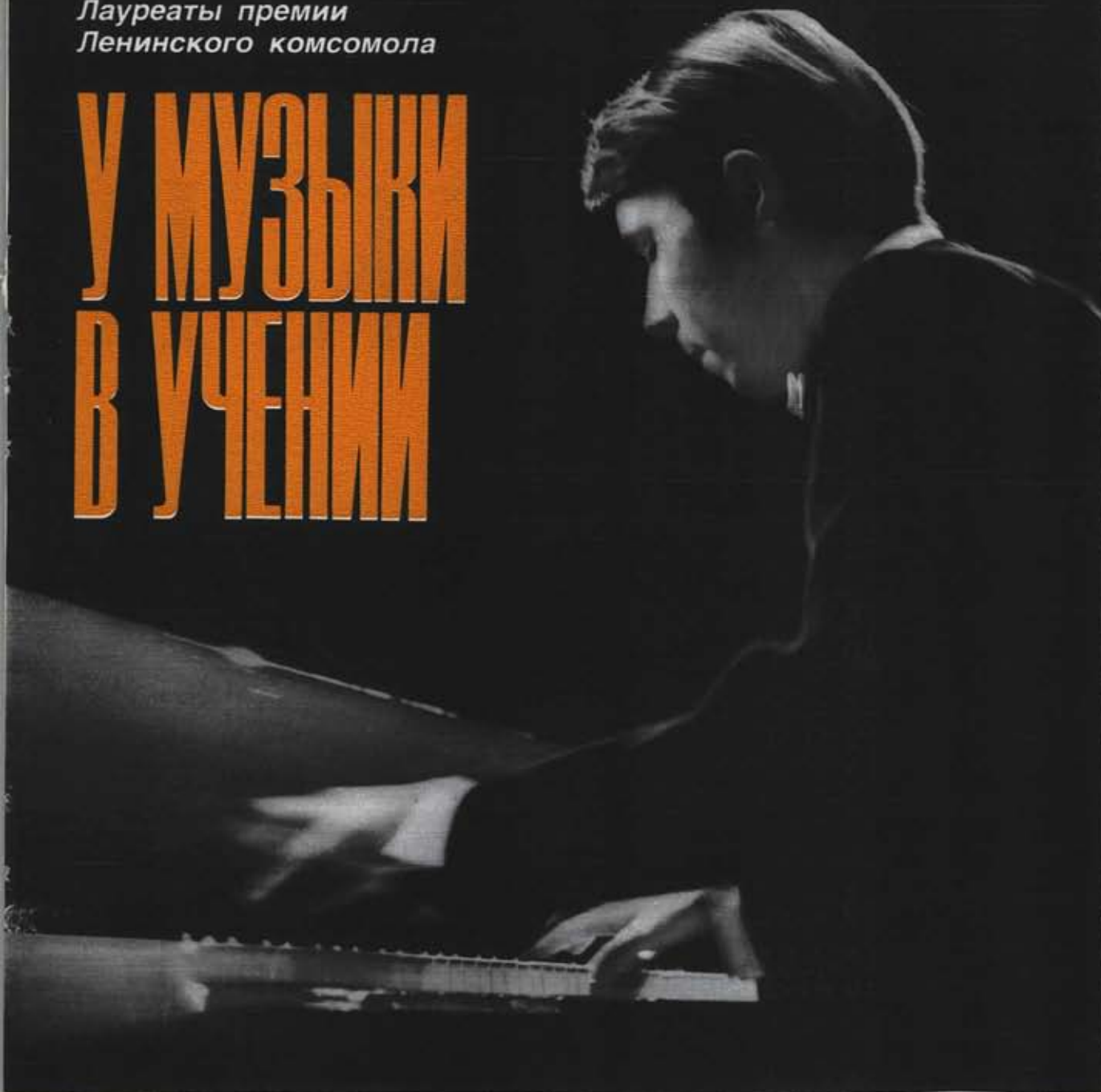
Ему не было и трех лет, когда он впервые уселся за рояль. И, как рассказывают домашние, сразу насторожился, взъерошился и очень аккуратно начал «играть», стараясь закруглять, заканчивать хаотические звучания. Его первое публичное выступление состоялось во Дворце культуры казанского завода, когда Мише не было и пяти лет, — в «семейном ансамбле» отец аккомпанировал на баяне, а сын играл русскую мелодию на балалайке, которая размерами была лишь немного меньше самого исполнителя. В шесть лет он самостоятельно научился играть на скрипке.

Он все любил делать самостоятельно. Чинить радиоприемники и ездить на велосипеде. Штудировать историю искусств и иностранные языки. И читать — взахлеб, преклоняясь перед красотой языка, которую открывали ему Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, классики зарубежной литературы. С ранних лет он увлекается Маяковским. Позднее — Евтушенко. Теперь, размышляя о поэзии, Михаил говорит:

— Признаться откровенно: стихи читать мне трудно, я не могу спокойно наслаждаться поэзией — она «раздражает» мою музыкальную фантазию. Спокойно могу читать только Маяковского: он не брал себе в союзники музыку...

Миша начал фантазировать за фортепиано, сочинять музыку очень рано. Семи лет поступил в специальную музыкальную школу при Казанской консерватории. И уже в первом классе сочинил вальс, посвятив его классной

У МУЗЫКИ В УЧЕНИИ

руководительнице. Этот первый вальс так и остался его единственным миниатюрным произведением. В дальнейшем пытался создавать только крупную, масштабную форму: сонаты, концерты, поэмы, сюиты... Есть у него Триптих для симфонического оркестра, Квintет, Фантазия на казахские темы для скрипки с оркестром — яркое, мелодически богатое и праздничное по оркестровым краскам сочинение, записанное нынче на пленку в исполнении скрипача Алексея Бруни. Ранние композиторские опыты Михаила Плетнева попали в поле зрения профессора Казанской консерватории, композитора Альберта Семеновича Лемана. Серьезные контакты с композитором-наставником начались, когда Мише исполнилось 11 лет. «Он согласился слушать мои опыты и давать резюме, — рассказывает о том времени пианист. — Я многим обязан Альберту Семеновичу, но еще и тем, что в 13 лет очутился уже в Москве...»

Добавим, что и в Москве они не расстались, ибо Плетнев стал студентом консерваторского класса композиции профессора Лемана, также переехавшего в столицу.

С детства Михаил привык изучать явления искусства с пытливым страстью и с беспощадным критицизмом. Читая сейчас в подлиннике произведения Шекспира, Гете, Мольера (иностранные языки — стойкое хобби Плетнева), он говорит, что «большинство переводов не передают атмосферы подлинника». Слушал записи балет-

тов Чайковского, он находит интерпретации этих партитур некоторыми оркестрами недопустимо поверхностными. Так появились в его композиторском портфеле фортепианные транскрипции отрывков из балета «Щелкунчик».

— Я считаю балетную музыку Чайковского *terra incognita*. Оркестры театров, на мой взгляд, прочитывают партитуры балетов несколько поверхностно. А хореографическое зрелище отвлекает от музыки. Между тем каждая интонация, каждая фраза в балетной партитуре Чайковского — целый новый мир, непознанный, бесконечно богатый. Почему я сделал свои фортепианные транскрипции фрагментов из «Щелкунчика»? Чтобы привлечь внимание пианистов на эту еще не «прочитанную» музыку. Но это не значит, что я отрицаю балет как полноценный синтетический вид искусства. Напротив. Я даже сделал балетную транскрипцию оперы «Евгений Онегин» и надеюсь, что она будет осуществлена в хореографическом варианте.

Да, вот так. Все идет у него от страсти к усовершенствованию. Это с детства — всегда искать лучший вариант. И находить — не отступать, если не сразу получается: он подолгу «чинил» магнитофон или электронные часы, если видел перспективу эффектного изменения конструкции. И штудировал французский язык по югославскому учебнику, ибо находил эту методу наиболее плодотворной. И перерабатывал оперную партитуру в балет-

ную, если ему казалось, что музыка любимого Чайковского не так понята оперными певцами. И создавал некий идеальный вариант «чистого» «Онегина»...

Мы еще не знаем, найдет ли сценическое воплощение балетная транскрипция Плетнева (ее начали репетировать в Алма-Ате), но факт остается фактом. Он создал интересное крупное сочинение. «Своего» «Онегина» — новую композицию по известной оперной партитуре, где сюжетный ход трактуется несколько кинематографически. Балет «Татьяна» — так точнее можно было бы назвать эту композицию, ибо ее драматургия разворачивается, как цепь воспоминаний Татьяны, вспыхнувших на балу. А завершается известной финальной сценой объяснения Онегина и Татьяны, которая не обрывается, однако, музыкой героя на словах «Позор, тоска! О, жалкий жребий мой!», как в партитуре Чайковского, но разрастается в некую постлюдию — музыку терзаний героини, в которой чувство долга как бы борется с любовным наваждением.

Досочиняя этот неожиданный финал балета, Миша говорил своим близким: «Мне кажется, Чайковский мог так написать».

Все это не имеет ничего общего с тем, что можно было бы назвать кокетством или нескромностью. Здесь — великая жажда настоящего музыканта не просто приблизиться к глубинам музыки гения, но, пройдя изнурительный творческий путь, открыть с пол-

ным правом своего Чайковского. Когда пианист говорит: «Я всегда испытываю особое счастье, играя музыку Чайковского, соприкасаясь с ней», — он предельно искренен и правдив. Не случайно он первым из советских исполнителей поставил перед собой цель: осуществить запись всех произведений, созданных Чайковским для фортепиано. И приступил к реализации этого обширного плана. Множество из забытых и редко исполняемых фортепианных пьес великого композитора было выучено им в короткий срок. Три из них — «Размышление», «Сельское эхо», «Элегическая песнь» — Миша включил в дипломную программу, заканчивая Московскую консерваторию.

Подход Плетнева к музыке любимого композитора во всех отношениях носит характер капитальный. Он разыскал и отредактировал ранее не исполнявшуюся фа-минорную Сонату Чайковского, разучил все три фортепианных концерта Чайковского и исполняет их с большим успехом в разных городах Советского Союза и за рубежом.

Однако, размышляя о новых художественных увлечениях пианиста, сейчас невольно обращаешь внимание на одну особенность репертуара Плетнева: все большее место в нем занимают Лист и Рахманинов. Думается, не случайно. В жизни пианиста началась пора стремительного артистического восхождения. Ему близки по духу и творческая дерзость великих пианистов-виртуозов и их абсолютное знание природы фортепиано. Однажды он сказал: «По знанию природы фортепиано — Листу нет равных...» Плетнев чрезвычайно чувствителен к качеству звука. Стремление к созданию «магии» фортепианного звучания, к тончайшим оркестровым краскам и тембрам исполнительской палитры составляет «альфу» и «омегу» его профессионального чувства инструмента. Это сближает его пианизм с листовской традицией.

С творчеством Рахманинова Плетнева роднит другое: стремление к масштабности интерпретаций, «дирижерский» охват формы, огромный ритмический потенциал. И даже некое своеволие, парадоксальность манеры в интерпретации «неблизких» композиторов (например, Шопена) в чем-то напоминают манеру Рахманинова.

— Рахманинов. Первый исполнитель всех времен! — восклицает Плетнев. — В нем уникально все: владение звучанием инструмента, могучий ритм — фантастическое мастерство! Берясь за музыку даже не «своего» композитора, он всегда умел находить в ней что-то «свое», гениальное. Скажем, в Шопене. Мне, например, неинтересно слушать так называемых «шопенистов». Для меня Рахманинов — лучший исполнитель Шопена.

Некоторые критики утверждают, что исполнительский «голос» Плетнева излишне суров и рационален. Или называют его «антиромантиком», программно упирая, так сказать, свои интерпретации. Ошибка! Строгость и внешне аскетическая манера исполнения не могут заслонить живой импровизационной природы творчества Плетнева. Поэтический свет чувства прорывается в его игре не часто, но греет тем сильнее. Плетнев импульсивен и переменчив, как актер в «театре одного актера». Редкая собранность, сосредоточенность и дисциплина ума, поглощенного художественной задачей, не позволяют ему размениваться на внешние красоты и мишуру артистического самопоказа. Не случайно один из зарубежных критиков писал: «В концерте Листа Плетневым не было сыграно ни одной ноты для виртуозного эффекта. Таким же благородством отличалось и исполнение Рапсодии на тему Паганини Рахманинова».

Плетнев-исполнитель строг и ясен до прозрачности, как истинный «клас-

сик». Но он всегда готов озадачить слушателя самыми экстремальными средствами: то дерзостью темпов сверхбыстрых (когда техника пальцев, кажется, выходит за грань возможного), то дерзостью темпов замедленных, дающих возможность как бы сокровенно, ноту за нотой прочесть страницы великих вдохновенней... А что такое «форте-фортиссимо» — шквал сокрушительных октав в его «Ракоши-марше» Листа? А что такое «пиано-пианиссимо» — бесконечное вслушивание в затухающий, едва мерцающий звук Плетнева в «Осенней песне» Чайковского, которую он умудряется исполнять и абсолютно бесхитростно и абсолютно оригинально? Все это та причудливая система сверхконтрастов и «сверхсредств», которые делают искусство пианиста изначально дерзким и неожиданным, но всегда глубоким, проникновенным и правдивым. Система сверхконтрастов помогает ему постигать титанический стиль таких великих произведений, как, например, последняя с-мол'ная соната Бетховена, которую Михаил считает одной из самых возвышенных бетховенских сонат. Показывая рождение главной, «прометеевской», темы сонаты, он творит эту музыку как бы изнутри, используя огромную динамическую шкалу фортепианного звучания: от звуков тишайших, заповедных, почти стыдливо-робких до жестких и оглушительных, внезапно вырастающих до крика.

— Искусство Бетховена не знает середины, — говорит Плетнев. — Сверхконтрасты — грани души великого композитора...

Итак, Плетнев — «классик»? Многие убеждены, что да. Но не все. К примеру, в его исполнении Сюиты ля-минор Баха иные видят романтическую окраску. Однако все сходится на том, что Плетнев — редчайший виртуоз и в то же время — истинно лирическая русская душа.

Но вот парадокс: ему суждено было стать последним учеником «последнего романтика», как называли иногда выдающегося советского пианиста Якова Флиера, в чей класс был зачислен студент Михаил Плетнев. Профессор и ученик казались антиподами. Их встречи и уроки, отличавшиеся многосторонностью общения и искренним интересом друг к другу, были насыщены острейшими дискуссиями. Открытый, пылкий темперамент Флиера нагнетался на замкнутую аналитическую личность ученика, всегда вооруженного собственным мнением. Шутя, Флиер рассказывал, что тратит на один урок с Плетневым столько творческой энергии, сколько на два собственных сольных концерта. Вспоминал свои уроки с Флиером, молодой пианист, в свою очередь, говорит:

— Он иногда возражал против моих темпов. Я иногда с ним соглашался... Впрочем, наше общение в конце концов всегда было направлено на проблемы интерпретации.

Кстати сказать, общение Плетнева с другим его педагогом по Московской консерватории — Львом Николаевичем Власенко — также носило и носит характер честной дискуссии.

— Сбить его невозможно, — рассказывает Лев Николаевич, — так он сконцентрирован в себе самом. В нашем педагогическом общении он не допускает случайностей. Он говорит мне прямо: «Это мне подходит». Или просто молчит. И если при повторении отрывка он снова играет то же самое, я уже понимаю, что это «его», сокровенное. Он бесконечно честен и не способен лицемерить. И потому я испытываю особое удовлетворение, когда он говорит, например, так: «Я очень доволен вашими замечаниями о 7-й сонате Прокофьева...» (то есть о его интерпретации этой сонаты).

Однако справедливость требует отметить: артистическая личность его «главного» учителя Якова Владимиро-

вича Флиера оказала самое благотворное влияние на формирование Плетнева и всю систему его пианистических средств, вплоть до внешней исполнительской осанки.

— Я чрезвычайно благодарен судьбе, что она подарила мне три с половиной года учебы и тесного общения с Яковом Владимировичем. Всю программу для конкурса имени Чайковского я успел подготовить под его руководством и на этом ответственном соревновании выступал как бы и от его имени.

Увы! Профессор не дождался триумфа своего талантливого студента. После кончины учителя Михаилу Плетневу как самому любимому ученику был подарен концертный фрак Якова Флиера с напутствием: «Чтоб играл так же, как учитель». Он ответил тогда с невозмутимой твердостью: «Я буду играть лучше».

Таков этот своеобразный характер! О Михаиле Плетневе — ныне аспиранте и ассистенте фортепианного факультета Московской консерватории — хорошо сказал профессор Лев Власенко: «Главное, он — музыкант концепционного плана. В его игре поражает личностное отношение к каждому исполняемому произведению и одновременно бережное, сокровенное отношение к композитору; которые ему близки». А когда речь зашла о поразительной технике и звукотехнике Плетнева, о его жестком, беспощадном самоконтроле во время исполнения, который многие принимают за сухость и аскетизм, Власенко сказал: «А знаете, что такое его скупая, «аскетическая» педаль? Это жажда совершенства! Вечное стремление к идеалу звучания. Он хочет все слышать. Понимаете, все!»

А мне вспомнились слова самого Плетнева о том, что подлинная виртуозность не имеет ничего общего с внешними, демонстративными приемами игры. Играть быстро, эффектно, сыпать каскадами пассажей — это не так уж трудно. Виртуозность — это прежде всего точность, блестящее владение звукотехникой. О виртуозности и мастерстве звукотехники можно иногда судить по нескольким нотам, взятым на легкой педали...

Воля к самоутверждению и творческая дерзость этого хрупкого на вид юноши сметают все преграды на пути к музыкальной универсальности. Когда его спросили однажды, пробова ли он дирижировать, он воскликнул:

— О да. Это — мое! Еще в Центральной музыкальной школе я пытался создать оркестр. И, представьте, мы кое-что играли. Симфонию Гайдна, например. Мне кажется, я не ощущал бы себя стесненным в амплитуде дирижера симфонического оркестра. Моя мечта — продирижировать «Щелкунчика»!

Теперь эта мечта уже осуществилась. В Казани, в городе его музыкального детства. В последние годы, кажется, только Евгений Светланов рещался исполнять полные балетные партитуры в филармоническом концерте. Плетнев дирижировал всю музыку любимого балета Чайковского в Казанской филармонии. Нет, он не штудировал основ дирижерского искусства по учебникам. Просто он ощутил в себе это. И спокойно встал за пульт симфонического оркестра, когда нужно было исполнить вместе с Алексеем Бруни Фантазию на казахские темы для скрипки с оркестром. Произошло это год назад в Минске. а потом в Свердловске, в Петрозаводске...

Стремление к универсальности всегда было лучшей традицией больших русских исполнителей. Рубинштейн, Рахманинов, Прокофьев. Великие композиторы-пианисты-дирижеры...

Дерзкий двадцатичетырехлетний Михаил Плетнев говорит:

— Я не пианист. Я музыкант. Для меня музыка — одна профессия.

Дмитрий ХОЛЕНДРО

РАССКАЗ

РОЖДЕ

Бабушку он любил, но не успел сказать ей об этом. Почему? Костя даже пробормотал это слово, вслух спрашивая себя, и задумался. Иногда — и нередко — она его раздражала. И тем, что безостановочно вспоминала свое прошлое — одну стройку, вторую, третью или войну, и тем, что все вокруг было для нее не просто хорошим, а прекрасным, и тем, что она все еще приторвалась молодой и шаловливой, вроде школьницы.

Раньше, в недалеком детстве, он с уверенностью заявил бы, что такого не может быть: одновременно любить человека, причем по-настоящему, непритворно, и так же искренне, то есть вспльщиво и нетерпимо, не принимать. Оказывается, бывает. Чего только не бывает в жизни! С каждым годом разрасталось убеждение: абсолютно все бывает. Значит, оставалось абсолютно ко всему относиться спокойней — и точка.

Вот Ленка, сестра-близнец, каждую секунду чем-то возмущалась, еле удерживая себя от того, чтобы не рухнуть в обморок. Глядя на бабушку или деда, она неуклюже кривила губы, пожимала, не жалея сил, плечами, тоже некрасиво и криво, точно у нее надломился хребет и скоро горб вырастет, желчно усмехалась и над ним, Костей, поражаясь его терпению, а ему никакого терпения и не требовалось. При мысли, что еще надо как-то на что-то реагировать, его сразу одолевала непроницаемая скука и лень.

Оказывается, он давно уже учился спокойствию, и жизнь его незаметно развалилась на две половины совсем непохожих, будто бы от жизни разных людей. В одной ему было просто-напросто скучно. Если бы не защитная толща лени, то скука стала бы невыносимой, требующей действия, или хотя бы слов, или хотя бы искривленных губ, как у Ленки, а так — ничего... Было жалко Ленку и непонятно, как ее хватает на все. В другой половине он неузнаваемо менялся: зазорный, сообразительный. Как неверяще удивились бы родители, увидев его таким! Особенно хвалиться нечем, но факт, что в нем вдруг просыпалась самая кипучая энергия. Быстренько и ловко, скажем, провернул он операцию под кодовым названием — для себя — «Алые паруса».

В квартире сошлись дедовские однополчане, артиллеристы, отмечали чего-то там такое: Умань, выход из окружения, какая-то своя дата. По этому случаю дед торжественно принес домой шеститомник Александра Грина, один том оставил у себя, а другие раздал друзьям, каждому по тому: «Будем сужать друг другу для чтения и почаще видеться, общаться». Ужас как удобно! Вот позеры-то! Из-за противоборства этой позе и пришла ему, Косте, мысль: раскопал телефоны дедовских друзей в записной книжке, валяющейся на полке, у аппарата, созвонился, извинился, попросил, сосредоточил всего Грина в своих руках и очень даже выгодно двинул с этих рук у букинистического магазина. А перед старыми артиллеристами по телефону: дружок, мол, заматал Грина, взял почитать и... Бывший дружок, конечно. С ним отныне конечно навсегда. Но и книги, увы, навсегда исчезли. Старики поахали от расстройства, даже постонали, ахая, но деду обещали не выдавать. А своего тома дед до сих пор не открывал и не хватился. Зато у Кости недельки две водились деньги. Иначе их от деда не получишь. Без денег же совсем скучно жилось. Как вот теперь...

Он валялся на диване, воткнувшись в книгу. Так о нем обычно говорила мама, и это походило на правду. При его близорукости, из-за которой не взяли в армию, он держал раскрытую книгу почти у самых глаз, будто и впрямь втыкался в ее страницы. С самого детства читал все подряд, что попадало под руку: зарубежную фантастику, древних философов, неожиданно для себя открыл Ивана Бунина и еще неожиданной Андреем Платоновым, потому что это было совсем рядом — когда он родился, Платонов еще не умер, и какое-то время они жили на земле вместе.

В школьные годы у него не было такой свободы со временем, как сейчас, и читал он далеко за полночь, при слабом ночнике, отчего, конечно, и затуманилось перед глазами быстрее, чем хотелось бы. Но нет худа без добра. Многие из ребят, не поступивших в институты, теперь кто где, в стужу или духотищу топтали землю в строю, а он все читал себе, продавливая диван и порой не стаскивая с себя пижамы от пробуждения до грядущей ночи.

Читать мешали родственники, иногда в одиночку, а иногда всей семьей, хором решая, в какой институт попробовать ему попасть следующим летом, чтобы осуществилось, наконец, некие надежды, которые он подавал. А ему и не хотелось поступать. Ему нравилось так. Обтрепанное пальто, линялая рубашка и немодные брюки вовсе не смущали его. Желание пожить было ему не чуждо, но и от отсутствия такой возможности он не страдал и не испытывал уколков зависти, когда кто-нибудь из знакомых ребят, случалось, навешивал на себя экстра-галстук.

— Читаем? — спросила бабушка, остановившись у открытой двери в его комнату с двумя сумками в руках, такими пузатыми, будто на рынке она не пропустила ни одного торговца.

— Как видишь.

Чаще он повторял за любопытными их собственные слова, чтобы не выдумывать других. Следовало бы и сейчас ответить: «Читаем», — потому что это «Как видишь» прозвучало непривычно, и бабка опустила сумки на пол, с облегчением поставив их у своих коротких ног, высморкалась, вытерла тем же скомканым платочком жаркое лицо и вдруг прибавила:

— Костик! А что ты читаешь? По-моему, тебе все равно. Да ты и не читаешь, а просто отгораживаешься этим от забот и тревог, которыми полны людские дни. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется — не ошибаюсь.

Голос ее прозвучал сердечно, как всегда, но вместе с тем и печально, как

ВНУШКА

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

никогда, и заинтересованный Костик спустил ноги с дивана, вслепую нащупывая тапочки, а бабушка тут же наклонилась, говоря:

— Стряпать пора.

Подцепив сумку, она дробно застучала каблуками к кухне и могла бы вернуться за второй сумкой быстрее, чем он нащупал тапочки, но Костик, нараспев зевая, крикнул:

— Я принесу!

Сумка оказалась набита чем-то неподъемным и пахнущим малоприятно. На кухне пришлось трахнуть ее ногой, поправляя, чтобы не упала на бок.

— Что в ней? Чушки чугунные?

— Не чугунные, — ответила бабушка. — Обыкновенные. Хрю-хрю.

— Неразделанная туша? Целиком и полностью?

— Нет. Только голова да ножки. Для холодца.

Выйдя на пенсию, бабушка готовила для всей семьи. Да и раньше, собственно, так было. Месила тесто, пекла пироги с печенкой или капустой, приколачивая домой по два вилка, если ухитрялась где-то по пути с работы набрести на торговую точку и не пожалеть на очередь сил и времени. Ее короткие ноги оченьгодились для этих прочных стоянок. Готовила она и блины, едва доставалось подходящее мясо, — она научилась сотворять их на редкость искусно, прожив с дедом несколько лет в Башкирии, на какой-то стройке, а еще угощала пышными шаньгами, освоенными, когда они с дедом строили что-то совсем далеко, в Сибири.

Когда за Ленкой призывался журналист, хваставший тем, что лично знал самого Мэлора Струуа, а изредка, если верить ему, тоже бывал в далеких заграничах, таскавший на кривых ножках натуральные джинсы фирмы «Ли» и взахлеб рассказывавший про итальянцев, которые в Нью-Йорке, в своем квартале, замешивают и пекут от тоски по родине круглые и громадные, чуть не с автомобильные колеса, национальные пироги, именуемые «пицца», с сосисками и помидорами в начинке, то бабушка с его слов наладилась повторять и это заморское чудо. Журналиста давно и след простыл — от этого невезения в личной жизни на Ленкино лицо налегла жуткая меланхолия, — давно уж и забылось, когда журналист был последний раз, а сочная и пышущая жаром газовой духовки пицца нет-нет да еще появлялась на столе.

Но венцом божественных творений бабки был холодец, который, удивляя всех, сказочно таял во рту... Она разделяла кости, а он смотрел на ее морщинистые руки, будто бы одетые в перчатки из древесной коры, и пытался вообразить их гладкими, молодыми, под губами нлыне хмурого и молчаливого деда, наверно, тоже когда-то бывшего другим и влюбленным.

Бабушка исподлобья глянула на Костю, и он жалобно попросил:

— Я знаю, что ты мне скажешь. Начиная сразу с конца. Я — Обломов!

— Обломов? — искренне удивилась бабушка. — На него крепостные вкалывали. А у тебя сколько крепостных? Окстись! Пичужка!

— Хм! — вырвалось у Кости.

— А ведь ты человек нормального происхождения, — продолжала бабушка. — Все твои предки трудились не за страх, а за совесть.

Было трогательно, как она, подделяваясь под него, расхоже именовала и его родителей и себя с дедом — предками, но... Укоротить бы эту нуду!

— Трудяги! — подхватил Костик. — Я горжусь.

Сейчас прогрехочет залп о дедовских стройках, отцовском цехе, где рождались электромоторы, известные всему миру, и материнских победах на скромном поле заводской чертежной доски. Но бабушка молчала. А он опять смотрел на ее руки и думал не о том, сколько бумаги стремительными буквами запечатала она на своей машинке и сколько носилок с кирпичом перетаскала под хлесткими ветрами в авральные будни разныхстроек, — об этом за его жизнь столько повторялось другими, что уже невмоготу стало слушать, а...

— Бабушка! Дед когда-нибудь целовал твои руки?

Как от толчка, она выпрямилась, замерла, постояла и поводила седой головой из стороны в сторону.

— Нет.

— А цветы дарил тебе? Ну, хотя бы когда сделал предложение?

— Нет.

— А как это было?

Она вспоминала про себя и улыбалась. Не ему, а вообще. Странная она бывала,

баба Маша. Закручинится на миг — а вот уже щедро распускает по калачам своих щек смешливые лучики морщин.

— Как было? — и застенчиво пожала плечами. — По-деловому. Я стучала у него в приемной на пишущей...

— Секретарь-машинистка?

Бабушка отмахнулась.

— У них и не было такой должности — за счет нее держался кто-нибудь понужней для стройки. Просто там машинка стояла, а я стучала, потому что печатала стенгазету...

— А он? — как бы подтолкнул ее Костя, когда она приуmoilкла.

— Вышел из кабинета, убедился, что никого нет, кроме меня, рабочий день давно кончился, и говорит строго, как... Нет, еще строже, чем всегда: «Марья Антоновна! Я не сторонник лишних слов. Поэтому сразу главное: выходите за меня замуж».

— А ты как заорешь: «Согласна!»

— Дурак! Какой же ты дурак, Костик! Сижу сама не своя и тихонечко отвечаю: «А я люблю лишние слова».

— А он? Тут же прочитал тебе стихи. Сопеты Шекспира?

— Не смейся, Костик. Хочешь — расскажу, а не хочешь...

— Прости, ба.

Баба Маша вздохнула потише и положила руку на сердце.

— «А я люблю лишние слова», — говорю. А он весь кровью налился, красный сделался, прямо как спелый помидор, веришь, Костик, и спрашивает: «А меня, значит, не любите?»

— А ты?

— А я захохотала. Как ненормальная, захохотала, Костик!

— Отчего?

— От счастья.

Бабушка провела пальцами по лбу, убирая седые прядки.

— А потом?

— А потом война, Костик.

— Через год, через месяц?

— Через день. И мы с Алексеем Петровичем на фронт поехали. Можно сказать, это было наше свадебное путешествие...

— Призвали деда?

— Нет. Он носил толстенные очки. У тебя, между прочим, близорукость, думаешь, от чтения по ночам? Скорее, наследственная. Он ушел добровольцем. Удержать пытались, но куда там! И стал командовать взводом семьдесят пять...

— Чего — семьдесят пять?

— Миллиметров. Снаряды такие. Полковая батарея.

— А ты зачем с ним поехала?

— Не знаю. Наверно, очки в запас повезла. Он ведь без очков совсем слепой.

Мы даже в панораму, под наглазник, приспособили стеклышко от одних очков.

— В какую панораму, ба?

— У орудия есть такой прибор. Для наводки.
— Раз прибор есть, должны быть и наводчики!
— Их убивали, Костик. И тогда Алексей Петрович сам вставал к орудию. Не раз,— чуть слышно ответила баба Маша, опять задумавшись.— А через год я уехала с фронта рожать твою маму...
— А дед?
— Война длилась еще три года, Костик.
— Но ты-то нуждалась в помощи, совсем одна! И он мог уехать... Ведь пошел добровольцем!

— Тем более,— коротко ответила бабушка.
А смотрела все так же далеко: что там видели ее глаза, устремленные в эту загадочную даль?

— Почему он остался? Не понимаю! — вскрикнул Костя.
— А я понимаю, почему ты не понимаешь.
— Ну?!
— Ты трусишь. Задним числом. За деда.

Он не ждал этого и обиженно ушел. И вытянулся на диване. Как смела она назвать его трусом? За что? Есть ли для мужчины слово обиднее? В конце концов требовалось позаботиться о ней, будущей матери, не заставляя мыкаться в Саратове или — еще хуже — каком-то Сольвычегодске! Где родилась мама? В этом тыловом городе, среди больных стариков и голодных старух, было, может, страшнее, чем на войне.

Нет, не было...
Ничего нет страшной войны.

Человек вполне законно мог уйти с войны, а не ушел. Пойми попробуй! «А может быть, ты правда трус, Костя?» — спросил он себя.

Соглашаться не хотелось. Виновато мягкое сердце, никто из родных этого не понимает. Ну, и черт с ними! Он схватил из стопки книг верхнюю, чтобы отвлечься и успокоиться, и не успел открыть, как из-под обложки выпорхнула десятка и покраснела на мягкой подушке. Надо уезжать отсюда: от беляшей, от этих десятков, которые засовывали в его книги бабушка или мама — он толком и не знал кто, но кто же, кроме них? Сунуть в карман электрическую бритву, парадно подаренную отцом в день его рождения, — она, помнится, была пущена за столотом по всем рукам, отец, несмотря на образование, все делал с речами, с тошнотворной парадностью, не мог иначе, — и пока! Уехать! А куда?

Когда он отдыхал в Пицунде прошлым летом — очередной жест отца: купил для сына путевку на заводе, и об этом до сих пор горделиво вспоминалось при людях, — их возили на экскурсию в Новый Афон, там бродили в глубине холодных и таинственных горных пещер, к которым подвез крошечный подземный поезд, похожий на поезд игрушечного метро, а потом поднимались к бывшему монастырю, чтобы повосторгаться плоскими и примитивными фресками. Кто ему без скидок понравился там — так это гидесса. Молодая, в черных локонах, длинная — сногшибательной внешности да еще с таким внутренним богатством, как юмор.

Без смущения, которое сразу же все сделало бы неприличным, рассказала она, как монастырский настоятель пригласил Александра III, в оные времена пожаловавшего в Новый Афон, на колокольню, чтобы обозреть с высоты окрестности, с одной стороны — море и тропические пальмы, а с другой — снежные вершины гор, далеких, но кажущихся соседними... И увидели настоятель и царь, как в виноградниках разноцветной вспышкой скачет тоненькая девушка, а за ней, как носорог, гонится монах, ряса парусит на боках.

— Это что же такое? — осерчав, вопрошает царь. — Ваш?
— Нет, — отвечает настоятель. — Мой бы уже давно догнал.

И подумалось тогда, как весело было бы поработать гидом в Новом Афоне, даже порасспрашивал потихоньку, что для этого нужно. Язык у него подвешен не хуже, чем у той гидессы, при случае можно и блеснуть. Правда, зарплата там не ахти, но вдоль медленной дороги в гору, к монастырю, сидят на травке молодцеватые парняги, предлагают прохожим мандарины в зеленоватой кожице, фейхоа — весьма полезный фрукт, такой йодистый, что в ноздри от него шибает йодом, кисти черного винограда «Изабелла», который тоже чем-то полезен, хотя как раз наоборот, как выражается его хорошая знакомая Галка, пахнет клопами. А угадав покупателя, а чаще покупательницу при деньгах, парняги молча выдергивают из-под своих подстилок куски белых барашковых шкурок с вислыми кольцами длинного меха, иногда чем-то по-особому расчесанного так, что мех вскипал снежной пеной и казался клочком покрова с далеких вершин. Пряча эти шкурки в глубину курортных сумок, счастливые модницы воображали, как дома будут щеголять в бараньих шапках.

Можно занять контакт с этими парнягами, опасно избегаями встреч с милицией, подвозить им покупательницу в укромные места, заранее предупреждая, чтобы прихватывали с собой лишние деньги, способные оказаться совсем не лишними, и всем будет хорошо. А пока было плохо, не лежало и не читалось... Он опять подтянул ноги, поднялся и в дверях кухни спросил:

— Ба! Ты, правда, считаешь меня трусом?
— Когда-то ты мечтал стать вулканологом. Почему же не попробовал?
В самом деле, у него была такая мечта. Не делился ею ни с кем, мечта была серьезная, проговорился однажды в споре с матерью, при бабушке, и вот — на тебе! — запомнила. В ту пору он придумал себе романтическую легенду, как один забирается на огнедышащую сопку Камчатки и гибнет, но друзья из поисковой группы находят его кинокамеру и коробку с лентами, отснятыми в дерзком пути, и видят на экране все, что он видел в натуре. И вот уже его фильм все смотрят и все говорят о нем... Вместо этого одна лишь бабушка поинтересовалась, почему он даже не попробовал стать вулканологом. Словом, повторила, что он трус. Вот и все, что осталось от мечты. Ладно...

— Когда будет холодец? — спросил он.
— Завтра.
— Подохла?
— День моего рождения.
— Ах! Который был восемьдесят шесть лет назад? — прибавил он, чтобы хоть чем-то досадить ей за «труса», как будто она была виновата.
— Шестьдесят восемь.
— Прости, ба.

И ему неподдельно, до боли, стало жаль бабу Машу. Как ни крути, а возраст безнадежный, близкий к финишу. А она все бежит с утра до ночи, не то что не

приляжет, а и не присядет на минуту. Мало ей домашних забот, иногда по утрам испаряется из дома, как на работу: и, правда, неожиданно вваливается в свое бывшее учреждение, обвешанная сумками с яблоками, карамелью и прочим, на что налетела по пути. Хоть и была она полной до смешного, а ходила, как летала: бегучей и громкой походкой — тук-тук-тук... И от этой торопливой походки до улыбки все выдавалось за талант общительности, а если по-честному, — давно было от одиночества, которого люди боятся, как греха, и стараются скрыть. Там, в учреждении, сейчас больше половины новых сотрудников, которые скорей всего и не ведали о ней, а бабка радостно рассказывала:

— Я еще в коридоре, а они уже узнали меня! По каблукам: тук-тук-тук...
Вот так и добежала в прошлом году до инфаркта.

Где-то он вычитал, что в Африке есть племя, которое в дни рождения своих собратьев окружает их и во весь голос безутешно плачет — да, да, все племя во главе с вождем — в слезах. Еще бы! Человек на год приблизился к смерти! Есть о чем поплакать. Даже и без письменности племя, а соображает что к чему. У них же в семье — ритуал: все даты отмечают торжественно, с подарками, с песнями, чтобы и соседи знали.

Так что же он-то ей подарит, бабе Маше? А вот что! Пусть бабушка оценит его. Никогда и никто не дарил ей цветов, а он поднесет букет. Придется оторвать от десятка, найденной сегодня в книге, — может, для того и десятка сунута? Цветы, как лишние слова, конечно, но баба Маша любит их. Еще любит разговор о женской красоте, хотя саму, как говорится, пронесло мимо. Значит, цветы, принципиальная хвала красоте и... поцеловать руку с грубой, морщинистой кожей. Вот так!

Назавтра, перед вечером, Костя подошел к зеркалу в прихожей, чтобы побеседовать с собой о том, все ли верно придумано? Десятку становилось мгновениями жалче, чем бабушку... Из зеркала на него глянул худощавый молодой человек с угловатым лицом, с боксерским ежиком волос; чуть бы заметней рост и пригожей лицо, можно бы проще решить свою проблему: девушка из обеспеченной семьи, а дальше — крылатая жизнь... Это, конечно, шутка.

Сдвинув кусты брови над тоскливыми глазами, Костя подумал, что тощую шею обмотает шарфиком, чтобы украсить и прикрыть. Эта шея сердила его, и он умел надевать и носить пестрые шарфики, за что сверстники называли его дипломатом. Как-то и он прикинул, а не потянет ли дипломатическое образование, но признался себе, что для этого одних шарфиков мало. Помнится, к нему, ребенку, являлся домой по средам какой-то Джорж, после чего ребенок перед всеми гостями читал стишки по-английски, но для серьезных занятий языком у родителей не хватало ни ума, ни кнута. Так и остались до сих пор: «О'кей», «Ай лав ю» да популярное «Гуд бай!».

На корзинку пунцовых розочек в цветочном магазине десятки не хватило. На рынок опоздал, потому что хотел принести цветы свежими и поднялся попозже. И вдруг опоздало: в любое время года цветы распускались в горшках на столиках кафе-мороженого в центре их города. Круглый год приторно цвели и пахли — какая-то щедрая порода. Можно там позаимствовать.

Обычно в этот кофейник заваливались парочками, и надо было кого-то прихватить с собой. Раю? Чересчур сдержанная, тонкая натура. Симу? Пуглива, тиха. Галку, у которой исчерпывающее прозвище: «Как раз наоборот!» Галка ему обрадуется, раскрепощенная, непосредственная — что надо! Попросить по телефону, чтобы вооружилась лезвием от безопаски и сумкой покрупнее.

— Не тяни, девочка!
— Как раз наоборот. Уже бегу!

Первый пучок мелких, как крупа, цветочков он смахнул с горшка до того, как у них взяли заказ.

— Открой сумку. Закрой.
— Ты гений!
— Вынужденно. Я не виноват, что цветов нигде не найти, даже на рынке в этот час.

— С тобой не пропадешь. Ты смелый!
— А меня сегодня называли трусом.
— Как раз наоборот!
— Тогда вношу предложение — переселиться за другой столик. Ведь мы оба любим у окна. Кто за? Принято единогласно.

Они пересели за столик у окна, высмотрев горшок, самый урожайный на цветы. Галка все время прыскала, поощряя его, но вокруг порхала официантка, не столько угощая посетителей мороженым, сколько выворачивая пепельницы, и вся операция «Ой, цветет рябина», как придумал он, чтобы Галка еще попрыскала от души, заняла больше часа.

Вдруг он напыжился и объявил ей, что его запросто могут загрести и дадут не меньше года, будьте уверены, а ей, как соучастнице, тоже порядочно.

— Пошли? — шепотом позвала она.
— За пломбир заплачено, мадам. За кофе тоже. А это нынче — золотые зерна. Ну? Пошли?

— Как раз наоборот!
И Галка залпом опрокинула в себя кофе, а пломбир принялась заглатывать, работая ложечкой, как ковшом экскаватора. Прыскать перестала, однако веселые глаза не меркли. От глупости, конечно. Она глупа — отсюда все ее положительные качества. На улице спросила:

— А кому цветы?
— Бабушке. У нее — рождение. Разочарована?
— Как раз наоборот. У меня нет бабушки, а то взяла бы веточку для нее... А ты мне нравишься еще больше.
— Гуд бай!

Удивляться стоило тому, как фантастически удачно прокатилась эта операция с цветами из общественных горшков, под бдительным оком официантки и взорами публики, пытливыми в поисках мест. Повезло. Ему, а о бабке уж и говорить нечего. Ты везучая, баба Маша! Может быть, это сигнал к чему-то хорошему? В последнее время он стал зорче относиться к приметам, а то и выдумывать их.

На свой третий этаж Костя поднимался не в лифте, а пешком, чтобы появиться бесшумно и неожиданно. На семейное торжество он невольно приподнялся, но зато — свежие цветочки. А что меньше пообщается с родственниками — не беда, а даже ура! Мамина сестра тетя Тамара опять спросила бы его, как успехи, и

закачала головой вроде фарфорового болванчика. А теперь не будет качать, уже, должно быть, готовится исполнить свой номер, непременный на бабушкиных днях рождения — «Синий платочек», подражание Клавдии Шульженко. Гордый муж поющей тети, отставной полковник, старый, в два раза старше ее, не замечал Кости, будто его вообще никогда и не было на свете. «Назло ему, — думал Костя, — втисну стул между ним и тетей, скажу, что хочу послушать Клавдию Шульженко, а уже и со слухом неважно, не только с глазами. Вещь в деда!» Баба Маша объяснила, почему дед стал таким молчаливым: глохнет, половина вопросов мимо, не разговоришься.

Костя открыл дверь, и навстречу ему в прихожую из комнаты выпрыгнула Ленка, как-то странно вдруг подурневшая еще больше, словно напоказ.

— Чего это у тебя лицо такое мятое и глаза горят? Где бабушка?

— Увезли.

— Куда? — испуганно спросил Костя. — В больницу?

— Она умерла.

И в ушах зазвенело от тишины...

— Шутишь, Ленка? Ты что, спятила?

Это была первая смерть, касавшаяся его напрямую. Что-то непоправимое, незнакомое, с чем и не хотелось знакомиться, несмотря на всю неизбежность этого. Не может быть!

— Нет, — ответила Ленка, а лицо ее, напомнив детство, сделалось совсем беспомощным. — Умерла в день своего рождения!

И Ленка захлопала носом, тихонько подвывая, а он молчал с букетом в руке, нелепым и ненужным. Значит, больше нет бабы Маши. Его бабы Маши. Нет. Правда, нет?

— Как же это случилось?

Ленка кособоко, как всегда, пожалала плечами и пошла доплакивать в свою комнату. У нее выработалась манера поворачиваться и закрываться, когда хотелось побыть одной, а этого хотелось все чаще. Однако он успел воткнуть ботинок в дверную щель и заставил Ленку сказать два слова.

Бабушке сделалось плохо в начале праздника. Она скрывала, держалась, подала холодец, но через минуту прилегла, и родственники облепили диван, а не стол. Баба Маша оглядела их и сказала: «Хорошо, что все собрались».

— Не заметила, что меня нет?

Ленка не обратила внимания на его вопрос.

«Я, кажется, умираю», — сказала потом баба Маша. «Мама! — панически заголосила тетя Тамара. — Нельзя так говорить!» «Можно, — прошептала бабушка. — Это правда. Алеша, дай руку...»

Страшно ей стало, наверно. Поддержала руку деда совсем немного, застонала и... «Скорая» приехала, когда она уже не дышала.

— Зачем ее увезли?

— Вскрывать, — ответила Ленка.

— Зачем?

— Выяснить, кто довел ее до второго инфаркта: я или ты! — крикнула Ленка и захлопнулась.

Всю ночь не спалось — это впервые в жизни. И сразу так, как будто он вообще не знал, что такое сон, не было на него намека ни в одном глазу. Детские надежды, что вот с рассветом послышатся неуклюжие бабушкины шаги, а может быть, и голос, заняли не больше минуты. Ничего не послышится. Молчаливая тишина не обещала ни звука — она навсегда отрубила привычный мир, и в следующие минуты Костина душа содрогнулась от неожиданного открытия: между днем рождения, который собиралась вчера отметить бабушка Маша, приготовив для этого свой сказочный холодец, и днем... другим днем, неизбежным, страшным, неминуемым, не такая уж длинная дорога, хотя она и называется «завтра». Завтра не такое уж длинное.

Как беспечно никогда не думалось об этом!

Он был вовсе не глуп, чтобы не понимать, что жизнь его не налаживается, и не обвинять себя в этом. Но казалось, что времени у него еще сколько угодно! Завтра он поправит, завтра...

Иногда, когда упоминалось что-то памятное для людей, он не упускал случая сказать: «Моя бабушка, между прочим, строила...» или «Моя бабушка тоже воевала...» А сегодня, с первым лучом рассвета без бабушки, подумалось: «А я?» Что сказать? Ведь ему уже немало лет. Бабушка, полная, веселая, бегучая, словно бы прятала его за своей спиной.

В квартире было пугающе тихо. Почему? Мать с отцом уже умчались отпрашиваясь с работы, а Ленка еще не вставала. А бабы Маши... Придут другие рассветы, а бабы Маши уже не будет. Она ушла, так и не получив ни одного букета из мужских рук. Стало страшно одному, и Костя вскочил и кинулся искать кого-нибудь в квартире...

Из-под двери деда полз дым. Костя ударил в дверь рукою, и затарахтел стул, прижатый изнутри. Он ступил в комнату, как вломился. Дед сидел на узкой кровати с железными спинками, на которых разлежался весь дедовский гардероб: привык, чтобы рубашки, брюки, галстуки — все было под рукой, а бабушка терпела. Сидел в крепком дыму с запахом папиросных времен. Баба Маша нещадно ругала его за непрерывное курение, ссылаясь на выступления печати. Теперь ругать было некому, и дед курил прямо власть.

Вдруг вспомнилось, что это было любимое бабушкино восклицание — «всласть». Выставляла всем шаньги:

— Попируем всласть!

Подруги, бывало, взмахивали руками:

— Ах! Тебе лишь бы поработать!

— Если всласть!

И баба Маша трясла седыми кудельками, размноженными на «бигудях».

Костя стоял и молчал, дед сидел и тоже молчал, пока не поднял глаза и не глянул на него из-под продыmlенных бровей:

— Знаешь, какие последние... какие она последние слова сказала?

— Хорошо, что все собрались, — повторил он Ленку.

— Где Костя? — прибавил дед. — Она спросила: «Костя где?»

— Я долго искал цветы ей в подарок.

— Не ври. Ты сидел в кафе-мороженом с рыжей кралеи, которая фыркала, как жеребчик...

— Кто тебе сказал?

— Сам видел. Я ходил туда. Маша любила торт из мороженого. Он весь растаял, должно... Я забыл его в прихожей, на вешалке. — Худой, продыmlенный, дед помолчал. — Мы с Машей пировали в этом кафе... Один раз, правда... Власть! — Он словно бы все еще не опомнился и в том же тоне добавил: — Не вздумай класть свои цветы на могилу.

— Почему?

— Они краденые.

— Ты и это видел? — спросил Костя, густо краснея.

— Чего ж не видеть! Я на тебя смотрел. — Дед вдруг замахал руками, закачал головой. — Нет, ты не мужчина!

Костя отлично понимал, что надо дать выговориться деду, стерпеть, но привычки к этому не было, он не выдержал, заерничал:

— А кто я?

— А черт тебя знает! — снова закуривая и злясь, сказал дед. — Безработицы у нас нет, а ты вроде как безработный. Не работаешь!

И тут дед, собираясь, видно, еще что-то сказать, принялся так жутко дохотать, что Косте и на ум не могло прийти еще заерничать. И лицо деда, когда мгновенный приступ кончился, перекривилось, смаялось, он заплакал. Костя, ни разу в жизни не видевший плакавшего деда, удивлялся тому, какие крупные слезы скапливались и выкатывались из его глаз на щеки, сказал тихо:

— Давай лучше, дед, поговорим о бабушке.

— А это о ком? — спросил дед на пороге взрыва. — О ком! Ты знаешь, как работала твоя бабушка? — Он покачал головой, и слезы высохли на его глазах, он даже улыбнулся. — Раз примчалась на службу в разных сапогах, один — длинный и черный, другой — короткий и желтый. Подруги в хохот: «Машка! Это что, мода такая — разнобой на ногах?» Глянула: «А! Плевать!» И бахнулась за машинку. А раз... — Дед махнул рукой и замолчал, а Костя увидел, какая у него рука — как большая деревянная игрушка на шарнирах. Посидев серьезно, дед прибавил: — Она верила, что ты станешь вулканологом.

— А ты не веришь? — поинтересовался Костя.

— Нет.

— Почему?

— Потому, что ты трус.

Это так походило на последние слова бабушки, что Костя подумал: значит, успела поговорить с дедом.

— Вулкана испугаюсь?

— Какого вулкана? — грустно спросил дед. — Вулканы далеко. Ты любой работы боишься.

— Батюшка с матушкой не научили, — вздохнул Костя.

И дед вздохнул и секунду посидел с открытыми глазами:

— Кривляка! Бабушка Маша просила потолковать с тобой, но я объяснял ей, что ты не захочешь меня слушать! Так и есть! Все!

Они оба долго молчали, и Костя сказал:

— Нет, хочу, дед. Не знаю как, но хочу...

— Ну, так, во-первых... — сказал дед, похлопав себя по карманам и не найдя папироски. — Что я тебе могу сказать? Простые вещи. Одну — самому давно пора отвечать за себя.

— Но все же... — сказал Костя. — Отчего же это у вас, таких трудяг, вырос такой урод, как я? Не скажешь?

— Скажу, скажу. Тебя это не спасет, но, пожалуйста... Если интересно... Родители у тебя действительно трудяги, а вырастили вас с Ленкой, как настоящие мешане: переласкали, перехвалили и... главное, совсем не приучили к работе! Ты вот сказал — не научили! Учат специальности, а к работе — приучают, сьзмала, едва руки возьмут что-то похожее на инструмент... Это разные вещи, молодой человек, совсем разные! Образование и воспитание. А вы с Ленкой... Сам знаете!

— А ты? Ты где был? Занился бы мной с пеленок!

— Все ищешь виноватых?! — Дед стал совсем мрачным. — Вот что я тебе скажу... Бабушка называла тебя иной раз постояльцем, да? Так вы же с Ленкой действительно на постое!

— У кого?

— У земли, — ответил дед и грубо сплюнул на пол.

А Косте почудилось, что пол выскользнул из-под ног, и все покатило по наклонной плоскости куда-то вниз, где ничего не видно. Даже стало жутко.

А дед, помолчав и опять безуспешно поискав по карманам папиросы, — видно, давно уже кончилась пачка, — спросил:

— Умылся?

— Нет.

— Умывайся. Мать велела накормить тебя бабкиным холодцом.

ВАШЕ МНЕНИЕ, ЧИТАТЕЛИ!

Вопрос, поднятый писателем Холендро в рассказе, чрезвычайно серьезен — инфантилизм некоторой части нашей молодежи.

Присмотритесь к герою рассказа, проанализируйте его характер: в чем истоки инфантилизма, насколько они глубоки, опасны?

Может быть, похожий молодой человек или девушка встречались вам? Как складывались их отношения с окружающими? С вами?

Герой пассивен по отношению к близким, к жизни. Будет ли перелом или уже поздно, как вы считаете?

Наши вопросы не исчерпывают, конечно, всей поднятой проблемы. Приглашаем вас принять участие в читательской конференции по рассказу Дмитрия Холендро.

ВОИНСКАЯ ЧЕСТЬ
ПАВШИМ ГЕРОЯМ!

ОТРАБОТКА БОЕВОЙ ЗАДАЧИ.
«НАРУШИТЕЛЬ» НЕ ДОЛЖЕН УЙТИ
НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬ-
СТВАХ.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото
Григория БИБИКА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

ДРУЗЬЯ, ПОМОЩНИКИ, БОЙЦЫ

Гром умирал. Он лежал в тени невысокой арчи на заботливо расстеленной солдатской гимнастерке. Узкая черная морда его покоилась на вытянутых передних лапах, а подернутые желтой пеленой зрачки смотрели в одну невидимую точку. Чуть поодаль от собаки молча стояли пограничники — все, кто оставался в то время на заставе. Рядом с Громом прямо на песке сидел только один человек — ефрейтор и плакал. Умирала его собака. И он, вожатый, ничем не мог ей помочь — рана была смертельной.

Грома хотели было забрать в отряд, в машине было место. Но ефрейтор покачал головой: «Он все равно не выдержит дороги». На той же машине увозили человека, который смертельно ранил Грома в грудь, но так и не смог сбросить с себя вцепившуюся мертвой хваткой в его плечо собаку. Это был матерый враг. Девятый нарушитель Грома. И последний. Но девять задержанных вра-

гов — это совсем неплохой счет для собаки.

Гром прожил на заставе пять лет. Он сменил трех хозяев и каждому из них служил самоотверженно. Впрочем, он служил не хозяину, а делу. Гром ощущал себя полноправным бойцом заставы и видел в своих вожатых командиров. Они делали вместе одно дело — охраняли границу. В этом был смысл всей его собачьей службы и жизни.

Нельзя сказать, что жилось Громом на заставе безмятежно. Редкую ночь ему удавалось провести в своем вольере; он выходил на службу в любую погоду и работал наравне с людьми. Но он привык к своей жизни — привык к тревогам, к работе по следу, к скрипу горячего песка, к летнему зною и зимним ветрам. Ему даже нравилась такая его жизнь, и он ее не променял бы на другую. Хотя нельзя сказать, что ему везло.

На третьем году службы Гром был ранен при задержании нарушителя. Пистолетная пуля вырвала у него кусок легкого. Месяца два он не мог пробегать

сразу больше километра, задыхался. Потом поправился, пошел на службу. Спустя год во время обхода участка его укусила кобра, и Грома спасло только то, что у его вожатого оказалось в сумке противоядие.

После каждого очередного задержания вожатых Грома поощряли, даже давали отпуска. Гром же не требовал себе ничего. Впрочем, нет, требовал... Чтобы ему верили. Чтобы с ним считались. Однажды он без команды сошел с пограничной тропы и принялся разгребать песок. Вожатый позвал его, Гром продолжал работать. Вожатый позвал еще раз, собака подошла и тихонько взяла хозяина за рукав. Гром требовал, просил, чтобы сейчас послушались его. И пограничники пошли за Громом.

В тот день собака вырыла из песка два десятка гусей, застигнутых песчаной бурей. Половину из них удалось спасти. А в другой раз Гром таким же образом спас джейраненка. Словом, у него были и свои радости.

Его любили, позволяли разгуливать по заставе. Знали — дома, среди своих, он делался ручным и даже заигрывал с детьми начальника заставы. На работе — дело другое, там не до игр...

Когда тело овчарки свела последняя судорога, начальник заставы, немолодой уже капитан, снял фуражку и отвернулся. Но прежде чем уйти, он приказал старшине заставы выдать для Грома байковое одеяло и простыню и зарыть его поглубже рядом с заставой.

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ.

— Это была настоящая пограничная собака, — произнес тогда капитан. — Гром жил как солдат. И погиб как солдат.

Такова немудреная история Грома, пограничной собаки, которая погибла в схватке с нарушителем на одной из среднеазиатских застав. Историй, подобных этой, можно рассказать множество. Можно, наверное, найти даже более героические, чем эта. Но Грома я знал. Это был большой, широколобый пес с черной спиной и серыми боками, одно ухо у него было прокушено еще со щенячьего возраста, и кончик его болтался лоскутком. Гром штатских не любил и поначалу держался со мной холодно, но после совместной десятикилометровой прогулки оттаял, даже похвалил меня в конце пути (повернув ко мне морду и вильнув хвостом) за то, что я не отстал и не лез куда не надо.

А спустя два года судьба привела меня в один из среднеазиатских городов, где размещается старейшая в стране школа инструкторов служебных собак и собачий питомник. Совершенно случайно я узнал, что Гром родился и прошел свои пограничные университеты именно здесь.

Разные есть собачьи школы. Есть школы, где животных учат — и небезуспешно — искать природные ископаемые, вести милицейский розыск, служить поводырем незрячего человека, выслеживать зверя и ходить в упряжке. Все это одинаково нужно. Но школа пограничных собак — особого рода. Здесь воспитывают собак-бойцов, собак-часовых, собак, которые делают с людьми ответственность за покой Родины, за неприкосновенность ее рубежей. Это очень нелегкая и опасная работа — охранять границу. И пока что, при всем совершенстве техники, заменить на границе собаку нечем. Но какое же непростое дело — подготовить настоящую пограничную собаку!

Мы идем с начальником питомника капитаном Николаем Егоровичем Шелаботом мимо забранных металлической сеткой площадок молодняка. Жарко, на капитане насквозь мокрая гимнастерка. Завидев нас, щенки бросаются навстречу, тыкаются влажными мордами в сетку, отталкивая друг друга.

— Детский сад, — улыбается Шелабот, — их недавно разлучили с матерями, привыкают к самостоятельности. Мы для них — развлечение.

подхода. Один на каком-то этапе дрессировки прекрасно идет по следу в тени, но терпеть не может работать на солнце, другой — наоборот. Один без страха бросается на двоих вооруженных нарушителей, но панически боится пауков, другой не боится пауков, но слишком мягко обходится с нарушителем. Один легко берет след шестичасовой давности, другой — только свежий. И так далее. А надо, чтобы все работало одинаково хорошо и бесстрашно, в жару и в холод, в песках, в горах, в воде и в лесу.

Шелабот называет их ребятами. «Пойдем посмотрим ребят». «Ребята скучают, погода меняется». Как-то капитан предложил: «Сегодня у ребят театр, сходим, что ли?»

Собачий театр — один из эффективных методов воспитания молодняка. Происходило это так: на площадку привели около трех десятков щенков, рассадили полукругом возле барьера. Потом сержант вывел Карая — крупного, мускулистого пса-ветерана, который давно привык к своей роли наставника. Карай три раза подряд взял барьер и сел рядом, а щенки не сводили с него восторженных глаз. Потом их повели к барьеру, и они при выполнении упражнения в точности воспроизвели все движения Карая. Препятствие не взяли только две собаки.

Однажды утром я попросил Шелабота показать мне взрослых собак. Капитан не спешил соглашаться.

— Шуметь будут, им вчера прививки делали.

Все-таки я его уговорил. Каких тут только овчарок не было — темно-бурых, крутолобых, с широкой грудью и мощными лапами, поджарых, стремительных, с серебристой шерстью, черных как уголь, приземистых, массивных. Это были псы — выпускники, уже завершающие учебную программу. Нельзя сказать, что все они реагировали на нас одинаково, иные, казалось, понимали, что мы не совсем уж чужие, смотрели на нас приветливо, с интересом. Иные — настороженно, но не агрессивно. Но были и любители поскандалить.

У них скоро экзамен на пограничную зрелость. Строгий, бескомпромиссный. Они должны будут вместе со своими инструкторами, у которых также заканчивается срок учебы, показать, чему научила их школа.

Кстати, совсем не простое дело — подобрать курсанту школы пса, «составить пару», как выражаются специалисты. Здесь руководству школы помогает знание психологии людей и животных. Человеку темпераментному, реактивному никогда не дадут флегматичной собаки: не поймут друг друга. В школе я познакомился с Александром Хирняком и его Амуром.

— Призывались мы из Марганца, это в Днепропетровской области, Амуру тогда уже 2 года исполнилось, к тому времени он прошел курс дрессировки, даже имел свидетельство защитно-караульной собаки. Мы с ним и в комсомольском оперативном отряде успели поработать, на его счету были даже задержания вооруженных хулиганов. В общем, на службу приехали с кое-какими понятиями. Одних медалей и грамот с десятком уже имели. И тут, в школе, Амур успел отличиться. Пока я на учебной заставе был, он помог местной милиции задержать группу угонщиков автомобилей. По носовому платку след взял. Вот так... А теперь покажем, Амур, что мы умеем.

И показали. Амур легко отыскивал чью-то фуражку среди десятков ей подобных, ползал и замирал по команде, шел по буму, как канатоходец, — изящно и легко.

Потом я рассказал Саше историю про Грома. Он задумался.

— Я понимаю, всякое может быть. Но ведь мы теперь с Амуром солдаты. И если потребуют обстоятельства, то поступим так, как велит долг... Правда, Амур?

У АЛЕКСАНДРА ИШКОВА И СЕРГЕЯ ЯЗАНА БОЛЬШАЯ ЗАБОТА — ВЫРАСТИТЬ ИЗ СВОИХ ПИТОМЦЕВ УМЕЛЫХ И МУЖЕСТВЕННЫХ СТРАЖЕЙ ГРАНИЦЫ.

ПОГРАНИЧНЫЙ ДОСМОТР.

Он входит за сетку. Собаки с визгом и лаем окружают капитана, покусают за голенища сапог. Шелабот садится на корточки:

— Хорошо, ребята, так мне, так... Это помет Волги, девять штук, все как на подбор, серьезный народ.

Вообще-то надо было начинать рассказ о питомнике с родильного дома. Да, есть и такой. Но мы туда не пошли, там блюдет полная стерильность, да и не стоит лишний раз волновать как будущих, так и уже состоявшихся матерей.

Учеба начинается в питомнике рано. Как только щенки твердо встанут на ноги. Первые уроки — знакомство с окружающим миром: с лесом, горами, пустыней, рекой, цветами, луной и машинами, с дождем и полной темнотой. Постепенно учеба усложняется — собаки учатся преодолевать ров с водой, ходить по буму, ездить в машине, не бояться выстрелов, ползать, замирать в неподвижности, маскироваться, наконец, работать по следу, задерживать нарушителя...

Методы обучения разные, каждый пес требует чуть ли не индивидуального

А ЧТО У ВАС?

ПАМЯТЬ

Остались молодыми

Мы родились и выросли в городе Ростове Ярославском — Ростове Великом, что в Ярославской области. В городе с высокими стенами древнего кремля и бойницами неприступных сторожевых башен. С крутыми оборонительными земляными валами вокруг, поросшими полынью, травой и дикой гвоздикой.

Мы выросли, и вместе с годами приходили увлечения — парашютная вышка, школа водолазов, кружки пилотов-планеристов, занятия в ОСВОДе. Высшего почта удостаивались те из нас, кто первым надел по праву значок «Ворошиловский стрелок». Это были детство и юность. А взрослая жизнь началась для нас на другой же день после выпускного вечера в школе — 22 июня... И мы стали солдатами.

Мы сражались, защищая нашу Родину на разных фронтах, и у каждого была своя военная судьба. У многих она оборвалась в 41-м, кто-то пал в 43-м, иным было суждено дожить до Победы. Потом мы разъехались в разные города. Но время от времени возвращались в Ростов Великий. Вспомнить детство, товарищей, пройтись по знакомым местам. А однажды мы решили создать школьный музей, в котором собрать документы и вещи, рассказывающие о нашем выпуске 41-го, о тех, кто ушел на войну из актового зала выпускного вечера и не вернулся. И создали. И теперь всякий раз, приезжая в город своего детства, я сначала иду в этот музей.

Экспозиции его немудрящи, но как много говорят они тем, кто прошел войну, и тем, кто еще только вступает в жизнь.

Вот на фотографии три друга, соперники на лыжне и в спортзале: Витя Лопанов, Сережа Гуцин, Коля Афанасьев. Стоят, обнявшись за плечи. А рядом, на другом снимке они — уже остриненные «под машинку» у военкомата, в день отправки в военное училище. Красивые, юные, с оборонными значками на пиджаках. Ниже — извещение, подписанное начальником штаба 123-го стрелкового полка Ленинградского фронта: «Ваш сын, командир саперного взвода старший лейтенант Гуцин Сергей Александрович, находясь на фронте, был убит 12 сент. 1942 г. при разминировании переднего края немцев. Похоронен в братской могиле близ дер. Кондюя Тосненского района Лен. обл.»

Из нашего 10-го «В» погибло 9 комсомольцев. Рядовой стрелковой роты Белоцветов Владимира пал под Москвой в ноябре 1941-го. Сержант-минометчик Блаженков Глеб — под Тулой. Командир танкового взвода лейтенант Кашников — под Каменец-Подольским...

Открывает музей мемориальная доска. На ней более 70 имен учеников и учителей школы, павших в боях за Родину в 1941—1945 годы. Я знал их всех.

Когда нынешние ученики моей школы просят рассказать о том, как мы сражались, я сначала показываю им фотографии моих павших товарищей. «Невероятно... — скажет кто-нибудь. — Такие молодые, совсем как мы!»

Да, они так и остались молодыми. Но лучше, если бы они сосстарились вместе с нами.

Василий ДОКИН,
бывший комсорг 10-го «В» выпуска 1941 года, кандидат медицинских наук

НА ВДНХ СССР

Куда приземлился олимпийский Миша?

«Мы возвращались со стадиона. Все было кончено. И вдруг услышали, как огненно-рыжий парнишка сказал своему отцу: «А хорошо бы он к нам во двор приземлился». «Кто?» «Ну, Мишка, тот, который в небо улетел!» — это строчки из репортажа корреспондентов «Смены», написанные после закрытия Московской Олимпиады.

Действительно: куда приземлился Миша? ...В тот памятный день Мише предстоял полет. У Миши, как у космонавта, был дублер. Точь-в-точь. С такой же лукавой улыбкой. Восьмиметровым ростом и весом в шестьдесят четыре килограмма... Миши прошли пред-олимпийскую тренировку. Поднимались на заданную высоту. И все же волновались его создатели: группа конструкторов НИИ резиновой промышленности во главе с Д. Б. Навродским; художники московского оформительского комбината вместе со своим руководителем Р. Л. Казачком; работники центральной аэрологической обсерватории, которые под руководством А. С. Масенкиса рассчитывали трассу полета. И, конечно, волновались те, кому предстояло вывести Мишу на «стартовую» площадку и осуществить запуск.

И вот под замечательную песню Александры Пахмутовой медленно взмыл в московское небо наш симпатичный Миша. Метр за метром он набирал высоту. И вот уже достиг расчетной — 1000 метров. Легкий ветерок потянул его на юг. А спустя немного времени Миша, выполнив почетный международный полет, совершил посадку на Ленинских горах. Тут его уже ждала группа встречи. А спустя некоторое время Миша, пройдя, как и положено, послеполетное обследование, вместе с дублером был доставлен с юга Москвы на север — в павильон «Юные натуралисты и техники» ВДНХ СССР. И вот стоит он в центре. Улыбается многочисленным гостям. Дети и взрослые из разных концов страны, из-за рубежа вновь встречаются теперь уже с легендарным Мишей.

Наталья ТКАЧЕНКО,
старший инженер информационного центра ВДНХ СССР

У НАШИХ ПОДШЕФНЫХ

Улицы имени «Смены»

На совместном заседании Новоуренгойского ГК КПСС и горисполкома принято решение назвать одну из новых улиц города именем журнала «Смена».

Осуществляя шефство над развивающимися районами Западной Сибири, конкретно над городом газодобывчиков Новым Уренгоем, «Смена» стала организатором многих добрых начинаний в этом регионе. Наиболее весомым вкладом в развитие города стали две библиотеки, построенные и укомплектованные книгами благодаря инициативе редакции. Эти библиотеки расположены как раз на улице имени журнала. Там же находится общественный молодежный центр, спорткомплекс. В ближайшем будущем на улице появятся новые здания фанотеки и детского комбината. Живут на улице преимущественно газовщики и строители.

Алим ДЫБРИН,
председатель Новоуренгойского горисполкома

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

МОЖНО ЛИ жарить шашлык?

На одной из встреч со зрителями народная артистка СССР Ада Роговцева сказала, что в свободное время считает необходимым печь пироги. И не потому, что покупные торты хуже, а потому, что дети должны запомнить запах хлеба, выпеченного матерью.

С этим мнением, очевидно, полностью согласен кандидат исторических наук Вильям Похлебкин. Иначе бы он не привел в своей книге печальную статистику, показывающую, что более половины разводов приходится на семьи, где жена не умела готовить. Собственно, прежде всего в помощь молодым семьям и написал эту книгу Вильям Васильевич.

Это отнюдь не кулинарная книга. В-первых, в ней почти нет рецептов, во-вторых, она легко и с удовольствием читается. И каждый найдет в ней массу не только полезных, но и интересных, неведомых дотоле сведений. Ну, например, о том, что мы не правы, когда говорим, что шашлык жарится. На самом деле он... Впрочем, об этом лучше узнать, прочитав выпущенную издательством «Молодая гвардия» книгу «Тайны хорошей кухни».

Валерий ПЕТРОВ

УВЛЕЧЕНИЯ

РИСУНОК НА БЕРЕСТЕ

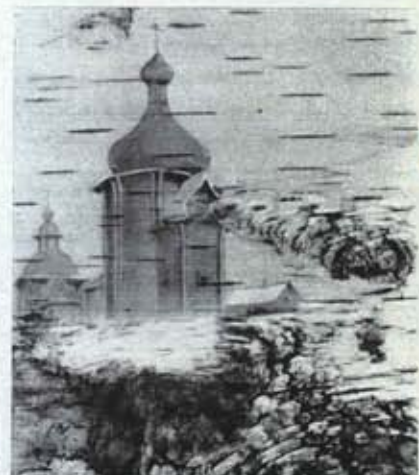
В одном из выставочных залов Дома ЮНЕСКО в Париже по инициативе постоянного представительства Украинской ССР при ЮНЕСКО состоялась выставка рисунков на бересте украинского народного мастера Бориса Чурилова. Все его рисунки выполнены в уникальной технике рисования.

Еще в глубокой древности береста использовалась на Руси как материал для письма. Впервые такие «письма» Чурилов увидел в Киевском археологическом музее. И он, начинающий художник, решил возродить технику рисунка на бересте.

Техника эта на первый взгляд очень проста: на куске березовой коры, очищенной от верхнего слоя, карандашом или заостренной палочкой продавливаются рисунки. Каждая продавленная линия выглядит темной на снежном фоне очищенной бересты. Какого-либо подкрашивания природного материала эта техника не допускает.

По словам художника, «материал заставляет выбирать и тему». Почти все рисунки Б. Чурилова посвящены истории Древней Руси. Его работы экспонировались на всесоюзных и международных выставках, у Чурилова появилось много последователей, возрождающих почти забытое искусство рисования на бересте.

Олег ДМИТРИЕВ

ИНИЦИАТИВА

НА ГРАФСКИХ РАЗВАЛИНАХ...

Идея привлекала сразу. И сразу же вызвала массу вопросов и сомнений — воплотить ее в жизнь многим казалось делом нереальным. А заключалась она в следующем: отреставрировать силами комсомольцев и молодежи Подольска бывшее бахрушинское имение, сделать его своеобразным молодежным культурным центром. Противников не было, были сомневающиеся. Понять их доводы просто — для этого достаточно было взглянуть на то, что оставалось от имения.

Во время войны в нем размещался госпиталь. Сносилось все, что мешало его нормальной работе. В трудное послевоенное время здесь жили десятки семей — печи топили паркетом, дыры для дымоходов прорубали прямо в стенах. Ободраные, черные, закопченные стены, выбитые двери и окна, заросший, запущенный сад — таким было бахрушинское имение, когда учащиеся и преподаватели профессионально-технического училища № 27, отмеченного премией Ленинского комсомола, предложили превратить его в Дворец мо-

лодежи. Горком комсомола их предложение поддержал.

Был создан штаб по реконструкции. Его возглавил Герой Социалистического Труда Алексей Арсентьевич Долгий — бывший директор Подольского машиностроительного завода имени Орджоникидзе, базового предприятия СГПТУ-27. Госпрофобр РСФСР и завод имени Орджоникидзе выделили средства на реконструкцию. На комсомольских субботниках в будущем дворце работали рабочие и студенты, учащиеся профтехучилищ и школьники.

Отреставрированные помещения сразу заселялись и осваивались подольской молодежью. Здесь заработали многочисленные кружки и секции, стали проходить массовые мероприятия и вечера отдыха. Здесь школьникам представилась возможность из первых рук получить информацию о той или иной профессии.

Работа по реконструкции еще не закончена. Благоустраиваются все новые и новые помещения. Намечено открыть шахматный клуб и молодежный самодеятельный театр. Начаты работы в парке — тут будет лодочная станция, конноспортивная школа.

Сейчас у молодых подольчан есть дом, где для них открыты все двери, где им всегда рады, где они могут чувствовать себя настоящими хозяевами. Потому что это дом, созданный их руками.

Игорь МАКАРОВ

Водород — соперник бензина

С тех пор, как еще в прошлом веке был изобретен двигатель внутреннего сгорания и по дорогам планеты стали мчаться автомобили, самым лучшим для них топливом стал бензин.

Энергетический кризис, разразившийся в 1973 году, резкое повышение цен на нефть заставили ученых и изобретателей искать другое горючее для автомобилей.

Кто ищет, тот всегда найдет. И вот уже возникли проекты замены бензина водородом. Недавно на улицах Харькова появился необыкновенный «Москвич». По внешнему виду его, пожалуй, не отличишь от обычной модели. Но если заглянуть под капот, то там вместо бака увидишь миниатюрный реактор. В него налита вода и насыпан металлический порошок. Реагируя с водой, металл вытесняет из нее водород. В смеси с воздухом этот горючий газ поступает в цилиндры мотора. Трудно переоценить те громадные перспективы, которые открывает замена бензина водородом. И еще одно достоинство у новой машины. Такая топливная система невзрывоопасна.

Новая малолитражка создана специалистами Института проблемных машин Украинской Академии наук. В разработке ее конструкции принимали участие также научные работники Ленинграда, Москвы и ряда союзных республик.

По одному из зарубежных проектов предлагается водород получать из морской (или соленой) воды, пропускаемая через нее электрический ток. Согласно законам электролиза, вода разлагается на водород и кислород. Водород сгорает в карбюраторе, кислород идет на выхлоп, освежая воздух в окрестностях.

Борис ЗЕРНОВ

УМЕЛЬЦЫ — ЭКРАНУ

Шахматы-путешественники

Экс-чемпион мира по шахматам М. М. Ботвинник долго не соглашался доверить кинематографистам этот подарок из уральского города Артемовский, но потом все же не устоял. Так вновь оказалось на Урале творение современного Левши А. М. Сысолитина — миниатюрные шахматы.

Александр Матвеевич известен своим увлечением создавать такие вещи, рядом с которыми кажется гигантской даже спичечная головка.

Почему же шахматы возвратились в Свердловск?

На студии снимался цветной фильм об Урале. В одном эпизоде рассказывалось о талантливом человеке, подарившем Михаилу Ботвиннику — в то время чемпиону мира — маленькие шахматы. Такие маленькие, что расставленные на игровой доске фигурки простым глазом увидеть было невозможно.

Много любителей побывало в павильоне студии, чтобы взглянуть на сысолитинские шахматы, да и автор чудесной миниатюры с удовольствием встретился со своим произведением, прописанным теперь уже в Москве.

А потом драгоценный подарок был возвращен экс-чемпиону мира.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

НАУКА — КОНВЕЙЕРУ

ХОЛОД-КУЛИНАР

Прийти с работы домой и, вынув продукты из сумки, приготовить из них через 15 минут горячий ужин — мясное с гарниром — перспектива заманчивая. И вполне осуществимая. Три года назад в Москве был создан экспериментальный завод «Хладопродукт». Его изделия в хрустящей фольге с яркой этикеткой уже хорошо известны москвичам. За сутки с конвейеров предприятия сходит 40 тысяч порций блюд. Среди них особой популярностью пользуются котлеты полтавские, гуляш, тефтели, паровая говядина.

Процесс приготовления блюд почти полностью автоматизирован. В течение 20 минут сырые продукты превращаются в аппетитно оформленные готовые порции. Потом их отправляют в морозильный туннель, где при температуре —35 они замораживаются.

С продукцией завода знакомы не только москвичи, их с удовольствием берут с собой в дорогу вагоны-рестораны. Удобно! Никаких забот и волнений с сырыми продуктами, да и посуду не надо мыть...

Начинают появляться такие предприятия и в других городах страны. Например, в Гаграх в специализированном магазине продают замороженные блинчики. Несколько минут в духовке — и их можно подавать на стол.

Замороженные готовые блюда — очень удобная и прогрессивная форма обслуживания. Но чтобы она стала широко популярной среди населения, нужен разнообразный ассортимент. Технологию приготовления подобных блюд непросто. Специалисты ведут поиски и разработки новых видов замороженных изделий. В этом году должна появиться очередная новинка предприятия — слоеные пирожки с мясом, творогом, капустой, джемом. Скорей бы! И побольше!

Мария БОГДАНОВА

РЕМЕСЛА

Мастер гончарного дела

Испокон веков в деревне Вырково Касимовского района Рязанской области процветал гончарный промысел. Особенным спросом пользовалась вырковская игрушка: пестро раскрашенные фигурки людей и зверей, различные свистульки...

И сейчас секреты древнего ремесла свято хранит Иван Петрович Есин. Гончарный круг, на котором он трудится, верой и правдой служил еще его прадеду и деду. И теперь ни дня не простаивает.

Едва сойдет снег, старый мастер спешит к заветному овражку, где истари брали гончары скудель, особую вязкую глину. Приготовление сырья — наука непростая. Оказывается, даже полнолуние влияет на качество будущей керамики. И вот бесформенные, липкие комья прямо на глазах превращаются в изящные кувшины, чашки, тарелки, веселые игрушки. И сам мастер во время работы похож на волшебника.

Иногда Иван Петрович наводит белой глиной вязь, украшает свои изделия затейливыми узорами, покрывает слоем свищевого сурика, обжигает в специальной печи.

Есть у вырковских гончаров и свои дутрости. Например, для прочности горшки обвариваются в растворе кислых щей и обваливаются в муке. Вырковские искусники создали из глины уникальную вещь — трехведерный самовар, почти не уступающий своему металлическому собрату.

Многие изделия Ивана Петровича Есина и его учеников — молодых гончаров демонстрируются в музеях страны.

Валерий ПЛЕШАКОВ

ОТ ИДЕИ ДО РЕШЕНИЯ

Троллейбус идет без проводов

У всем известного троллейбуса, кроме многих достоинств — экономичности, отсутствия выхлопных газов, хороших эксплуатационных характеристик, — есть существенный недостаток. Он полностью зависит от питающих проводов — троллеев. А некоторая автономия ему не помешала бы. Она позволила бы троллейбусу отъехать в сторону, чтобы не мешать движению при обесточивании контактной сети, дала бы возможность самостоятельно заехать в гараж для ремонта, перейти своим ходом с линии на линию при изменении маршрута...

Оснастить троллейбус системой автономного хода и решили молодые исследователи завода-вуза при ЗИЛе, взявшись за дело вместе с работниками завода имени Урицкого.

— Перед нами открывались две возможности. — рассказал один из участников работы инженер Игорь Жижин. — Можно было либо оснастить троллейбус двигателем внутреннего сгорания, либо воспользоваться для питания основного двигателя имеющейся на каждом троллейбусе аккумуляторной батареей...

Оба варианта не лишены недостатков. Оснастить троллейбус, помимо электродвигателя, еще и дизелем — значит получить некое подобие неуклюжего грузового полутроллейбуса-полугрузовика. Запитать в случае нужды двигатель энергией от аккумулятора? Идея хорошая, слов нет. Но как осуществить ее на практике, если аккумуляторная батарея дает 24 вольта, а двигателю требуется 500?..

И тогда исследователи нашли третий, компромиссный вариант. Они решили воспользоваться услугами... автомобильного стартера. Этот небольшой электрический двигатель, к тому же серийно выпускаемый в больших количествах, обладает достаточной мощностью, чтобы двигать троллейбус со скоростью 7—8 километров в час даже на подъеме. Стандартной аккумуляторной батареи хватит, чтобы создать запас автономного хода на 2—3 километра.

Станислав НИКОЛАЕВ.

В СЕРИЮ

Мечта машинисток

В специальном конструкторском бюро пишущих машин, расположенном в Курске, государственная комиссия устроила строгий экзамен двум новым моделям. И «Агидель» и «Ятрань-С» выдержали этот экзамен успешно. «Агидель» — современная портативная пишущая машинка, чем-то напоминающая знаменитую «Эрику». По своим возможностям и уровню технических решений «Агидель» может спорить с лучшими конструкциями мира подобного класса.

Большую стационарную электрическую машинку «Ятрань» знают все машинистки, она уже давно выпускается серийно. И все же созданная на

базе серийной машинки «Ятрань-С» отличается принципиальными особенностями. Вместо привычных рычагов с литерами в новой модели установлена сферическая печатающая головка с необходимыми цифрами и буквами.

Особенно придется по душе новая машинка машинисткам, печатающим на нескольких языках. Сферическую головку можно за несколько секунд заменить другой и тем самым перейти с русского шрифта на латинский или наоборот.

Успешно сдавшие экзамен новые модели рекомендованы к серийному производству. «Агидель» будет выпускаться в Уфе, а «Ятрань-С» — в Кировограде.

Юрий ВЕДЕРНИКОВ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

ИНФОРМАЦИОННЫЙ РАЗВОРОТ "А ЧТО У ВАС?" СОСТАВЛЯЕТСЯ В ОСНОВНОМ ИЗ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ. ЖДЕМ ОТ ВАС НОВЫХ ИЗВЕСТИЙ О САМЫХ ИНТЕРЕСНЫХ СОБЫТИЯХ. И НЕ ЗАБУДЬТЕ ВЛОЖИТЬ В КОНВЕРТ С ИНФОРМАЦИЕЙ ФОТОГРАФИИ!

А ЧТО У ВАС?

Чнырах томился в ожидании. Это чем-то напомидало тот момент перед грозой, когда все вдруг замирает, словно боится упустить первый раскат грома и шум приближающегося ливня. Казалось бы, что необычного: гроза — всего лишь гроза, а ливень — ливень. Но все равно не покидает ощущение сейчас свершится некое таинство.

Недели за две перед тем я спрашивал хабаровских знатоков:

— Когда начнется ход кеты?

— Как обычно: в Амурский лиман первые косяки придут в последних числах августа, а в Хабаровске будут к середине сентября. Точный день никто не скажет. Нужно ждать.

В конце августа мы перебрались в Николаевск-на-Амуре, в самое устье реки, откуда уже и до океана было рукой подать. Но шли дни, а на свой вопрос мы слышали стереотипное: пока тихо, может быть, завтра... И что интересно, этого момента ждали все, даже не причастные к промыслу люди, коих было, естественно, подавляющее большинство. Спрашиваешь в автобусе случайного попутчика:

— Ничего нового?

И он, не переспрашивая, отвечает:

— Пока нет...

Потому что знает: так, без подробностей, спрашивают только о подходе кеты. А зайдя разговор о чем-то другом, вопрос будет сформулирован иначе, более подробно.

Наконец первого сентября звонок:

— Кажется, началось. В сети попались несколько гонцов. Завтра можно ждать косяки.

Самой собой, наутро мы были уже в Чнырахе, небольшом поселке в Амурском лимане, куда на рыбозавод должен был прийти плашкоут с первым уловом. С этим же плашкоутом мы надеялись уйти к рыбакам...

Чнырах томился в ожидании. Казалось, ему, живущему рыбой, начало очередной путины было делом привычным. Сменяя друг друга, разные виды лова катятся через весь год, подавая на переработку сельдь, корюшку, горбушу, летнюю кету. Теперь вот пришло время кеты осенней. Но к ней-то он привыкнуть не мог.

Улицы поселка пыльные, малолюдны, кажутся сонливыми. Около клуба группа парней и девушек что-то напевают под гитару. На зеленых стройотрядовских куртках эмблема «Пульс-80»: студенты Хабаровского медицинского института проводят в Чнырахе третий семестр 1980 года. Но эмблему можно трактовать и иначе: «пульс рабочий, была бы рыба».

Владимир Дмитриевич Раков, директор завода, ведет нас по пустым пока что цехам: тут разделочный, там — засольный, а это — икорный.

Разделочные столы выскоблены, полы вымыты, по желобам бежит проточенная вода, рядом с цехами штабелем свежая бочкотара. Все готово, все ждет. И сам директор, как перед приходом дорогих гостей: отутюженный костюм, галстук, несколько торжественный вид.

После обеда пронеслось: «Сухуми» с плашкоутом на подходе. И тут все закружилось. Девушки-разделочницы заняли свои места у столов, Виктор Михайлович Загудов, мастер засолки, еще раз осмотрел свое хозяйство, электрики снова включили транспортеры — работают. На заводской причал, поправляя на ходу оранжевую прорезиненную робу, вышли студенты-грузчики. Тут уже толпились десятка два так или иначе причастных к приему и переработке рыбы. А на берегу собралось немало просто зевак.

На фоне сухогрузов, танкеров, лесовозов, что шли вниз и вверх по Амуру, речной буксирчик «Сухуми» с осевшим плашкоутом по борту совсем не смотрелся. Он натужно шлепал к причалу, зато, когда между нами осталось метров 200—300, заводской гудок взвыв радостно и протяжно, оповещая округу: рыба пришла. О такой восторженной

БОЕЦ ОТРЯДА «ПУЛЬС-80».

ЧНЫРАХСКИЙ ЗАВОД
ВЫПУСКАЕТ И ДЕЛИКАТЕСЫ.

ПАЛУБА СВОБОДНЕНСКОГО
ЗАЕЗДКА.

встрече проходившие мимо океанские лайнеры не могли и мечтать.

Быстро отшвартовались, подняли брезент, верхняя палуба плашкоута ударила в глаза серебром приличных рыбин. Вздрогнула, побежала лента транспортера, унося в чрево разделочного цеха первый улов.

К вечеру с обратным плашкоутом мы добрались до Свободненского заездка, где промышляла кету колхозная бригада Юрия Никитича Поппеля из села Иннокентьевка.

Заездок — это и способ лова дальневосточного лосося и, если хотите, снасть. Перпендикулярно к берегу в лиман уходит ровный ряд столбов, вогнанных в дно на расстоянии двух метров друг от друга. По этим столбам до самого дна — иногда на девять метров в глубину — опускается «бердо» — решетка из поперечных жердей. И столбы и жерди сработаны из лиственницы, потому что ее смолистая древесина менее других боится воды, и однажды изготовленные элементы могут использоваться много лет. Столбы с навешенным «бердо» образуют «линию», которая на Свободненском заездке вытянулась на 1600 метров.

Там, в лимане, «линия» почти под прямым углом упирается в «глаголь», образуя вместе с ним что-то подобное перевернутой и положенной на бок букве «Г». «Глаголь» — это гигантский садок из прочной сети, борта которого подняты на два ряда столбов, а дно опущено глубоко в воду. У самого стыка с «линией» «глаголь» имеет широкий проем, «ворота» — поднимающуюся и опускающуюся до дна сетную стенку. Над «глаголем» вдоль всей его почти стометровой длины идет настил из досок, между которыми оставлены широкие (примерно в две доски) просветы. К нижнему по течению реки концу «глаголя» примыкает площадка со сплошным настилом, на котором сооружены два приземистых просторных помещения сарайной архитектуры. В одном — столовая и камбуз, во втором — общежитие с двумя рядами сплошных дощатых нар вдоль боковых стен и длинным столом посередине. Обстановка, что называется, походная, временная. Все сколочено просто, прочно, на скорую руку, без изысков и намеков на комфорт, с одной, кажется, заботой: предельная функциональность. Например, чтобы жилье и столовую не прохватывали насквозь жесткие ветры, которые иной раз приносятся с севера-востока, оба свайных «здания» обиты рубероидом. От этого вид у них, что и говорить, неказистый. Но все сработано не для чужого оценивающего глаза, для себя, а потому подходит в любом обличье, лишь бы было надежно и удобно.

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены»

ЧАС, КОГДА П

Так подробно об устройстве ловечей снасти я рассказал потому, что это поможет лучше понять суть профессии рыбака, о котором, основываясь на жизненном опыте, народная мудрость утверждает: рыбак — дважды моряк.

«Двоюродный» собрат по труду взят для сравнения не случайно. В работе того и другого много общего. Даже место работы — водная стихия — подсказывает вполне уместную параллель. И если говорится, что доля рыбака вдвое тяжелее, то вовсе не из стремления развенчать или принизить труд мореходов, который достоин самого высокого уважения. Оторванность от дома, родных, от простой земной тверди, долгие, порой опасные переходы, штормы и весь набор «романтических» морских штучек, которые, стоит зазеваться, могут запросто отправить корабль на дно — все это — само по себе нелегкое испытание и требует известного мужества. Но не это является главным в профессии моряка. Главное — в умении надежно работать и в любых условиях, которые задает море. И в шторм и в штиль нужно исправно нести свою вахту, поддерживать в надлежащем состоянии корабль, следить за сохранностью груза — короче: работать, работать, не-

взирая ни на какие стихии, и тогда рейс пройдет без ЧП.

Так и рыбак. В путину он тоже часто и подолгу бывает оторван от дома. Даже когда промысел ведется не в открытом море, а как здесь, в лимане, или на реке.

Вот на нашем Свободненском заездке только от одного берега «линия» ушла всего на полторы версты. Если же брать до противоположного, до мыса Пронге, то нужно набросить еще километров восемнадцать. Собственно говоря, важно даже не само расстояние до суши. Началась путина — с заездка не уйдешь до ее окончания. Тут, на воде, твой дом, стол, рабочее место. А когда со стороны Сахалина налетит свежий ветерок и волны начнут поддавать под самые половицы этого не особо надежного сооружения, то и вовсе возникает ощущение шторма в открытом океане. А что до работы — так ее хватает. Только для непосвященного промысел — простое дело: пришла рыба — бросай сети и вынимай улов. На самом деле, пока дело дойдет до «сетей», сотню раз успеешь умыться соленым потом.

Свой заездок бригада Поппеля начала строить в конце мая. Лиман едва-едва освободился ото льда, дно на меляках, ближе к берегу, еще не отта-

ПРИШЛА РЫБА

яло и столбы приходилось заколачивать в мерзлый грунт. Их забивали копром, установленным на барже. Это, разумеется, гораздо легче прежнего способа, когда сваи вгонялись ручными «бабами», но все равно прикиньте: чтобы вывести только «линию», нужно вбить восемьсот столбов по 14—16 метров длиной. В иных местах глубина лимана доходит до девяти метров, а тут, еще течение, отливы, приливы...

Выведа «линию», стали вколачивать столбы для «глаголя», под жилье и столовую. Потом строили это жилье и столовую, соорудили навес для лебедки, насаживали «бердо», обшивали «глаголь» сетью. На все ушел почти месяц напряженного труда. Успели как раз к ходу горбуши и летней кеты. А когда по ним сделали «план», стали ждать подхода осеннего лосося. При хорошем ходе, да если вовремя подадут плашкоуты, а рыбозаводы успеют переработать улов, задание можно выполнить недели за две. Пусть даже не особенно повезет; все равно больше месяца бригаде на заездке не сидеть. Уже в октябре рыбаки разберут его, выдернут столбы, сложат все хозяйство на берегу до будущей весны, а сами двинут кто в отпуск, кто на сайровую

путину или осеннюю корюшку. Так что все это громоздкое, установленное с таким трудом сооружение по имени «заездок» служит самому лову считанные недели. Но на то она и профессия рыбака, что сам лов рыбы в ней далеко не первый по объему и времени труд. Большую часть сил съедают разные подсобные и сопутствующие лову работы, без которых немислим он сам.

Рыбачье счастье зависит от многих «если». Почти все они связаны с рыбой: «если она подойдет вовремя...», «если ход будет дружным...», «если...». Рыба, что море, капризна, непостоянна, к ее характеру все время приходится приравниваться. Наверное, еще и оттого рыбака зовут дважды моряком, что управлять ему приходится сразу с двумя стихиями — водой и рыбой.

Ох уж эта рыба — кто поймет ее!

Раньше мне не раз доводилось видеть кету на нересте и всегда оставалось ощущение, будто я прикоснулся к загадке, которая так и осталась для меня тайной.

Рыбы приходили в прозрачные озера, затерявшиеся в таежных распадках, в верховьях нерестовых речушек, даже не речушек — ручьев, со студеной род-

ПРИШЕЛ ПЕРВЫЙ ПЛАШКОУТ.

НА МНОГИЕ КИЛОМЕТРЫ РАЗМАХНУЛСЯ АМУРСКИЙ ЛИМАН.

никовой водой и живыми «вулканчиками» ключей на дне. Чтобы добраться сюда, последнюю часть пути, изможденные расстоянием и голодом, они не плыли, а буквально ползли через меляки и перекаты. Они отдыхали в глубоких, выбитых течением ямах. И потом снова бросались вперед, навстречу потоку, высунув из воды спину, терзая брюхо об острые камни и гальку. Рыбы были тощи, изранены, в буром, с красным отливом, брачном наряде. Самцы были безобразно горбаты, с изогнутыми клыкастыми рылами.

Только достигнув заветного, ей одной понятного места, кета наконец останавливалась. На быстром течении, у выхода придонных родников самка ударами хвоста выбивала ямку, выметывала в нее икру, и загребала галечником. Рядом с ней ходит самец. Свершив главное дело жизни, рыба оставалась у гнезда сторожить икру от прожорливого дальнего родственника гольца или какого другого хищника, а заодно отгонять своих же товарок, которым пришло время метать икру и они облюбовали для этой цели уже занятое место. Рыба ходила медленными кругами около сооруженного ею холмика, спокойная, умиротворенная. Жизнь нового поколения зачатая, и теперь ее уже ничего не интересовало. Кете не увидеть свое потомство: мальки выклюнутся из икринок только месяца через три-четыре, а ей осталось жить всего несколько дней. Она еще с недельку покружит у родников, где когда-то родилась сама, где в трескучие морозы родятся ее дети, потом сонно ляжет на дно, чтобы больше уже не проснуться. Странное дело: дороги родителей и детей так никогда и не пересекутся.

— Это же надо придумать такую меду — умирать после первого же икромета, — сетовал старый егерь, который как-то проводил меня на нерестовое озеро в верховьях Биры. Стояла поздняя осень, и выпавший ночью обильный снег враз одел и тайгу, и сопки, и поросшие травой и кустами берега. Только озеро оставалось округлым темным пятном на бескрайнем белом фоне. Сквозь воду проглядывалось дно со множеством холмиков из белесоватой гальки и рядом с ними довольно густо тела мертвой уже рыбы.

Пейзаж после битвы, да и только. Одну кетину прибило к берегу. Егерь подцепил ее палкой. Кожа да кости, одна оболочка, вчера еще живая, — все, что осталось от недавнего красавца лосося. Десятки лет мой провожатый

наблюдал за этим превращением и все не мог привыкнуть.

Удивительная, непонятная загадка природы. Почему долгий процесс эволюции определил дальневосточному лосося такую долю: метать икру только в том месте, где сам некогда увидел свет, и гибнуть сразу же после нереста? Может быть, это имеет какой-то высший смысл, и по-своему мудро, но честно говоря, стоя над озером, дно которого устилала мертвая кета, мне показалось, что природа затеяла в данном случае рискованный эксперимент.

Народившись зимой, молодь кеты к весне окрепнет, наберется сил, питаясь всякой речной мелочью, и с вешними водами скатится в море. За четыре-пять лет вольной океанской жизни она выматывает в полупудовых красавцев, и тогда инстинкт подскажет: пора возвращаться домой и дать жизнь новому поколению. К устью Амура косяки осенней кеты подходят с севера, со стороны Охотского моря, ориентируясь на привкус пресной воды, которую великая река выносит в лиман и дальше в Сахалинский залив. Хватив «пресняка», кета перестает питаться. Теперь ее уже ничто не отвлекает от главной и сейчас единственной цели — быстрее прийти к нерестилищам.

Чем ближе Амур, чем преснее вода, тем быстрее ход рыбы. Она торопится — ведь иным косякам предстоит отмахать около двух тысяч нелегких верст. Против течения, через меляки, через заторы. Кете нужно разминуться с браконьерскими сетями и сноровистыми лапами медведей, поджидающих рыбу на таежных перекатах. Ей многое нужно одолеть, чтобы прийти домой, исполнить главное дело жизни — продлить род свой, а потом умереть.

Природа не пожалела сил, программируя эту испепеляющую преданность рыбы своей реке, родному ручью, вкладывая в «память» крошечных мальков информацию об обратной дороге домой, какие-то мельчайшие приметы, по которым в конце жизни они из сотен рек и ручьев найдут тот единственный поток, в котором некогда увидели свет. Но, видимо, природа чего-то все-таки не учла, а может быть, просто перестаралась, ибо сила инстинкта обернулась против рыбьего рода. Отрезок времени продолжительностью в четыре-пять лет

воплне достаточен, чтобы различные естественные и так называемые антропогенные факторы успели сделать непригодными для нереста некогда облюбованные лососем места. В очень засушливое лето мелкая речушка может пересохнуть, «отшнуроваться» от главной реки сухими плесами, из-за рубок или таежных пожаров могут иссякнуть животворные родники, их легко забить топляком во время лесосплава, отравить древесной корой, складировав бревна на берегу. Пришедшей на икромет рыбе будет некуда податься — она погибнет, так и не дав потомства. Человек — не ангел, и любители пожить за счет матушки-природы, увы, еще есть. А уж кета на сей счет — золотое дно. Велик ли труд — пересылать сеточкой речушку в таежной глухомани, зато можно взять всю рыбу, идущую вверх по ней. И в каждом таком случае результат будет один — в конце следующего жизненного цикла кеты сюда на нерест уже никто не придет, речка в тот год останется «яловой». А стоит этому повториться несколько лет кряду, и она уже навсегда лишится почетного имени нерестовой.

К счастью, люди поняли, что этот нехитро полностью известны лососевый род. Были ужесточены правила лесозаготовок. Разработан и принят целый ряд рыбоохранных мероприятий. Выросло воспроизводство лососевых на рыбоводных заводах.

Однако оказалось, что одних «сухопутных» мер недостаточно. Рыба нуждалась в защите и в море. Сотни поколений лосося мигрировали в океане и возвращались в реки одними и теми же дорогами. Изучить их и перехватить косяки в самом конце пути, на подходе к

берегу при нынешней технике оказалось делом несложным.

Наши дальневосточные соседи выставляли сети в шахматном порядке таким плотным строем, что прорваться через него удавалось только счастливицам. Однажды мне довелось путешествовать по восточному побережью острова Беринга, главного из Командор. Несколько часов мчались мы на гусеничном вездеходе по лайде, обсохшему во время отлива низменному берегу, и вдоль всего нашего пути нескончаемо тянулись принесенные сюда течением и выброшенные прибоем кипы японских сетей. В большинстве своем это были тонкие, плавные сети, которыми промышленники лососа. Сколько их было только на этом затерянном в океане клочке суши! Видно, овчинка стоила выделки, если шли на такие расходы.

Но нельзя драть две шкуры с одной овцы. Как нельзя рубить и сук, на котором сидишь. Слишком реальной стала угроза подорвать запасы лососевых в северной части Тихого океана. И государства, где нерестится эта ценная рыба — СССР, США, Канада, Япония, — стали искать приемлемые для всех заинтересованных сторон меры, которые позволили бы так отрегулировать промысел, чтобы он способствовал не только сохранению, но и увеличению запасов лососевых в этом регионе. Первые нелегкие шаги уже сделаны, они дали определенные результаты. Время покажет, как это сотрудничество будет развиваться в дальнейшем.

К вечеру косяки пошли гуще. Впереди, подобно разведчикам, шли «гонцы», самые крупные и сильные рыбы. Они выбирали путь, вели за собой остальных. Сначала их ориентиром был только пресный привкус воды, потом прибавилось ослабленное расстояние и размахом залива встречное течение. Чем дальше они уходили на юг, тем оно становилось сильнее, заметнее. Минув остров Байдукова, они уже не «сомневались» в близости реки. Они проскочили Пуир, Озерпах. Теперь, чтобы войти в устье Амура, им осталось обогнуть мыс около села Свободное и взятъ резко вправо. Как раз напротив этого мыса их ждал наш заездок.

Подход нового косяка виден далеко. Неожиданно из темноты на водную гладь, освещенную электричеством нашего свайного «поселения», врывается рябь. Сначала кажется, что легкий шквал взрыхлил поверхность воды, дурчась, гонит впереди себя волнишку. Но вот рябь уперлась в «линию», пошла вдоль нее к «глаголю». Бригадир уже там, в самом углу... спущены на дно «ворота»... вот рыба миновала их, вошла в гигантский садок и... Юрий Никитич нажимает кнопку электролебедки. Стальные тросы поднимают «ворота», и бригадир кричит:

— Гонять!

Но еще до его команды к тому углу заездка уже побежали рыбаки. В руках длинные шесты с крюками на конце. Люди становились шеренгой, через проемы между досками, цепляли крючьями дно садка, поднимали сеть, перегоняя рыбу к противоположному концу «глаголя»... Где-то на его середине поднимать крючьями дно садка, в котором мечутся десятки тонн рыбы, уже не под силу. Рыбаки становились к воротам наподобие тех, которые установлены над колодцами, с той разницей, что здесь к веревке подвешено не ведро, а прочная сеть. Переходя от ворот к вороту, люди гнали рыбу к месту выгрузки...

А потом подходили новые косяки, и бригада снова «гоняла». К полуночи люди были измочалены так, что, казалось, больше им не взяться за багры. Они пили из бачка холодный чай, курили, и, кажется, уже со злом смотрели на новые буруны, врывающиеся из темноты в наше освещенное пространство. И тут произошло нечто невероятное: некоторое время казалось, что течение остановилось, а потом пошло вспять. Конечно, это произошло не мгновенно. Просто

стало заметно, как «бердо» все больше и больше погружается в воду.

— Прилив, — объяснил Поппель. Остальные облегченно вздохнули. А в воде начался кавардак. Рыбы буруны, еще не дойдя до «линии», вдруг начали «топаться» на месте, отступать и стремительно уноситься туда, откуда пришли.

— Заблудилась рыба, — ухмыльнулся Юрий Никитич. — Привыкла идти встречь течения, а оно вдруг с моря потянуло, вот кета и развернулась в обратную сторону. Ничего, вернешься, никуда тебе, кроме Амура, дороги нет, — закончил он уверенно.

Природа дала людям передышку. Пришел плашкоут, взял тонн тридцать рыбы, а когда отчалил, вся бригада ушла спать. Спать не раздеваясь. Свет в «гостинице» с нарами не гасили всю ночь, чтобы было легче просыпаться. Сквозь сон я слышал, как Поппель раз пять зычно кричал:

— Гонять, гонять!

И тут же к выходу, чертыхаясь на бегу, громыхали два десятка сапог: шла рыба, и недосмотренные сны откладывались на потом.

К рассвету в садке было столько кеты, что бригадир отправил всех отдыхать до прихода плашкоута. Больше брать было рискованно: в тесноте кета могла «уснуть».

Как непохожи были эти рыбины на тех, что когда-то мне довелось видеть на нерестилищах. Мощные, энергичные, они метались в садке, ища выход из предательской западни. В большинстве своем это были «серебрянки», которым еще плыть и плыть к родному дому. Но были и такие, на чьих боках уже пробились розовые полосы брачного наряда. У этих адрес назначения поближе. Хотя что я: теперь-то им всем отпущено равное время и расстояние. Они прибыли на последнюю остановку своего пути. Самостоятельно им уже не плыть: завтра их всех повезут на плашкоуте всего лишь до Чныраха...

С восходом солнца я вышел на улицу. Небо было чисто от облаков, но у берега туман еще не разошелся, отчего заездок казался выброшенным в открытый океан. Было тихо и спокойно. Метрах в двадцати от «глаголя» из воды без всплеска вынырнула нерпа. Она только чуть-чуть, до уровня глаз, подняла голову над водой, стала осматриваться. Заметив косяк, подошедший к «линии», нерпа осторожно, без кругов, ушла под воду, и через полминуты у столбов заплескались, запрыгали огромные рыбины. Видно, они хотели спастись, махнуть через «бердо». Но куда там: нерпа хорошо знала свое дело.

Обычно крикливые и настырные, чайки молча восседали на макушках столбов и сытыми, безразличными глазами наблюдали за драмой, разыгравшейся прямо под ними. Кета птицам не по зубам. Но вместе с ее косяками в садок попадают растерявшиеся сиги и всякая рыбная мелочь, которых в толчее мощные лососи вминают в ячейки сетей. Этих давленных рыбешек рыбаки выбрасывают в Амур, на радость чаячьей своре. Сейчас они наелись, но улетать не хотят: ход кеты и для них событие. Пусть не участниками, а только зрителями — все равно охота поприступовать.

А потом со стороны лимана раздался не то вздох, не то хрюканье. Две пятиметровые белухи, словно белесые торпеды, неслись наперерез еще одному косяку. День, когда пришла рыба, был праздником не только для рыбаков. И люди не сетовали, что часть их верного улова достанется другому охотнику. Казалось, не волновало и то, что рыба, взяв чуть дальше от берега, шла к Амуру мимо заездка. Рыба тоже должна иметь свой шанс. Да и они, сделав «план», быстро снимут «бердо» и откроют дорогу косякам, которые чуть попозднили этой осенью. Пусть эти дойдут до нерестилищ. В жизни не всегда побеждает тот, кто идет первым.

Какимбек САЛЫКОВ

ГОРНЯЦКАЯ БАЛЛАДА

*События бурлят на белом свете.
С моей судьбою связан навсегда
Мой Джезказган — открытый город меди,
Открытый город дружбы и труда.*

*С дорогами, с копрами, с терриконами
Я ощущал себя прямой родней.
Казалось, увертюрою Бетховена
Звучал мне в уши Рудничный забой.*

*И сам я дирижировал работой —
Не просто ей внимал со стороны.
Оркестр горняков.
На скалы ноты
Забойщиками там нанесены.*

*Не передать словами то волнение,
С которым к шахтным звукам я приник:
У гор свое по сути вдохновение,
Свои предвиденья и свой язык.*

*Там все свое: и облака, и реки,
И улицы (а по-горняцки, штреки).
Там инженерский сопромат в ладу
С поэзией, живущей в человеке.*

*Там миг от мига — как от боя к бою
Мы были связаны одной судьбою.
Я тем горжусь, что вел борьбу за медь,
И тем, что годы отданы забою.*

*Там вглубь продолжены
Мои просторы.
И ханской власти отменяя пору,
Я времени единственный отчет
Веду от Октября и от «Авроры».*

*Закон свободы!
О таком законе
Готов я говорить в горячем тоне!
Стал металлург хозяином огня —
Он в цехе держит солнце на ладони.*

*Архаками мне кажутся аноды,
Сайгаками мне кажутся катоды.
Под стать песчаным плесам Сары-Су¹
Поблескивают ванны медьзавода.*

*Нет, я не помышляю о секрете,
Который пыл вдохнет в мои стихи.
Я с чистотою джезказганской меди
Сверяю чистоту своей строки.*

*И мерю мне рудные отвалы,
А эталоном — шахты глубина.
В забоях, знаю я, берет начало
Моих волос густая седина.*

*Да, где руда — там рудники повсюду,
Где рудники — там встали города.
Где города — сады, как будто чудо,
А где сады сегодня — там вода.*

*Мы обновили край за эти годы.
И сам я тоже, счастлив и устал,
Работал в шахтах,
Создавал заводы
И к небу новостройки поднимал.*

*Был по характеру не из трусливых.
Мелькающим событиям вопреки
Я не забыл толчки подземных взрывов —
Бесстрашием гордятся горняки!*

*Бесстрашие их окуплено судьбою
И смены и мгновенья самого.
Не зря законом стало для забоя:
Один за всех и все за одного!*

*Любой горняк там
Общим делом дышит,
Свою победу многим крепя.
Там вера в дружбу и сильнее и выше,
Чем просто вера в самого себя.*

*Там люди те, что в душу мне запали.
Так будь же вдохновенною, строка:
Видна мне четче из московских далей
Судьба прославленного горняка.*

*— Знал ли ты, сынок мой, Оразбека?
— Да, папа.
— Значит, ты знаком с судьбой
И славою такого человека,
Который стал историей самой!*

*Историей — от ворота ручного,
От тачек и натруженных горбов
До новых шахт с научною основой
И стометровых башенных копров.*

*Историей — в подземных коридорах
К машинной рати шли мы от кирки.
Историей — но не одних просторов,
А и того, кем стали степняки.*

*Что в мире человека интереснее?
Горняк — он не жалел в работе сил.
Он, будучи рабочим по профессии,
Не заносился, но и не тужил.*

*Трудом сквозь темень пробивался к свету.
Известно мне — пойми, сынок, и ты,
Что весь его характер, как планета,
Несет в себе глубинные пласты.*

*Он юным был в Октябрьскую пору
И зрелым в ту — последнюю — войну.
Открылась джезказганскому шахтеру,
Как пули рассекают тишину.*

*Потом пришлось с разрухою бороться.
Не зная покоя и на миг,
Его судьба — судьба первопроходца
Подземных казахстанских кладовых.*

¹ Сары-Су — река близ Джезказгана.

ПОВТОРЯЕМ УСЛОВИЯ КОНКУРСА ЭРУДИТОВ

В минувшем году редакция журнала «Смена» объявила Конкурс эрудитов. Большой поток писем и отзывы на них свидетельствуют, что игра пришлась по душе очень многим нашим читателям. Причем с каждым туром число желающих участвовать в ней растет. Практически все участники единодушны в одном: конкурс интересен тем, что повышает знания и развивает эрудицию, учит работать с различного рода литературой.

Итак, прошло три тура. Каждый имел самостоятельное значение, так как итоги подводились сразу, в конце его.

Продолжая конкурс, напоминаем, что условия не изменились. Авторы его — вы сами, дорогие читатели. Вопросы из разных областей общественной жизни, науки, литературы, искусства редакция отбирает по вашим письмам. Просим вас и дальше составлять и

присылать их в любом количестве. К каждому вопросу обязательно надо прилагать ответ и четко указывать первоисточник.

Отвечая на вопросы и прилагая свои для следующего тура, желательно писать их на одной стороне листа.

Как показывают результаты предыдущих туров, претендовать на победу могут те читатели, которые наиболее полно и точно ответят на большинство вопросов. Победителей конкурса жюри определит в конце тура. Призы — книги и альбомы.

УЧАСТВОВАТЬ В ПОСЛЕДУЮЩИХ ТУРАХ МОЖЕТ КАЖДЫЙ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОН ДО СИХ ПОР НЕ ВСТУПАЛ В ИГРУ.

Ждем ваших писем с содержательными ответами на очередной тур и вопросами для следующего тура. Срок их отправки — до 1 августа.

Он мог любую разгадать загадку
И разрешить любой горячий спор:
Ведь знал и ту скалу и эту складку
В слепом нагроможденье древних гор.

Читал он
Джезказганских недр строенье,
Как будто книгу, что весьма проста.
И чуял рудных залежей сцепленья,
Их слабые и сильные места.

Он кончил курсы горных мастеров.
Но я-то помню взгляд его веселый:
Мол, вынесли мы знания, будь здоров,
Из высшей школы — таскудукской школы!

Он на меня поглядывал хитро,
Как старший, ожидающий признанья:
Я, дескать, на «Петро», ты — на «Покро»²,
У нас, мол, шахтное соревнованье.

Соперничество лихо шло у нас:
Так в лаве соревнуются забой,
Так спор с Карагандой ведет Донбасс,
А Ленинград, как водится, — с Москвою.

Мы находились в вечном напряженьи:
Был каждый и напорист и удал.

Он, помню, на Муканова Сабита³
И голосом, и с виду был похож.

Улыбка, помню, истиной искрится
И покоряет души, не строга.
Седоголовый, крепкий, круглолицый
Глаза он щурил, как Сабит-ага.

Бывало, в доброй, дружеской беседе
Сначала все расскажет о себе,
Потом тебя расспросит и о детях,
И о делах, и о самой судьбе.

И обо всем, что происходит дома.
К нему влекло неодолимо нас.
Казался он давным-давно знакомым
И тем, с кем сталкивался первый раз.

Влекли довериться,
Разговориться
И взгляд, и обаяние без границ.
Сдавалось, может мир преобразится
От взмаха оразбековых ресниц.

Но лишь о главном в нем, а не о прочем
Мечтает рассказать мое перо:
Он на «Петро» пришел простым рабочим
И вырос до начальника «Петро»!

И Оразбек в работе неустанной —
То сдержан и расчётлив, то удал —
Еще и нам он штреки-великаны
Осваивать вначале помогал.

Не знаю, как мы без него смогли бы
Осилить и гранит, и пыль, и тьму?
Да, в медных недрах
Нам встречались глыбы —
По существу подобные ему.

В дворцах подземных за дела брались мы
Все жарче, все упрямей, все верней.
Мы ловко объезжали механизмы,
Как смуглые табунчики — коней.

Там, под землей, прошли мы испытанья
На дружбу рудниковой глубины.
Там нет ни ссор, ни чинопочитанья,
Там все перед работою равны.

О, наши рейсы в недрах Джезказгана,
Где всех, как моряков, пьянил успех.
Беспомощен корабль без капитана...
Был капитаном шахты — Оразбек.

Мой сын!
Сумей понять того размах ты,
Кто нес в себе подвижника запал,
Кто, и освоив и возглавив шахту,
Со слесаря когда-то начинал.

Пройдут года — и если спросит кто-то:
«Как смог распорядиться ты судьбой?»
Ответить гордо: «Шахту отработал!»
Поверь, мой сын, решится не любой.

Что ж, подражать такому человеку
Считалось там естественным вполне.
Да я и сам обязан Оразбеку
Всем тем, что есть горняцкого во мне.

Случались, помню, трудные наряды,
Когда ничем не вдохновишь ребят...
И вдруг он подойдет и скажет: «Надо!» —
Да так, что люди подвиг совершат.

Он жил с таким особым вдохновеньем,
Как будто создавал стихотворенье.
И шли дела на шахте с огоньком,
И в этом «надо» виделось значенье.

Медь проводов как будто славословит
И хвалит горняка на всю страну.
И в крыльях птиц его я вижу брови,
В снегах — его густую седину.

Я к Улы-тау обращаю взоры —
Там все тропиночки ему близки.
О нем мне говорили люди, горы,
О нем мне пел камыш Джезды-реки.

Под стать самой природе жил он смело.
Всегда, как говорится, и везде,
Как бог, с тебя он спрашивал за дело,
Как друг, с тобою был в любой беде.

Стоит «Петро» — стоит как день вчерашний,
Минувшая страда, былой успех.
А новой исполнинской шахты башня
Издали — как будто Оразбек...

Земля мне эта навсегда желанна —
Здесь медная река берет разбег.
Здесь рудники и шахты Джезказгана
Символизируют двадцатый век.

Взметнулись зданья в небо голубое,
Кипучей жизнью полнится простор.
И Кенгирбан наших дней
В забое
Ведут с рудой трехсменный разговор.

Ты, сын мой, словно бы идешь по следу
Тех дел, что длились в громе и огнях.
Об Оразбеке эта вот беседа
И о горячих призабойных днях.

И о моих тревогах постоянных
В ту пору, сын, что ныне вдалеке.
Строительство большого Джезказгана
Мы развернули на Кенгир-реке.

Во имя новых трудовых свершений
Объединил горняцкий Джезказган
Все девять шахт — как девять поселений.
Как девять городов.
Как девять стран.

Над каждой круто высилась порода,
Как бы девятым валом накатив.
Там люди многих наций и народов
Горняцкий составляли коллектив.

Не зря, придя из дней неугомонных,
Доньше мне являются во снах:
Как пирамиды — девять терриконов
И девять звезд, горевших на копрах.

Пылавших ярко и несуетливо,
Как будто представляя всякий миг
Те девять наших крепких коллективов,
Те девять наших медных кладовых.

Те девять родственников величавых
По многим дням совместного труда.
Те девять высей.
Я себя по праву
К одной из них причислить мог тогда.

Я к стандам подходил неторопливо,
Где, четко обновляемые в срок,
Успехи наши явные и срывы
На нас смотрели цифрами с досок.

Упустишь полпроцента — утром рано
Живущий по соседству аксакал
Не спросит, как ты этой ночью спал,
А интерес проявит: «Что там с планом?»

Да, побеждал нас Оразбек нередко.
Хоть был объем работ тогда не мал,
Как правило, заданье пятилетки
Он за четыре года выполнял.

Склонялись горы перед Оразбеком.
Успехами увенчивался труд.
Вперед, мой сын,
За смелым человеком
Другие люди смелые идут.

Перевел с казахского
Владимир САВЕЛЬЕВ.

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

Но чувство юмора при пораженьи
Сам Оразбек ни разу не терял.

А юность — не в ее ли легкой власти
И в семьдесят был юн он и горяч?
Ты помнишь, сын,
С какой веселой страстью
Гонял он с вами, пацанами, мяч?

На молодых любовь и нежность тратя,
Растил их как детей — наверняка.
Его на шахте величали «батеи»,
Как в партизанском крае — Ковпака.

Державшийся сердечно и открыто,
Какой с ним разговор ни заведешь,

«Петро» хоть с кем в труде
Могла поспорить!
Петровцы, проникая в глубь земли,
И шахту отработали и вскоре
Все вместе на другую перешли.

Любили джезказганцы Оразбека.
С отцовской биографией знаком,
И ты, мой сын, не по веленью века,
Так по призванью станешь горняком.

Поймешь, что значит «отработать шахту»:
Забой — не поле, лава — не простор.
А шахта — там для самых смелых вахта,
Там взрывов гул и сотрясенья гор.

³ Сабит Муканов — известный казахский советский писатель.

Итак, задание очередного тура:

1. У художника П. Андрианова есть картина «В. И. Ленин и Я. М. Свердлов на Красной площади 1 Мая 1918 года наблюдают за полетом самолета». Какой это был самолет, где построен и кто его пилотировал?

В. ИШУТКИН,
пос. Чернь Тульской области

2. Когда было издано первое Собрание сочинений В. И. Ленина и как оно называлось?

А. ГРИШАНОВ, Ленинград

3. Селение Москва стоит близ реки Волга. Где это?

В. ПОЛИКАРПОВ,
пос. Угловка Новгородской области

4. Шла вторая мировая война... Какой писатель и по какому радио

произнес тогда самую короткую в мире речь? Прочитайте ее.

В. ПУТИЛОВА,
Красноуральск Свердловской области

5. Где и когда была открыта первая советская сберкасса? Кто был ее первым клиентом?

А. ШУВАЕВ,
Анапа

6. В четырех крупных произведениях русского поэта у героинь одинаковое имя. Назовите поэта, произведения и имя героинь.

Г. БАЛАШОВА,
Москва

7. Во время какой демонстрации и кто впервые в России нес красное знамя?

В. ЮРЬЕВ,
г. Энгельс Саратовской области

8. Когда и где был впервые описан полет на Луну?

П. СТАРЫЙ,
пос. Талнах Красноярского края

9. Кто был первым в истории Франции композитором, которого восторженная публика аплодисментами вызвала на сцену? Назовите его полное имя. Широко известность он заслужил успехами в другой области. В какой?

Л. МОСКВИТИН,
Бирюсинск Иркутской области

10. Какая рыба и когда плывет хвостом вперед?

Б. МОЩИЦКАЯ,
Иркутск

11. Назовите самую удаленную сейчас от Солнца планету.

Р. ТЕМИРГАЛИЕВ,
Ташкент

12. Знаете ли вы самый древний военный орден?

С. ДАНЧЕНКО,
Бердянск Запорожской области

13. В основу произведения популярного писателя легла романтическая история одного из декабристов. Назовите писателя, произведение, декабриста. Кто послужил прототипом героини произведения?

О. БАГРОВА,
Харьков

14. Среди античных ученых была женщина. Назовите ее имя. Где она жила? В каких областях науки она известна? Она изобрела несколько приборов. Каких?

А. ЛОПАТИН,
Новосибирск

15. В какой стране растет патриарх деревьев? Каков его возраст?

В. РАЗИН,
Москва

Ждем ваших писем с ответами на этот тур и вопросами для следующего тура.

В мезонине на Малой Молчановке

В ЭТОМ ОДНОЭТАЖНОМ ОСОБНЯЧКЕ ПРОШЛА МОСКОВСКАЯ ЮНОСТЬ ПОЭТА.

ПОДЛИННЫЕ ПРЕДМЕТЫ ЭПОХИ ДОПОЛНЯЮТ РАССКАЗ О МОСКОВСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ ПОЭТА.

Юрий ОСИПОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

К ЛЕРМОНТОВУ,
НА МАЛУЮ МОЛЧАНОВКУ.

БУКВАЛЬНО ПО КРУПИЦАМ УЧЕ-
НЫЕ ВОССОЗДАВАЛИ ДОСТОВЕР-
НОЕ УБРАНСТВО МАЛОЙ ГОСТИ-
НОЙ.

интерьером и убранством помещений. О них, увы, дошли очень скудные, отрывочные сведения. А уж личных вещей, как известно, почти совсем не осталось. И все же тщательная научная разработка типологии обстановки и сбор буквально по крупинкам подлинных предметов эпохи, способных что-то рассказать о московском периоде жизни Лермонтова, принесли свои плоды. Произошло обычное музейное чудо: дом ожил.

Придите сюда сегодня и увидите, что все здесь так и было изначально: фамильные портреты работы крепостных художников, павловская мебель, старинное фортепиано с потертым футляром скрипки, фарфор, чернильные приборы, литые подсвечники...

Рисовальный столик и книги, книги, книги — первое, что бросается в глаза с порога лермонтовской «кельи», куда посторонние не допускались. Русские авторы от Кантемира до Жуковского, зарубежная классика — сочинения Шеллинга, Сен-Симона, Фурье... Он любовно расставлял их на полках большого книжного шкафа рядом с мятежными «думами» Рыльева, альманахом «Полярная звезда», томиком Пушкина. Дух Пушкина неотступно витает в пансионской тетради стихов юного Лермонтова. «Ты пел, и в этом есть краю Один, кто понял песнь твою».

Над диваном — портрет еще одного кумира, Байрона. «У нас одна душа, один и те же муки». Раскрытый номер «Галатеи» с переводами молодого Тютчева. Наброски, рисунки, акварели. А знаменитый автопортрет в бурке, привезенный Ираклием Андрониковым из ФРГ, встречает нас внизу, у входа. Здесь же, на рисовальном столике, — как будто только что законченный портрет отца, чье имя в доме судьба отца и сына Жить розно и в разлуке умереть». И портрет и эти горькие строки написаны в этой комнате.

У открытого окна мезонина будущий гусарский поручик часто напевал арии из своей любимой революционной оперы «Немая из Портичи», но «ни одного звука не мог извлечь из скрипки, из фортепиано», впервые встретившись с царем в актовом зале пансиона и прочитав, быть может, в «зимних», по выражению Герцена, глазах Николая собственную судьбу.

Полный тягостных мыслей, медленно поднимался юноша к себе наверх после долгих одиноких прогулок по охваченному эпидемией холеры городу — вымершие улицы, костры, пикеты вдоль снежного вала. Сюда, в мезонин, он с волнением принес в сентябре 1830 года журнал «Атеней», напечатанный его первое стихотворение «Весна», под которым вместо подписи еще стояла латинская буква «L». В этой комнате в июле 32-го он укладывал в дорожный саквояж дорогие сердцу вещи и тетрадь с рукописью «Вадима», готовясь к отъезду в Петербург...

Многое из неповторимого и такого щемяще скромного мира Лермонтоваместили семь скромных комнат особняка на Малой Молчановке, навсегда отныне став частью Москвы, частью нашей духовной жизни.

Осенью 1827 года в Москву через Покровскую заставу медленно тягивался пропыленный обоз. Впереди — большая старомодная карета, следом — несколько телег с дворней и домашним скарбом.

Обоз миновал Кузнецкий мост, Средтенку, свернул в Сергиевский переулок и остановился у дома титулярного советника Тоона, где проживало семейство дяди Арсеньевой П. А. Мещеринова. Здесь юному Лермонтову предстояло провести свою первую московскую зиму.

Кончалась короткая пора детства в Тарзангах. Началось отрочество. Начался поэт.

«ТИФЛИС» — КАРТИНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. МНОЖЕСТВО МИЛЫХ СЕРДЦУ ВИДЕНИЙ ЗАПЕЧАТЛЕВАЛ ПОЭТ КИСТЬЮ.

пока сонный караульщик проверял подорожную и отпустил веревку шлагбаума, поручик Тенгинского пехотного полка успел еще раз окинуть затаманчившимся взглядом волнистые холмы Белокаменной, а затем ямщицкий возок, переваливаясь на ухабах, унес его навстречу смерти.

Пять лет и эти последние пять дней...

Не уцелел дом генерал-майора Толя у Красных ворот, и лишь название шумной площади на Садовом кольце и станции метро да гранитная фигура в разлетающемся армейском шюртуке при входе в скверик напоминают: здесь родился Лермонтов.

А вот дом № 2 по Малой Молчановке, где юный поэт готовился к экзаменам в благород-

ном пансионе и потом в университете, создал более ста лирических стихотворений, романтические поэмы «Измаил-бей» и «Аул Бастунджи», философскую драму «Странный человек», первый вариант «Демона», — этот одноэтажный особнячок с мезонином в три оконца, редкий образец московского деревянного ампира первой трети XIX века, чудом сохранившийся до наших дней, пару лет назад попал в искусные руки архитекторов и художников-реставраторов, чтобы стать мемориальным лермонтовским музеем.

За полтора века дом сменил многих хозяев, неоднократно перестраивался. Вернуть ему первоначальный облик было очень непросто. Причем он один только остался от тихой улицы в центре дворянской, фамусовской Москвы с удивительно своеобразными городскими усадьбами несметной родни и близких знакомых Арсеньевой, в которых постоянно бывал ее ненаглядный Мишель.

Каким он был тогда, этот дом с мезонином на Малой Молчановке? Полностью ли обшит доской? Выступали на торцах бревна? Как выглядели крыльцо и дворик?... И на? Как выглядели проекты реставрации специалисты, зондировали фундамент и перекрытия, исследовали подготовку... Месяцы, годы кропотливого подготовительного труда, о котором знают только директор Литературного музея Н. Шапонов, заведующая его новым филиалом халова, ведущие коллеги, архитекторы В. Егоров и А. Михайловский, реставраторы Б. Весельков, А. Казанков. Шаг за шагом восстанавливался первоначальный облик особняка. Высокой, как встарь, столбиком мезонина, упростились рисунки наличников. Правую, позднюю пристройку с подъездом разобрали, а левую «утопили» с плоскости фасада вглубь, и теперь она от плоскости фасада здания. Красные нарушает общего контура здания. Красивая ажурная ограда опоясала двор, где весной зацветет зелень, распустятся цветочные кусты.

Не меньшие трудности были связаны с

п

ять ранних лет жизни Лермонтова прошли в Москве. Пять из двадцати семи. Годы познания, поисков, свершений, сердечных мук и восторгов любви, чистых и верных дружб. «...Москва моя родина и всегда ею останется, — пишет он уже из Петербурга М. А. Лопухиной. — Там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив!» Слова «родился», «страдал» и «слишком счастлив» подчеркнуты самим Лермонтовым.

И еще пять светлых дней отсрочки перед роковым концом подарила судьба поэту в Москве, когда в апреле 1841 года унылые переклады влекли его из выхлопотанного бабушкой отпуска в Петербурге назад в Действующую армию.

У полосатого столба городской заставы,

Если смотреть на московскую парфюмерную фабрику «Новая заря» с улицы, то она напомнит замок. Замок, вокруг которого витают ароматы, десятки неуловимых запахов приведут вас на фабрику лучше любого указателя.

— Запахи сами не рождаются и не живут,— заметила в первую же нашу встречу главный парфюмер фабрики Тамара Сергеевна Соболева,— их создают люди, принимая от солнца и рек, цветов и животных лишь исходный материал, я бы сказала, идею... Производство ароматов — процесс серьезный.

За год «Новая заря» отправляет на прилавки магазинов почти 100 миллионов флаконов духов, одеколонов и душистых туалетных вод — более 200 наименований. Продукцию с маркой «Новой зари» покупают тридцать стран. На «Новую зарю» работают десятки совхозов, поставляющих всевозможное растительное сырье, несколько крупнейших комбинатов по производству синтетических душистых веществ, стекольные и хрустальные заводы, типографии и даже две китобойные флотилии — «Слава» и «Украина». И вообще «Новая заря» — одна из старейших московских фабрик: ей уже почти 120 лет.

А все началось с каменной ступки и трех кастрюль. В кастрюлях варили мыло. До десяти дюжин кусков в день — такой была первая продукция «парфюмерной фабрики г-на Брокера» в 1864 году. Мыло варили трех сортов: «Детское», «Медовое» и «Янтарное». За два года компаньоны разжились так, что начали развозить его по городу на «камберах» — грузовых извозничьих экипажах. В 70-х годах прошлого века это было уже крупное предприятие, выпускавшее духи и одеколоны, мыло и саше, пудру и помаду для волос. Но сегодня масштабы производства ароматной продукции превосходят брокерские в десятки раз.

Как же рождаются духи сегодня? Как соединяются воедино незримые ароматы для того, чтобы добровольно «сдаться в плен» хрупкому стеклянному флакону? Чтобы узнать все это, пришлось пройти по всем «ступеням» технологического процесса, начав с главного цеха фабрики — цеха жидкостей и композиций.

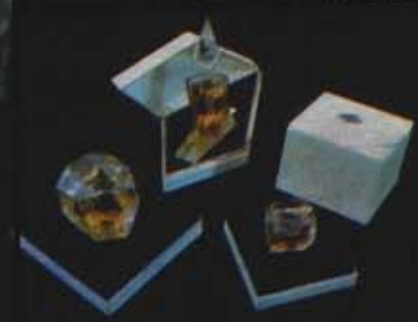
В ЦЕХЕ КОМПОЗИЦИИ АРОМАТНАЯ ПРОДУКЦИЯ ПРИГОТОВЛИВАЕТСЯ. А ПОТОМ ВЫДЕРЖИВАЕТСЯ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ЕМКОСТЯХ.

ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ФАБРИКИ «НОВАЯ ЗАРЯ»

Ольга КАМЕНЕВА.
Фото Владимира РУБАШНОВА
и Алексея ШКОЛИНА

НЕЖНЫЕ ГАММЫ ДУХОВ
ТРЕБУЮТ САМОЙ
ИЗЯЩНОЙ УПАКОВКИ.

ФАБРИКА АРОМАТОВ

Удивительно, но здесь, под гулками тяжелыми сводами огромного подвала, парфюмерные запахи почти не ощущаются. Композиции (так называются растворенные в спирте настои, смолы, масла и синтетические компоненты) запечатаны в объемистых тысячекилограммовых герметически закрытых эмалированных баках — смесителях. В смесителях духи выстаиваются и созревают. Душистые вещества «стареют», вступают в реакции, диффузии, превращаются в одно целое. От трех до двадцати дней длится невидимое глазу таинство: здесь сплетаются воедино и физика, и химия, и биология... Для каждого сорта духов — свой срок. Окончился он — и придирчиво сравнивают парфюмеры «эталон», созданный в лаборатории, с первыми каплями только что полученной продукции. Проверяют на крепость, на запах, на цвет и стойкость...

Говорят, что Скрыбин первый сравнил парфюмеров с композиторами, создавая свою уникальную цветную музыку. Так или иначе, но профессиональные

парфюмеры давно уже говорят: «зеленая нота» или «терпкий аккорд», «приглушенный тембр» и даже — «основная мелодия композиции». И как знать, быть может, и не позаимствовала бы парфюмерия музыкальные термины, если бы французский парфюмер по фамилии Пьерес в 1877 году не разложил бы все известные тогда ароматические вещества по хроматической гамме. Так, например, нота «ре» первой октавы соответствовала запаху фиалки, «ре» третьей — аромату бергамотового масла, а «до» четвертой вообще означало ананас и так далее.

— Кто же такие парфюмеры? — спросила я у Тамары Сергеевны.

— По образованию это инженеры-химики. На работу мы принимаем людей только после экзамена на профпригодность: знания знаниями, а нам нужны и «носы». Потом специальная теоретическая подготовка. И только лет через десять, а то и больше химик становится настоящим парфюмером. Он способен различить не десять запахов, как на

экзамене, а более трехсот... И, разумеется, парфюмер — художник. Чуткий и тонкий, обладающий незаурядным вкусом.

...Полукруглые ступенчатые лабораторные столы — рабочие места парфюмеров — притягивали, как магниты. Какое женское сердце не дрогнет при виде многих десятков баночек и флаконов «сезама» неведомых ароматов?

— Это наши «ноты» и «краски», — говорит Тамара Сергеевна. — Как в музыке и живописи, существуют в нашем деле свои законы и теории сочетаемости запахов. Когда парфюмер создает духи, он обычно использует до 70—80 компонентов. В итоге же духи должны обладать трюичностью запаха. Объясню. «Начальный» запах вы почувствуете всего минуты три, открывая пробку и нанося духи на кожу. Чистота запаха — первая оценка продукции. «Сердцевина» запаха ощущается несколько часов спустя. Это собственно духи. Удерживают «сердцевину», как правило, мускус, амбра или какой-либо иной

компонент. И есть «конечный» запах — едва уловимый аромат, который может держаться сутки-двое. Стройная гармония трех составляющих определяет успех труда парфюмеров.

В одной из лабораторий я заметила в книжном шкафу стопку старинных, тисненых золотом книг.

— Старые рецептурные сборники, — объяснила Соболева. — Начало века.

— А что, если составить композицию по одному из старых рецептов?

— Пробовали. На сегодняшний взгляд примитивно. У наших бабушек вкус был немножко иной. Не «весна на дне фиала», как у Шекспира, а скорее — осень...

И тут я задала свой последний, «роковой» вопрос:

— А лично вы какими духами пользуетесь?

— Спросите любую женщину на фабрике, хоть раз она подушилась?! Разве что в отпуске, ведь мы и так живем в мире ароматов.

Мне выпало на долю большое счастье видеть родную землю с разных сторон света.

Наша палатка, моя и Веры Дмитриевны Запорожской — верного спутника и товарища, стояла и на Крайнем Севере — у вечных льдов Таймыра, и на крайнем юге — у афганской границы.

На берегу Амударьи нашим лагерем была просторная мечеть Хакимитермези, построенная еще до нашествия Чингисхана, в IX веке. По ее стенам и потолкам, по высоким сводам со свисающими вниз гроздьями сталактитов бегали цепкие ящерицы — геккончики. Они с любопытством смотрели вниз на пришельцев, особенно во время обеда. В расщелинах древнего здания прятались скорпионы. Вместе с комками земли из-под кетменей рабочих во время раскопок выскакивали фаланги с длинными волосатыми ногами.

Под сводами древней мечети укрывались сотни летучих мышей. Но стоило выйти наружу, как над куполом мечети раскрывался второй, еще более грандиозный и величественный, — черная бездонная глубина, усеянная звездами. В зыбком мареве песчаной пустыни высились руины призрачного города, расплавленного копытами монгольской конницы Субудая в XIII веке.

В безбрежной ангарской и ленской тайге наши палатки стояли у подножия отвесных скал, с которых смотрели изъеденные временем «портреты» людей и животных каменного века.

В Якутии наши олени как бы плыли, широко расставляя ноги, по обманчиво зеленой поверхности «травяных речек». Кольхалась и гнулась торфяная крыша болота, готовая каждую минуту прорваться и укрыть оленей вместе с путешественниками в своей холодной, как лед, темной глубине. Кругом роились полчища таежного гнуса, осатаивших от жадности комаров и мошек.

Долгие годы занимаюсь я историей Сибири. История, по некоторым утверждениям, — наука о прошлом. Но историк видит взаимосвязь прошлого с настоящим и настоящего с будущим.

Я коренной сибиряк, родился в 1908 году в деревне Константиновщина. Это Верхняя Лена, по-тогдашнему — Иркутская губерния.

Отец мой, Павел Степанович Окладников, работал учителем, он расстрелян колчаковцами на Байкале. Мать, Анна Аверьяновна, была крестьянкой.

В средней школе учился в селе Агинском. Директорствовал у нас Иннокентий Трофимович Житов, страстный краевед, сумевший свою страсть и любовь к старине и истории родного края передать своим ученикам.

Это именно Иннокентий Трофимович организовал в школе кружок, где дети описывали жизнь деревни, наблюдали особенности свадбных старинных обрядов, записывали песни, русские и бурятские легенды.

А потом была встреча с настоящим археологом Павлом Павловичем Хороших, впоследствии крупным специалистом по Сибири. Он проезжал через наше село, и от него мы узнали о древней истории Прибайкалья, в том числе и Ленского края, где он проводил археологические разведки, этнографические работы. Учил он нас, как и где искать древности, возраст которых исчисляется тысячелетиями. Эти уроки профессионального археолога были моим первым приобщением к темам будущих работ. И еще назову одного своего учителя — профессора Иркутского университета Бернгарда Эдуардовича Петри. Сотрудничество с

ним окончательно определило направление моей дальнейшей деятельности. История Сибири... Вот уже более полувека она моя главная тема.

В первую свою экспедицию, в первую археологическую разведку я отправился по поручению Б. Э. Петри восемнадцатилетним студентом. В апреле 1926 года выехал в Бурятию, в низовья Селенги. И вот удача — найдены примитивные каменные орудия и более совершенные изделия поздних времен из бронзы и железа, обнаружены древние наскальные рисунки на Шаманском камне. Петри был искренне рад моему счастливому дебюту: эти находки приоткрывали завесу тайн над седой стариной древней бурятской земли!

Тогда-то и определилась моя любовь к археологическим поискам на территории Бурятии. Маршруты наших экспедиций протянулись тысячекilометровыми нитями по долинам рек от границ Монгольской Народной Республики до берегов Байкала.

Наиболее важными памятниками для меня и сейчас остаются те, что были открыты в долине реки Лены и в Прибайкалье. Это наскальные изображения — древнейшие в Азии рисунки, сделанные палеолитическим человеком, петроглифы эпохи неолита, бронзы, железа...

В 1945 году по поручению Арктического института мы начали раскопки остатков лагеря русской полярной экспедиции в районе полуострова Таймыр. Эта экспедиция была снаряжена в первых десятилетиях XVII века (около 1620 года). Самая ранняя из всех известных экспедиций русских промышленников шла на восток вдоль побережья Ледовитого океана, из района знаменитой Мангазеи. Но после кораблекрушения отважным мореплавателям пришлось строить зимовье в заливе Симса. И хотя затем путешествие было продолжено, первопроездцев снова постигла неудача, и они высадились на северном берегу острова Фаддея. Раскопки восстановили характер той давней экспедиции, позволили по-новому оценить торговые связи России как с Западной Европой, так и с коренными народами Сибири. Оценка времени проведения экспедиции по Великому северному морскому пути имела огромное значение — ведь безвестные мангазейские промышленники совершили одно из выдающихся в истории географических открытий, проложив дорогу будущим мореплавателям Ледовитого океана!

Там же, на острове Фаддея, мы нашли следы так называемого арктического палеолита. Несколько грубых каменных орудий, «поднятых» на берегу, говорили о раннем появлении человека на севере Сибири в районе полуострова Таймыр.

Советской исторической науке, и в первую очередь археологии, принадлежит честь открытия глубоких исторических корней северных сибирских племен, истоков их самобытных и по своему высоким культур. А без их учета любая всемирная история культуры была бы неполной, ущербной, а следовательно, искаженной.

Еще сто лет тому назад, в 1871 году, в Иркутске при земляных работах неожиданно была открыта в желтой земле вместе с костями ископаемой лошади и нооорога коллекция художественных изделий, вырезанных из бивня мамонта кремневым резцом первобытного художника.

Позднее на скалах Ангары и Лены были найдены настоящие художественные галереи неолитических охотников на лосей и маралов.

И совсем уж недавно на диких пустынных берегах тундренной речки Пегтымель геологи нашли поражающие своей живостью и этнографической точностью наскальные изображения. Рукою древних художников выбиты на камне сцены охоты с лодок

ТРИ ОТКР СИБИРИ

на плывущих северных оленей, люди, вооруженные гарпунами, мифические женщины, картины шаманских фантастических легенд и видений...

Пять, десять и двадцать тысяч лет тому назад в самых отдаленных уголках Сибири, в том числе на мерзлой чукотской земле, у бродячих племен тайги и тундры работали художники-реалисты, слагали эпические сказания и песни, зрели красочные мифы и легенды. Не они ли, безвестные поколения художников тундры, тайги и безбрежных сибирских степей, уходящих в глубь Центральной Азии, проложили здесь не только первые охотничьи тропы, но и создали подпочву для собственного чукотского «Анакреона» — Юрия Рытхэу, для своих Гомеров — сказителей олонхо и улигеров, красотой и эпическим богатством размахом которых наслаждается весь образованный мир нашего века?

Среди народов Севера особое и видное место всегда занимали тунгусские племена с их своеобразной культурой. Они были рассеяны по просторам Северной Азии, большая часть их теперь известна под собственными именами эвенков и эвенов.

Археология выразительно свидетельствует о том, что тунгусы — один из древнейших народов азиатского материка. В древних захоронениях на берегах Ангары, Лены и Шилки найдены остатки типично тунгусской одежды, изумившей этнографов своим оригинальным покроем, орнаментальным стилем украшений. Много тысячелетий назад, еще в каменном веке, тунгусы изобрели эту блестящую для бродячих охотников одежду, а кроме того — дымокур, спасающий от мошкар, соорудили легкое переносное жилище — конический шатер, построили первую берестяную лодку. Прирученный домашний олень сделал их подлинными хозяевами беспредельных богатств тайги от Ледовитого океана до Байкала и монгольских степей.

Тунгусские племена и народы прош-

ли длительный и сложный исторический путь. Со временем они вошли в орбиту многонационального русского государства...

...Первая должность, на которую меня назначили после защиты диплома, — заведующий этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея.

В археологических исследованиях краеведческие музеи всегда занимали первостепенное место. Прежде всего именно сюда стекаются самые разнообразные и ценнейшие находки, которые в противном случае были бы утрачены для науки. Так создаются драгоценные и нередко уникальные научные сокровища. Вокруг краеведческих музеев собираются люди, которым интересно прошлое своего края, его история и древности.

Занятие археологией местного края — естественное, необходимое и неизбежное занятие краеведов и краеведческих музеев. Можно сказать, что сама земля, из которой появляются кости ископаемых зверей, каменные топоры и бронзовые мечи, рождает археологические увлечения краеведов. «Вирус» археологии заражает десятки людей различного возраста, разных занятий и профессий одной и той же чистой страстью к научным приключениям, к открытиям и путешествиям, к поискам нового и волнующего в старых и, казалось бы, хорошо знакомых местах, необычного — в обычном и обыденном мире.

История Сибири, как показывают новейшие археологические открытия, уходит в необъятную и неизведанную глубину прошлого человечества. Сибирь вступает в эпоху неолита, а затем бронзы и железа. Позднее, в результате достижений предшествующих времен, возникают первые государственные образования.

Это было, образно говоря, первое открытие Сибири ее аборигенами, сибиряками. Оно было длительным процессом и, если мы не ошибаемся

сегодня, охватывало почти миллион лет.

Затем следует второе открытие Сибири — это деятельность первых истинных преобразователей Сибири. Не воевод и не купцов, а русских крестьян и передовых русских людей, борющихся с суровой природой, с царизмом. Например, Ермак, для нас это не просто конкретное лицо, а своего рода символ мужества и творческой деятельности первопроходцев, первооткрывателей Сибири и всей Северной Азии. С его похода и разгрома Кучумова царства, «Сибирского юрта», начинается новая эпоха в жизни огромного края.

Третье открытие Сибири, настоящее ее открытие для будущего, происходит на наших глазах. Оно началось в октябре 1917 года, продолжается сегодня, будет продолжаться и дальше. Его содержание — всемирно-исторический подвиг советских людей по социалистическому преобразованию Сибири.

Если заходит речь об открытии Сибири, то первая дата, которая вспоминается сразу, это, конечно, 1581 год, когда Ермак и его дружина перешагнули Каменный Пояс, оставили позади Уральский хребет и двинулись на восток, к Иртышу. Вскоре исполнится четыреста лет этому знаменательному событию русской и мировой истории.

Земли, расположенные восточнее Урала, привлекали внимание русских людей и ранее. Новгородцы еще в XIV веке принесли на Русь полулегендарные, во многом фантастические сведения о «человечех неземных в Восточной стране»... Сказание начинается так: «Над морем живут люди самоедь завомые молгонзеи».

Фольклорные рассказы о диких людях продолжались и позднее. В феврале 1685 года «почала быть словесная речь меж всяких чинов, будто в Енисейском уезде, вверх по Тунгуске-реке явились дикие люди об одной руке и об одной ноге».

Однако никакие слухи о диких людях и чудовищах неизведанного Севера не могли остановить движение землепроходцев в поисках неведомых земель и народов в «Восточной стране». Вся логика истории вела тех, кто строил русское централизованное государство под эгидой Москвы, все дальше и дальше, навстречу солнцу. Четыре века назад к востоку от Иртыша для Ермака еще лежала огромная и неизведанная земля — Чибирь. Необъятные просторы то тайги, то тундры, то степей. Где-то вдали плескались холодные волны Байкала, а совсем далеко гремел прибой Тихого океана...

Все это Ермаку могло рисовать только воображение. Со своей дружиной он сделал лишь первый шаг в страну солнечного восхода. Навстречу солнцу, на «край света», туда, где старинные легенды и хронографы помещали сказочные народы «Гога и Магога», придут уже другие.

Удивительная жизнь и подвиги Ермака стали достоянием легенд. Даже после гибели в водах Иртыша Ермак не давал покоя врагам. Татарская легенда, сохраненная сибирским летописцем С. Ремезовым, передает, как воины Маметкула и Кучума стреляли в мертвое тело атамана из луков. К ужасу татар, кровь лилась из него как из живого. Птицы не смели клевать труп и испуганно шарахались в сторону, а ночью над могилой сиял огненный столб. Похоронив Ермака «под кудрявой сосной» на своем Бегишевом кладбище, кочевники насыпали над могилой высокий курган и, чтобы успокоить грозный дух, устроили богатую поминальную тризну: на ней было съедено 30 быков и 10 баранов. Такими поминками жители степей издавна чтли память своих героев.

Прошло тридцать шесть лет после тризны у Епанчинских юрт, и первый сибирский митрополит Киприан собрал в Тобольске старых казаков, сподвижников Ермака, чтобы записать их

рассказы о былых сражениях и походах. С тех пор в сибирских городах завелись собственные сибирские летописи. И, раз уж речь идет об Ермаке, следует сказать, что не все еще исчерпано историками из его биографии, волнующей ученых четыре века.

Недавно сибирская исследовательница Е. Ромодановская обнаружила (и где — в Москве, в Историческом музее!) затерянный синодик Ермаковым казакам. Синодик сохранил их имена, наполнил реальностью события тех далеких дней.

Интерес к прошлому Сибири понятен: речь идет об огромной территории в 10 миллионов квадратных километров!

Что такое Сибирь, где границы ее, пространственные и хронологические? И что значит «открытие Сибири»?

Принято полагать, что в географическом плане Сибирь охватывает колоссальные пространства от восточных склонов Урала и далее до Яблоньского хребта, до тех мест, где собственно сибирская, северная тайга сменяется широколиственными лесами уссурийской тайги с их третичными реликтами, а слившиеся Аргунь и Шилка получают название Амура.

Отсюда на восток простирается Приамурье, а еще восточнее и южнее — Приморье, севернее — Чукотский полуостров и Камчатка.

Все это, вместе взятое, при всем разнообразии природных условий имеет так много общего в естественно-географическом и историческом планах, что объединяется еще более широким понятием — «Северная Азия». Исконно русская, советская земля, то, что прежде называлось Азиатской Россией.

Могут, кстати, спросить, а как же возникло это странное и загадочное слово «Сибирь»? Какой народ и когда дал этим просторам такое имя?

Как и другие старинные и общеупотребительные географические названия, например, Волга, происхождение термина «Сибирь» и его смысл вызвали и до сих пор вызывают дискуссии.

Одно из таких толкований: слово «Сибирь» европейцы усвоили впервые во времена Марко Поло. Название «Сибирь», как полагают некоторые ученые, производное от монгольского слова «шевер» (шавар) — «болота» и первоначально означало лесостепь и лесные районы, куда не проникали монгольские кони Чингисхана; непреодолимыми препятствиями стали болота и таежный гнус.

Есть гипотеза, что слово это родилось в еще более далекие времена, почти две тысячи лет назад, когда Азия, «далекая и таинственная», выплеснула с востока на запад волны переселяющихся народов. В крови и зареве пожаров рождалась новая, варварская Европа. Гунны сражались с защитниками Рима на Католаунском поле. И тогда прозвучало чуждое европейскому уму имя одного из азиатских племен, родичей гуннов, савиров.

Всего вероятнее, что по этому племени получила Сибирь свое имя, поразившее слух потрясенной Европы на рубеже античной и феодальной эпох.

Сибирь поражает воображение не только своими размерами, но и колоссальными ресурсами. В ее недрах есть уголь, нефть, газ, золото, алмазы, цветные и редкие металлы, не говоря уже о традиционном богатстве края — пушнине.

Но главное богатство Сибири не алмазы, уголь и нефть, не колоссальные запасы чистого воздуха, чистой воды в мире байкальской воды. Это прежде всего человек, его творческая сила, духовное богатство.

На территории Сибири живут представители различных языковых групп, каждая из которых имеет свою историческую судьбу. Многочисленные тюркоязычные народности представлены здесь, начиная с потомков кучумовых татар в Западной Сибири и кончая самыми северными в мире

тюрками — якутами. Вдоль склонов Урала на побережье арктических морей и теперь живут финно-угры и ненцы. В том числе среди сибирских угров-уральцев есть близкие родичи венгров — ханты и манси, которые прежде назывались обскими осяками и вогулами. В Прибайкалье, начиная от Нижнеудинска и далее, у Байкала и за Байкалом расселены монголоязычные буряты.

В тайге от Хингана и до Ледовитого океана — многочисленные группы, говорящие на тунгусском языке, в том числе амурские племена, нанайцы и ульчи.

Наконец ученым еще в XVIII веке стали известны загадочные «палеоазиаты», чьи языки не похожи на все другие и вместе с тем резко отличны друг от друга: чукчи, коряки, ительмены и юкагиры на северо-востоке, кеты на Енисее.

Следует также добавить, что, говоря о народах Сибири, мы нередко применяем термин «коренные народы», «аборигены», подразумевая под этим словом потомков населения Сибири, обитавшего здесь до прихода русских. Разумеется, этот термин условен. За четыреста лет русские стали таким же коренным населением Сибири, как и все другие ее обитатели. Они внесли огромный вклад в жизнь и культуру ранее живших там народов. История Сибири, следовательно, есть история не только огромного края, не только колоссальных пространств и их освоения, но и всего этого разноязычного и разнокультурного множества племен и народов. А вместе с тем история их сложных связей и отношений с народами не только соседних, но и весьма отдаленных стран Востока и Запада. Короче, это неотъемлемая, значительная часть всемирной истории.

История Сибири — это подвиг русских землепроходцев. Разве не прекрасен труд людей, в течение столетий составлявших карту этих земель, открывавших и осваивавших богатства Сибири! Много подвигов совершили люди, давшие жизнь этим бескрайним пространствам. Сибирь навеки связана с жизнью и деятельностью декабристов. Сюда ссылали революционеров. Здесь находился в ссылке и работал Владимир Ильич Ленин и многие революционеры ленинской когорты. Все эти вехи в центре внимания ученых. Равно как и советские годы — могучая созидательная история Октября в Сибири.

Как далеко в глубь веков уходит сегодня взгляд историка Сибири?

Расшифровка и прочтение текстов, вырезанных на могильных камнях в долине Енисея, раздвинули историю Сибири и Центральной Азии на полторы тысячи лет. Подлинный переворот в сложившихся представлениях произвела археология. Теперь известны десятки древнейших памятников сибирской истории, мы — обладатели своеобразных подземных архивов. Самый ранний из известных памятников найден в Горно-Алтайске. Он свидетельствует, что люди появились там более 100 тысяч лет назад. Археологи в содружестве с этнографами добрались до корней истории сибирских народов, вплоть до каменного века.

И все же в Сибири многое еще только-только начинается. Мы это начало привыкли связывать с молодостью. Сквозь тайгу и горные хребты прокладываются тысячекиллометровые дороги, растут новые поселки и города, строятся мощнейшие промышленные комплексы, гигантские электростанции. Огромны масштабы преобразований. Но не преуменьшается значение памятников истории нашего Отечества. Труд моих коллег-археологов позволил выявить интереснейшие пласты истории Сибири. И долгие годы должна стать забота о сохранении и приумножении сокровищ, совокупность которых и есть отечественная культура.

Записал Николай ГОРБАЧЕВ.

Новоднепровский прокурор производил впечатлительное человека малоинтересного, в общении даже скучного. Привыкнув, видимо, к превратностям человеческих судеб, он избегал обсуждать их на людях. Но и не мог расстаться с мыслями о тех из них, что занимали его в служебное время.

Когда мы познакомились с ним несколько лет назад в компании, которую я для себя обозначил как спасенное поколение — не потерянное, не пропавшее, не погибшее в войну, а по малолетству отправленное в эвакуацию, — среди всех нас он оказался самым молчаливым. Мы вспоминали военное детство, оставленное в тысячах километров от родного городка, голодное, по-мужски ответственное, хотя снаряды до нас и не долетали. Они взрывали землю там, где мы родились и где должно было пройти наше детство.

И теперь мы говорили об этой земле, куда вернулись грамотными, с дипломами, вернулись, чтобы здесь стать отцами. За полтора десятка послевоенных лет мы многое успели сделать для родного города. Восстановленного, растущего вверх и вширь, дающего стране металл и трубы. Мы говорили о том, каким он остался в наших детских воспоминаниях и

Рисунок
Валерия
СМИРНОВА

СЛЕДЫ

В КРУТОМ ПЕРЕЖИИ

Валерий ВИНОКУРОВ,
Борис ШУРДЕЛИН

ПОВЕСТЬ

каким мы — именно мы, молодые инженеры, строители, металлурги, портовики, врачи, — хотим сделать его.

А прокурор Привалов молчал. Я запомнил с той первой встречи лишь одну его реплику: «А у нас в эвакуации еды было вдоволь». Он произнес ее, словно ни к кому не обращаясь. Лишь спустя много дней, когда вдруг вспомнились эти слова и тон, мне показалось, что в них было какое-то чувство стыда или вины. Но было ли? Может быть, мне действительно только показалось. Разве он виноват, что его военное детство прошло на оборонном заводе, где директорствовал Привалов-отец, на заводе, который нельзя было не кормить, ибо он кормил фронт снарядами?

До недавнего времени мы виделись так редко, что знакомство наше иначе, чем шапочным, и назвать было нельзя. Но вдруг болезнь — совсем не страшная, а достаточно неприятная: раздражение на коже правой руки — стала все чаще и чаще приводить его в яруговскую больницу, точнее, в мой кабинет. Едва ли не каждое утро я теперь делал ему перевязку, и почему-то самое простое решение — дать ему домой это необходимое снадобье (мазь, рецепт которой мне подарил старичок фельдшер областной больницы, где я стажировался, учась в институте) — ни мне, ни прокурору не казалось естественным. Напротив, утренние свидания постепенно превратились в потребность для нас обоих, хотя беседы наши и не выглядели задушевными — больше к ним подошло бы определение «умные разговоры». Так или иначе мы все лучше узнавали друг друга. И меня уже не удивляло, что человека, который мне прежде был известен как человек железной нервной системы, зацепила болезнь, возникающая, безусловно, на нервной почве.

В то памятное утро, несмотря на очень уж ранний час — я едва успел сдать дежурство в больнице, — прокурор был у меня в кабинете. Натягивая рукав сорочки на забинтованное предплечье, унылым взглядом смотрел он в окно на старый яруговский парк. Корявый, медленно умирающий каждой осенью, ждущий помощи от людей и каждой весной зовущий их на помощь. Люди глухие — не слышат, как их зовут деревья. И парк умирает. Нынешней слякотной осенью, кажется, умрет навсегда.

Властно затрещал телефон, призывая к себе.

— Это меня, — быстро сказал прокурор, забинтованной рукой взял трубку. Безусловно, он ждал звонка. Такая у него профессия, что всегда надо быть

готовым к неожиданному звонку. Впрочем, врач — тоже такая профессия.

— Слушаю. Ну да, я. Докладывайте. — Голос его был по-утреннему свеж и ровен. Слушая, он взглянул на меня как-то странно, загадочно, смутил и насторожил своим взглядом. — Понятно. Еще что? А это где? Так. Понятно. — Теперь прокурор нахмурился и, как мне показалось, на мгновение даже закрыл глаза, тряхнул головой, словно отказываясь от чего-то. — Еще? Ты с ума сошел. Так. — Он совсем уж странно вздохнул — так дышат при одышке или после стайерской дистанции. — Как ты назвал его? Повтори членораздельно: фамилию, имя, отчество. Ну и ну. Опознали? А как у него документы? Понятно, не фальшивые, но чужие. Выехали? Прекрасно. Нет, нет, я подъеду. Сейчас же.

Привалов медленно-медленно опускал трубку на аппарат.

— Скажите мне, доктор...

Я молчал, и пауза затянулась.

— Вы мне скажите: вам что-нибудь говорит такая фамилия — Сличко?

— Сличко? Мне? Вроде бы никогда не слышал.

— А если покопаетесь в памяти?

— Да нет... Бесплезно. Не слышал я никогда.

— В таком случае я прошу, чтобы вы поехали со мной. Смена ваша кончилась, тут без вас управятся. А мне вы можете помочь.

Как быстро, стремительно он принимал решения. Но я ведь должен был понять?

— Это связано с моей профессией?

— Нет... — Он искал слова, чтобы убедить меня не отказывать его просьбе. — Нет, не с профессией. Но с общественным... или с человеческим долгом. Поспешим, доктор, а? Машина ждет. Наберитесь терпения и спокойствия. Хорошо?

Я уже говорил, что до недавнего времени знал Привалова поверхностно. При встречах у кого-либо из наших общих знакомых не водились разговоры о делах служебных; как-то так вышло, что все мы считали: люди, которым не хватает служебного времени для их дела, просто не умеют работать. Так что и на наших утренних свиданиях прокурор до сего дня о своей работе не заговаривал. Однако хватило нескольких минут, чтобы просьба Привалова перестала казаться мне удивительной. Конечно, наивно было даже предполагать, что могла понадобиться помощь столь узкого специалиста, как дерматолог. Но за полтора послевоенных десятилетия мы уже привыкли — я об этом тоже говорил — ответственность

за все, что происходило в городе, делить на всех. Вот почему упоминание Привалова об общественном — но почему-то и человеческом? — долге я и не подумал воспринять как упрек за мою нерешительность. Однако понял, что он пока не может или по каким-то причинам не хочет сказать мне больше, чем сказал.

Три смерти в одной семье в течение одной ночи. Даже для прокурора, ко всему, видимо, привыкшего, это многовато. Что же говорить обо мне? Кому-то может показаться странным, но за шесть лет учебы в мединституте и за столько же врачебной практики я столкнулся как раз с тремя смертями. Всего лишь с тремя, что, прекрасно понимаю, редкостно мало для человека моей профессии. Но так вот удачно складывалась пока моя жизнь в медицине. Приваловские дела ворвались в нее без спроса. Впрочем, так всегда в жизнь врывается смерть. Без спроса.

В одной из заводских лабораторий «Южстали» отравилась девятнадцатилетняя девочка. Вопросы, которые задавал Привалов лаборанткам, не имели большого значения. Он и сам, по-моему, понимал, что задает их, только чтобы не молчать. Тем более что обстоятельствами ее смерти уже занимался сотрудник угрозыска, и Привалов, по сути, не был здесь необходим.

Но он проявлял какой-то иной интерес к погибшей девушке. Не следовательский. Нет. И не личный. Просто профессиональное любопытство? Он сдержан, скрытен, суховат, но не до такой же степени.

Лаборантки постоянно имели дело со всякого рода ядовитыми веществами, однако до сих пор ни одной из них не приходило в голову употребить какой-либо яд во вред себе. Она же — маленькая, пухленькая — лежала, скрючившись, возле урны на полу, вымощенном метлахской плиткой. К телу предусмотрительно — до прибытия группы угрозыска — не пригравались. Никто, понятно, не видел, когда она приняла яд. Собственно, в этой комнате с закопченными снаружи окнами обычно в ночную смену работала только одна лаборантка.

Судебно-медицинский эксперт, приехавший вместе с сотрудником угрозыска раньше нас, докладывал теперь Привалову свои предварительные выводы. Его голос выдавал удивление, досаду, но никак не спокойствие, которое я ожидал встретить у коллеги, чья медицинская специальность всегда представлялась мне необычной, так как она совершенно не связана с лечением людей. Нет, я не замечал у

эксперта необходимого спокойствия, которое должно было, казалось, быть для него привычным. Почему-то он несколько раз повторил, что только тщательнейший анализ покажет, в отравлении ли дело.

После всякого рода формальностей тело перенесли на топчан. Привалов вглядывался в лицо моего коллеги. Видимо, поведение эксперта удивляло и прокурора: отравление ведь было совершенно очевидным. Вдруг Привалов вскинул крутые плечи и приказал:

— Очистить помещение от посторонних

Сопровождавший нас милиционер, которому, по моему, тоже было не по себе, охотно занялся выдворением девочек и даже для седовласой женщины, руководившей лабораторными работами в ночной смене, не сделал исключения.

— Она беременна, — сказал эксперт. Вот, оказывается, почему он не откровенничал при посторонних. — Месяца четыре... может быть, пять...

— Очередная любовная драма, — безразлично откликнулся фотограф. Вот кого ничто не трогало. Профессионал?!

— Не думаю, — резко буркнул Привалов.

Гораздо позднее я понял, о чем он думал с той первой минуты, когда ему сообщили обо всех трех событиях. Понял и то, почему прокурор с самого же начала активно включился в расследование, а не стал дожидаться выводов угрозыска.

Но тогда в экспресс-лаборатории конвертерного цеха «Южстали» я вопросительно смотрел в его лицо, а он меня и не замечал.

— Смерть наступила под утро, — теперь уже четко повторял свои выводы эксперт. — Смерть совсем не мгновенная. Ее наверняка тошнило. Она успела дойти до урны. В какой-то надежде. Но надеяться ей уже было не на что. Умерла между пятью и шестью часами утра. Не раньше и не позже.

— Прошу вас о результатах экспертизы сразу же сообщить мне, — сказал Привалов. — Мы поедем дальше. Это ведь еще не все.

«Волга» принесла нас на Микитовку, когда-то пролетарскую окраину Новоднепровска, теперь же один из городских и добротнотростроенных одноэтажных районов.

Крутой переулочек, как это нередко бывает, вовсе не был крутым. Он лишь одним концом выскакивал дугой из Микитовской улицы, разрезавшей Микитовку пополам. Другим же нигде не выходил: дальше ровная земля обрывалась, и в овраге с отвесными берегами вилась речушка, делившая сам Новоднепровск на две части — старую, где мы находились, и новую, откуда только что приехали. Крутым переулочек стал случайно: из переулочка Крутова сперва получили Крутов переулочек, а потом Крутов превратили в Крутой, да так привыкли, что и в горисполкоме его теперь называли Крутым.

По правой стороне переулочка домов не было. Когда-то тут работал железнодорожный заводик, в войну его разрушили, и остался лишь длинный кирпичный забор. По левой же стороне ровно и плотно шли дома.

Грязь в конце октября — обычное для нашего города явление. Здесь же и летом после любого дождя царствовала грязь.

Дом, в который мы заявились, не был ни худшим, ни лучшим в переулочке, но стоял последним в ряду. И это почему-то добавило делу какой-то наивной таинственности.

Итак, в цеховой лаборатории между пятью и шестью часами утра, если верить эксперту, отравилась девятнадцатилетняя Люба Сличко. А здесь в комнате за кухней в своей постели мертвой лежала Павлина Назаровна Осмачко, тетка той девушки, родная сестра ее покойной матери.

— Я пришла с ночного дежурства, — безучастно повторяла прокурору свой рассказ старшая племянница покойной. — Заглянула в ее комнату, а она... с подушкой на голове... Ее задушили. Кто, зачем?

Она много раз шепотом повторяла это слово: «Зачем, зачем, зачем...» Повторяла, когда прокурор уже и не спрашивал ее ни о чем. Спустя какой-то час после того, как она обнаружила в своем доме убитую тетку, молодая женщина узнала о самоубийстве младшей сестры. Что ж удивительного в ее гипнотическом состоянии? Странно еще, что она вообще способна отвечать на вопросы.

Эта старшая племянница, Софья, работала в гинекологическом отделении нашей больницы. Я сразу узнал ее, но вот фамилию вспомнил не сразу. Софья, Софья... да, Осмачко же. А Люба была Сличко. Но прокурор говорит, что сестры они родные, значит, у старшей фамилия матери, а у младшей — отца. Я действительно никогда не слышал, как и сказал Привалову, фамилии Сличко. Но почему его это так интересовало, и при чем тут вообще я?

За всеми подобными размышлениями я не обратил внимания на проезд медицинского эксперта, а он, оказывается, уже присоединился к Привалову.

Осмотрев комнату за кухней, прокурор прошел в другую комнату и, словно отпрянув, шагнул назад. Комната сверкала чистотой, и лишь несколько аккуратных следов, оставленных на полу сотрудником угрозыска, и здесь побывавшим до нас, как бы от имени хозяйки укоряли. Но и настораживали.

— Нет, ее не убивали, — сказал эксперт, осмотрев покойную хозяйку дома. — Она умерла своей смертью. Сердечная недостаточность, это точно. А подушка? Она ни при чем. Ищите, думайте, — добавил он, обратившись почему-то ко мне. Вероятно, потому, что постеснялся бы давать такой совет Привалову.

— Экспертиза покажет убивали или нет, — буркнул прокурор. Вдруг и он тоже повернулся ко мне, совершенно тут неуместному человеку: — Все это к вам отношения не имеет. Но то, что увидите дальше, имеет. Не все сразу, потом узнаете — спешить уже некуда.

Эксперт между тем установил, что смерть хозяйки дома наступила поздним вечером, вероятно, в районе одиннадцати часов. «Двадцати трех», — сказал он, конечно.

— Кто еще живет в этом доме? — вдруг спросил Привалов.

— Сейчас никто, — быстро ответила Софья. — Я... то есть. Сейчас я.

— Кто жил до прошедшей ночи? — Голос Привалова звучал резко, требовательно. Меня не так поразил вопрос прокурора, как та определенность, с какой он требовал от нее ответа.

— Мы... Тетя Паша... мы так ее звали... она воспитала нас. Мама умерла еще в сорок шестом. И Любочка жила, — сквозь слезы добавила Софья. А мне вдруг пришла в голову мысль: знала ли старшая сестра о беременности младшей, к кому могла Люба обратиться, как не к сестре, работавшей в гинекологии?

— Еще кто? — не обращая внимания на ее слезы, безжалостно настаивал прокурор.

— Еще Верка. — Софья успокоилась быстро. — Верка жила. Сестра. Она позавчера ушла из дома. Пришел парень, с которым она... ну, живет... и забрал ее вещи. Тетя Паша сама ему помогала собирать.

— Что за парень? — спросил Привалов.

— Гришка Мальха. Он в порту работает. В бараче там живет. В общежитии. Летом плавает, а сейчас... не знаю, что делает.

— Кто еще?

— Надька, — испуганно взглянув на прокурора, она опять поправила себя: — Надя. Тоже сестра. Нас четверо. Было четверо, — уточнила она, снова вспомнив о Любе, но на этот раз удержалась от слез. — Надя тоже ушла. Тоже в тот день.

Я продолжал задавать себе вопросы. Что же происходило в этом доме, если из него все время уходили люди? Выходит, уходили, чтобы остаться в живых? Чего же Люба-то не ушла?

— Кто еще? — продолжал безжалостно требовать прокурор. — Кто еще здесь жил, я вас спрашиваю? И наконец Софья выдавила из себя:

— Он.

— Он. Ваш отец Прокоп Антонович Сличко?

— Да.

Прокурор быстро и, кажется, вопросительно взглянул на меня. Но еще раз повторяю, что с этой фамилией я действительно столкнулся впервые.

— Хорошо. Пойдем дальше, — сказал прокурор.

В тот момент я еще не знал, что предстоит увидеть труп человека, чья фамилия, так заинтересовавшая прокурора, не производила на меня никакого впечатления.

Нам пришлось нелегко. Мы перебрались через кирпичный забор на территорию железнодорожного завода и спустились по шаткой и ветхой лестнице на дно оврага. Я невольно посмотрел вверх и ужаснулся: не приведи упасть с такой высоты — если и останешься живым, то на веки вечные калекой.

На дне оврага на громадной буристой каменной глыбе лежал под охраной промокшего милиционера мужчина. И он был мертв. Лежал головой вниз, и от головы по камню тянулась уже застывшая коричневая полоса, теряясь в сырой глине.

Чего только не набросали люди в этот овраг... И старые матрацы. И всякое рванье. А вот по камню свисает мокрый рваный пиджак: вроде совсем недавно такие были в моде, и материал броской расцветки... Железная кровать, покороблинная и ржавая. И посуда битая. Вот и у самой головы покойника лежит грязный чугунок: чуть-чуть помятый с боков, царапины на нем как свежие ранки, а внутри еще остатки пищи, будто и не сгнившие... Если собрать все латки, заборные штакетины, обрубки, доски — наверное, на

зиму хватит топить хату день и ночь. Какой-то нелепый кривой крест из гнилых досок распластался на глине словно человек с руками, в стороны раскинутыми... Овраг не овраг, а мусорная яма.

Меня вернул к делу голос Привалова:

— Посмотрите на него внимательно, доктор. Вот это и есть, вернее, был, Прокоп Антонович Сличко. Голос прокурора звучал теперь звонко, едва ли не усмешка послышалась мне в его тоне.

— Чего уж теперь смотреть, — откликнулся я. — Верно. С такой высоты — живым не уйдешь. Как вы думаете, вы все же медик, когда он умер?

— Судя по внешним признакам, — неуверенно ответил я, — приблизительно в полночь. Умер, думаю, не сразу, но давно. Может быть, и раньше полуночи.

— Наши эксперты отвечают точнее. У них время часто фиксируется с точностью до минут. А как насчет опьянения? — Привалов явно был в неплохом настроении, вовсе не отвечающем обстановке.

— Пьян не был. Ну, слегка выпил, может быть, чуть больше.

— Потрясающая точность! Доктор, вы делаете успехи на нашем поприще. Надо будет вас остерегаться как конкурента. — Привалов даже присвистнул в конце своей тирады. — Понятно, понятно. Все понятно.

Тут уж и я усмехнулся. Что ему может быть понятно? Три смерти в одной семье. За одну ночь. Да еще два человека ушли из дома. Из этой семьи. Что же происходило в семье, в доме?

2

На Октябрьской площади Привалов вдруг попросил водителя остановить машину. Тот не сразу нашел место для стоянки и в конце концов втиснулся между двумя экскурсионными автобусами.

Туристы, которых возили в заповедник, обычно останавливались в нашем городе завтракать и осматривать памятные партизанские места. Здесь на площади они возлагали цветы к памятнику «Партизанка», затем завтракали в молочном кафе «Октябрьское».

Цветы у ног партизанки уже лежали, значит, никто не помешает нам с Приваловым посидеть в скверике у памятника, в центре новой круглой площади. Он и направился к скамейке, ни слова не говоря мне, настолько его решение поговорить наедине было ясным. Однако сперва он все же подошел к памятнику, наклонился и зачем-то поправил букетики — аккуратнее разложил их, что ли, своих ведь цветов у нас не было. Я ждал его на скамейке, и заговорил он, не дойдя еще нескольких шагов до нее.

— Вы же дежурили сегодня ночью. Что нового в больнице?

Чего угодно, но такого вопроса я никак не ожидал. — Да... дежурил. Но ничего особенного припомнить не могу. В моем отделении вообще ничего. Да и в больнице...

— И все-таки? — чуть ли не требовал прокурор.

— Какая-то драка. — Я даже пожал плечами. — И один перелом ноги. По-моему, к драке этот случай отношения не имеет, но перелом такой, что лечение затянется. Кстати, этот, с переломом, без сознания, так что и записать о нем ничего не могли.

— Даже так? — И вот Привалов задал наконец вопрос, которого я ждал с той минуты, как уселся на скамейку. Он уже сидел рядом и этот вопрос задал совсем другим тоном, тихим и вовсе не таким самоуверенным голосом, какой был у него еще несколько секунд назад. Пожалуй, даже некую теплоту услышал я в его голосе. — А как вы думаете, доктор, зачем я потащил вас с собой? И кто такой вообще этот Прокоп Антонович Сличко?

— Ничего я не думаю, — постарался я ответить без какого-либо намека на раздражение, которое обычно трудно скрыть в беседе, когда говорят друг с другом все знающий человек и человек, недостаточно информированный. — Ничего не думаю, потому что не знаю ничего.

— Нет, — все так же мягко возразил Привалов, — вы уже много знаете. Я бы даже сказал: ужасающе много.

— Ужасающе — согласен. — Я даже попробовал улыбнуться, но он будто и не заметил. — А вот об этом Сличко — абсолютно ничего.

— Обратите внимание, — продолжал он спокойно и в то же время настойчиво, — мать этих четырех сестер умерла еще в сорок шестом. Их воспитывала тетка. Тетка, а не отец.

— Ах, вот что! — Именно в эту минуту во мне что-то дрогнуло, сам не понимаю почему, и появился какой-то туманный интерес к делу. — Отец воспитанием дочерей не занимался, потому что... потому что его не было с ними.

— Но почему его не было с ними? Где он мог жить?
— Судя по вашему тону, — а его голос вновь изменился, из спокойного, доброжелательного стал резким, звучал чуть ли не с издевкой, — он проводил это время в местах весьма отдаленных.

— Верно. Но беда в том, что мы не знаем, где он находился. Хотя знаем, почему он находился далеко отсюда. А вот почему он неизвестно где находился — как вы думаете?

— Тут надо знать, а не думать, — уже не скрывая раздражения, ответил я.

— Видите ли, доктор, в сорок пятом за сотрудничество с оккупантами его приговорили к расстрелу. Но он бежал. Да, да, представьте себе. И все эти семнадцать лет удачно скрывался от правосудия. Как ни обидно мне это признавать. Но вот в конце концов оказался у нас в городе. И не ностальгия его сюда привела. К сожалению, мы не знали, что он появился в Новоднепровске. До того момента, как пацаны — сегодня под утро — обнаружили его мертвым в овраге. Приговоренный к смертной казни и столько лет скрывавшийся — появился. Это уже интересно, независимо от того, кто его убил. Что все-таки привело Сличко сюда? Спустя семнадцать лет после войны. Сестру своей жены, тетку Павлину, убил он — вероятно, расследование мое предположение подтвердит. Убил, возможно, каким-то хитроумным способом. А вот за что? Это и предстоит выяснить.

— Нет, — возразил я. — Эксперт ведь сказал вам, что она умерла, как говорится, своей смертью. По всем внешним данным так оно и есть.

— Это еще надо доказать.

— Экспертиза и докажет.

— Не спешите. Ну, да ладно, чтоб не спорить. Предположим, что убил. Так вот если убил, как вы думаете — за что? И вообще что заставило его рискнуть? Приехать и убить? Если убил, то за что?

— Но вы ставите сразу два вопроса: что его привело сюда и за что он убил свояченицу? — уточнил я.

— Не только эти два, — немедленно поправил меня Привалов. — Еще будет много вопросов. Один станет цепляться за другой. Ну, например, почему он не снял подушку с лица свояченицы? Или наоборот — он мог положить подушку ей на голову. Тем более что я убежден: отпечатков пальцев на подушке не будет. Придется ребятам из угрозыска искать перчатки, а их они не найдут. Кто помешал ему? Да так помешал, что он уже не смог вернуться в дом...

По-видимому, Привалов мог бы сейчас эту тему развивать без конца. Но я увидел на пороге молочно-го кафе первых позавтракавших туристов. Сейчас они заполнят скверик в ожидании остальных. А мне надо получить ответ на самый важный для меня вопрос. Потому я и прервал Привалова, хотя дело меня уже действительно заинтересовало:

— Но к чему мне все это знать? Ведь я даже подтвердить выводы эксперта не могу. Как не могу и опровергнуть. И вообще...

Мы были ровесниками, и каждый из нас немало повидал в жизни, а тем более в своем деле, но в ту минуту Привалов показался мне человеком, гораздо более меня умудренным жизненным опытом и противоречиями бытия.

— Сейчас не могу сказать, — мгновение подумав, ответил он. — Но все равно хочу, чтобы вы тоже занялись этим делом.

— Я? Занялся? — вырвалось у меня совершенно произвольно. — Но в каком качестве? Угрозыск ведет расследование, и вы сами уже, видимо, всерьез включились. При чем же тут я?

— А я не говорю, что вы должны вести расследование. Суть моего предложения или, точнее, просьбы, в другом. Вы ведь дружны с Сергеем Чергинцом, я не ошибаюсь? А вот я с ним лишь шапочно знаком. О чем сейчас... именно сейчас сожалею.

Все четыре скамейки в скверике уже были заняты туристами. Те, кому не досталось мест, прогуливались вокруг памятника, то и дело поглядывая в ожидании на двери кафе.

Цветы у ног партизанки вспыхивали под утренними солнечными лучами.

— Пошли, — вдруг резко сказал Привалов и, вскочив со скамейки, зашагал через площадь.

Я действительно был дружен с Сергеем Чергинцом — сталеваром из новомартеновского цеха «Южстали», молодым, двадцати шести лет, но уже прославившимся. Прошлой зимой его даже избрали депутатом областного Совета. Но какое отношение он может иметь к этому делу? Нагнав Привалова, я его об этом и спросил.

— И никакого и прямое, — ответил прокурор. — Но пока важно вовсе не его отношение к делу, а информация. Он сейчас на Микитовке не просто самый знаменитый человек. Он из тех, кто знает всех и кого знают все. Поймите меня. Мы никогда не

сможем проникнуть в души участников этой... скажем, трагедии. Нам доверяют только какие-то факты, и не всегда самые нужные нам. И ничего больше. Вы же с его помощью, или он под вашим руководством, сможете помочь нам. Помочь разобраться в людях. Кстати, ваш Сергей это умеет: на заводе его за это и уважают, вы же знаете. Его трудовая слава не простое выдвигание. Он завоевал ее. И как завоевал. И трудом и душой тоже.

Все это я знал. Может быть, и лучше Привалова. Но все равно пока не понимал, чего он конкретно добивается от меня. Когда мы сели в машину, Привалов наконец сказал:

— Он же наверняка знал о появлении Сличко в городе. Не естественно, он не мог и подозревать, что тот явился нелегально. На Микитовке все знали, что Сличко осужден. Но что к расстрелу и что бежал, этого не сообщалось. Ни тогда, в сорок пятом, ни позже. Так что многие, в том числе и Чергинец, вполне могли посчитать, что Сличко отбыл в заключение пятнадцать лет и освобожден. Поговорите с Сергеем. Уверю вас, для меня это важно.

— Хорошо, — ответил я. — Раз вы настаиваете, я поговорю с ним.

— А когда проведут экспертизы, я ознакомлю вас с заключениями. Хотите? В больнице у вас есть дела?

— Нет, дежурство я сдал еще до вашего прихода. Ждал вас, чтоб только сделать перевязку, больше ни для чего. — Мой укол он оставил без внимания, и я сказал примирительно: — Попытаюсь найти Сергея прямо сейчас, он должен быть дома после ночной.

— Мы, со своей стороны, будем держать вас в курсе расследования, — как-то чересчур уж официально проговорил Привалов, для шофера, что ли. — Но расследование ни ребятам из угрозыска, ни мне, если бы я сам занялся, много пока что не даст. Без вашей, доктор, информации.

И все-таки странно: доверяя мне, непрофессионалу, сбор сведений, которые, очевидно, необходимы следствию, он был уверен, что его замысел даст точнейший ответ. Что ж, на его стороне опыт.

3

Чергинца я застал дома. Он уже в общих чертах — слухи по Микитовке разбегались кругами по воде — знал обо всех событиях.

В большом доме он жил один. Так сложилась его жизнь, но к событиям прошедшей ночи это отношения не имело. Зато наши с ним отношения определились как раз общей потерей. Металлурги о таких трагедиях говорят коротко, грубо, словно бы стараясь поглубже упрятать боль, отчего потеря, правда, не становится меньше. Они говорят: сталь сожрала. И за двумя словами, за этими резкими, взрывными двумя словами прячем и мы с Сергеем тот взрыв на заводе, который оставил нас без младших братьев. По возрасту Сергей тоже мог быть мне младшим братом. Но общая трагедия сблизила нас больше, чем родство сближает. И от прежних наших отношений осталось только то, что он по-прежнему обращался ко мне на «вы». Бывает в семьях такое, когда и сын к матери обращается на «вы», как прежде всегда было в селах, как и я мальчишкой до войны обращался к матери: «Мамо, вы...». А чтоб так даже к старшим друзьям, не говоря о старших братьях, — не слышал. Но Сергей только улыбнулся загадочно, когда я год назад — уж спустя полтора года после трагедии — заговорил с ним об этом. Не хочет — ну и пусть, подумал я тогда, а потом привык.

Я начал без оличностей. И несколько не удивился, когда Сергей, выслушав меня, утвердительно кивнул головой.

— Понятно. Но я этого Сличко не видел.

— А знал, что он здесь?

— Знал, но не видел. Мог бы увидеть запросто, но не хотел. Он много горя принес Чергинцам. Была бы честь для подлеца, чтоб я хотя бы взглянул на него. Отсидел, вернулся, ну, и пропади он пропадом. Так я думал.

— Не кипятится. Давай разберемся по порядку, я ж обещаю Привалову.

— Если вам нужно — ладно. Пойдем по порядку, но тогда не удивляйтесь.

— Смотря чему.

— Тому, что знаю. Опять скажете, что слишком много в себе ношу. А я наперекор пословице живу — своя ноша у меня тянет, чужая — нет. С чужой помочь надо. Но к делу — так к делу. Недавно у нас на Микитовке ограбили магазин. В ночь на позавчерашний выходной. До сих пор ищут Пашку Кураня — семнадцатилетнего балбета. Пока что не нашли. Да и где ворованное — вроде тоже не нашли. Ну, это не наше дело. Только этот Пашка — сын Сличко и той... — Он

хотел выразиться грубо, но постеснялся. — Она как раз завмаг того магазина. По слухам выходило, что Пашка выкрал ключи и ночью обчистил материн магазин. Я вот о чем подумал тогда: кто мог его толкнуть на это? Для чего нужно это ограбление? Или инсценировка? В голову мне пришли разные варианты. Хотите, вам скажу об одном, который мне нравится больше, чем другие.

— Сережа, мне уже Привалов голову забивал своими версиями. И ты туда же.

— Но мы-то с вами следствия не ведем. Почему бы не пофантазировать? Прокурор же нас с вами в не слишком благородной роли решил использовать.

Чергинец вдруг рассмеялся. Громко так, весело. Мне даже на душе легче стало. Хорошо, что так умеют смеяться люди.

— Да, шучу я, шучу, конечно. А вот смотрите, что вам покажу.

Он быстрым шагом вышел в соседнюю комнату, взял какие-то листки с письменного стола и принес.

— Вот смотрите. В университете марксизма учусь: философия, политэкономика и прочее. Очень интересно, между прочим. Секретарь меня заставил, а теперь я жалею, что сам раньше не пошел. Вот эти листки из моего реферата. И тему я сам выбрал. Из длинного списка. Называется «Личность в социалистическом обществе». Вот прочтите фразу, я не ученый, конечно, где-то ее схватил, сам бы не придумал. Ну, прочтите.

Я прочел вслух для его удовольствия:

— Возрастание роли нравственных начал в регулировании отношений между людьми связано с усилением роли общественности, которой ныне предоставлена возможность решать вопросы, ранее входившие в компетенцию органов государства. Да, загнул.

Гордый собой, он аккуратно сложил листки.

— Об этом я давно думал, уж год, наверное. Как избрали меня — точно, год скоро будет. Так что насчет прокурора пошутил. Вы правы. Надо помочь. Мы же с вами и есть общественность.

— Тогда давай к делу. Слушай твой вариант. Но это только вариант, да?

— Сами потом начнете с одного из таких же вариантов. Кто мог его толкнуть? Мать — родного сына? Хотя она и не заслуживает доброго слова, но не могла. Да и к чему ей это: воровать умеет и так. Я подумал тогда: не собирается ли Жуйчиха... это мать Паши, Галина Курань... уезжать? Недавно она тут вышла замуж, в какой уж раз, не знаю. Но мысль, что она собралась уезжать, запала мне. По всему чувствовал: как торговать стала, как с соседками говорить. Я и подумал: а не замешан ли тут Сличко? Вдруг он живой? Я давно когда-то слышал, что ему большой срок дали. Но больше пятнадцати лет прошло, мог на свободу выйти. После освобождения Новоднепровска он ведь скрывался у нее в хате, прятался, пока не обнаружили. Только злая сила могла ее заставить пожертвовать сыном. Только очень сильная и очень злая. А такой силой вполне мог быть Сличко. Я и подумал: в последние два года не переписывалась ли она с ним? Спросил почтальоншу: нет, не приносила она от него писем.

— Выходит, прокурор прав. Ты хоть что-то знал о Сличко. А я, например, и фамилии такой никогда не слышал.

— Вы, доктор, иначе живете. Все больше с книгами и много такого знаете и слышали, чего мне никогда не услышать. А у меня, у нас, на Микитовке, столько всего у людей — готовые романы. И кажется, все про всех знаем. Был даже слух, что Сличко чудом расстрела избежал, люди думали: ему заменили длительный срок заключением. Что он бежал — узнал я вот от вас. Ну, значит, рассуждаю себе дальше: если она писем не получает, значит, он сам здесь.

— Все это ничего не значит.

— Не спешите. Я вдруг вспомнил, что недавно встретил Гришку Мальху — он с Веркой Осмачко гуляет. Встретил я Гришку, а он ест селедку на улице прямо. Вы бы стали есть селедку на улице? В чем дело, спрашиваю. Да вот, говорит, день рождения пришел к Верке отпраздновать, вчера договорились, а сегодня в дом не пускают. Ждал он Верку, чтоб пойти с ней к нему. А в дом его не пустили. Я и вспомнил об этом, когда думал про магазин. Не пустили, потому что не хотели, чтобы кто-то о чем-то узнал. Или о ком-то. Так я решил, что Сличко тут, в Новоднепровске.

Тут уж и я не выдержал. Рассмеялся.

— Ну, ты даешь! Привалов знал, к кому за помощью обратиться. Поступай на юридический и прямоком в следователи.

— Смейтесь, смейтесь. А ведь он действительно тут оказался.

Сергей прошел к старомодному и потертому буфе-

ту, поставил на стол передо мной тарелку с хлебом, сковородку с остывшей яичницей, уже нарезанное сало, какой-то винегрет.

— Я ж с ночной смены. Еще не завтракал. Не откажите.

— Не откажу. Я тоже с ночной. С дежурства.

— Сегодня бы по стопке надо. Раз такой сволочи наконец на свете не стало.

На свете не стало? На свете не стало и маленькой, пухленькой Любы Сличко, подумал я. И в ту минуту не знал, что наш разговор к Любе и придет.

— А дальше произошло вот что,— перебил Сергей мои грустные мысли об этой злосчастной фамилии, от которой старшие сестры отказались.— Моего третьего подручного Володю Бизяева вы знаете.

Я кивнул. Этого славного парня я знал хорошо. Впрочем, его весь город знал: лучший форвард нашей «Звезды».

— Его угораздило влюбиться в младшую дочку этого предателя.— От этих слов Сергея я вздрогнул, он будто мои мысли прочитал.— Да, да, влюбился в ту самую, которой теперь нет.

— Она была беременна,— сказал я глухо. Однако Сергея вопреки моему ожиданию этонисколько не удивило. Он даже кивнул.

— Володя долго не решался сказать родителям о том, что должен жениться на Любе. Она хорошая девчонка. Была... От Володьки я узнал точно, что Сличко здесь. И, кстати, был доволен, что раньше сам угадал. Ну, что стоило официально, через газету, что ли, в свое время объявить, что он сбегал, что скрывается? Все бы знали. А так... Володя видел его собственными глазами. Они встретились во дворе у Павлины, у тетки Паши. Представляете, тот подлец узнал его.

— Что?— поразился я.— Как узнал? Володе же только в этом году идти в армию. Где они могли встречаться?

— А они и не встречались.

— Но как же он мог его узнать? Если и видел когда-то двухлетнего, как узнать в здоровом парне?

— Вы слушайте. Со двора Володя сразу же ушел. Мы тогда тоже работали в ночной смене, и на заводе он мне рассказал. И просил пойти с ним и с Любой к родителям. Сразу утром и пошли. Было то десятого числа. Пришли мы трое к нему домой. И он сразу сказал отцу с матерью: женюсь на ней. Без меня бы он так не решился. И хотя вовсе не такой судьбы я ему хотел, уважать его чувства я был обязан. Но знаете, что там произошло? Не поверите. Мать сразу отказала: нет, этому не бывать, если ты не хочешь убить меня. Представляете мое самочувствие и положение? А каково им? Девчонка в слезы—и бежать. Володя—за ней. Но отец сумел вернуть его. Садись и слушай, сказал отец. Мать с бабушкой вышли из комнаты. Мы остались вдвоем. Я тоже хотел уйти, но мне не позволил отец Володи. Вернее... вернее, не отец. Потому что он первым делом сказал: Володя, сынок, я не отец тебе, не я твой отец. Конечно, я не помню в точности всех его слов. Но он сказал: сынок, я не отец тебе, я не твой отец... Да, в общем, так...

Вот что узнал Володя, вот что узнал Сергей.

В сорок втором из плена бежали два наших летчика. Раненые, голодные, больные. Из плавней их переправили на Микитовку, к деду Ивану Легейде, на поправку. Один из них окреп быстро и скоро ушел обратно в плавни, к партизанам, потом перешел линию фронта. Вернулся в небо, воевал. Это как раз он и сказал Володе при Сергее: сынок, я не отец тебе. Второй летчик болел дольше. Дед Иван с внучкой—она-то и есть Володина мать—с трудом выходили его. А когда он поправился, то невозможно было переправить его в плавни. В общем, Володя—его сын. Дальше случилось, что кто-то выдал деда Ивана. Пришли полиция и утащили и деда и его летчика. Командовал этими полициями Сличко. Мать Володи, тогда ей девятнадцать было, навек запомнила его. А он, Сличко, тогда же запомнил лицо летчика. Лишь через полгода после гибели своего прадеда и своего отца Володя родился, осенью сорок третьего. На отца он очень похож, да и молодому отцу тогда было столько же, сколько сейчас Володе.

Первый летчик, Бизяев, после войны приехал в Новоднепровск повидать своих спасителей, узнать о судьбе друга. И тут, узнав, что случилось, остался. Остался и позже женился на Володиной матери. Не многие знали об этом. И хотя на Микитовке никогда ничто не скрывается, люди умеют, если надо, молчать. Даже Сергей ничего не знал об этом, а он-то всегда считал, что знает все.

— Я и сам себя спрашиваю: как бы я поступил на месте Володьки? И не представляю. Он чувствовал, что я не смогу помочь советом. И не спрашивал. Но с Любой после этого не встречался—это точно. Мать у

него такая—не послушай он ее, жить бы не стала. Не смогла бы. Вот и все, что я знаю. Мало? А по мне, так лучше бы и этого я не знал.

До сих пор не могу понять, а не понял, естественно, не могу объяснить, почему мысль моя заработала совсем в ином направлении, нежели было мне свойственно. То ли Привалов так подействовал на меня, то ли Чергинец своими логичными рассуждениями, но я не мог не задать ему вопросов, которые иначе не дали бы мне покоя. А они, эти вопросы, Сергею понравиться не могли.

— Значит, сегодня Володя тоже работал в ночь, вместе с тобой? Вы вечером пошли на завод, как обычно, вместе?

— Во-первых,—ответил Сергей,—не всегда мы ходим вместе. А во-вторых, сегодня он не работал. Это имеет какое-то значение?

— Да, Сережа. Да. Это уже кое-что проясняет. Вернее, запутывает.—Я уже сам стал путаться в его и своих рассуждениях.—А почему он не работал? Просил освободить его?

— Нет, не просил. Я сам сказал ему, чтоб не выходил на смену. Знаю, что это—нарушение. Но какой из него в эти дни работник? Смотреть невозможно. Да и толку от него никакого.

Значит, Володи не было на заводе, когда в одной из заводских лабораторий Люба Сличко приняла яд. Где же он был? Пришла мне в голову такая версия. Володя Бизяев поздним вечером явился в дом тети Паши, чтобы отомстить Проколу Сличко за гибель отца. Парень вполне мог считать, что пребыванием в тюрьме предатель не искупил вины, что такие, как Сличко, не имеют права жить. Проникнув каким-то образом в дом, он неожиданно для себя стал свидетелем убийства тети Паши—если это все-таки было убийство—и чем-то выдал свое присутствие. Сличко бросился за ним в погоню—убрать опасного свидетеля. И угодил в овраг. Или Володя помог ему туда упасть, может быть, даже схватились они на краю оврага. Версия простая, вытекавшая из вопросов прокурора, объясняющая, между прочим, настойчивое желание Привалова узнать с моей помощью как можно больше у Чергинца. Впрочем, эта же версия может выглядеть и никуда не годной. Тем более что хозяйку дома в Крутом переулке не убивали.

— Ты сегодня видел Володю? После работы?

— Кто ему мог бы сообщить о смерти Любы, если не я?

— А он? Как он вел себя?

— Он?—Сергей, удивленный, ответил не сразу.—Он? Не шелохнулся. Сидел как каменный. Я позвал: идем ко мне. Он ни слова в ответ. Я ушел. Но если ночью он побывал в Крутом переулке, он мне расскажет. Только мне, никому больше. Это ваш прокурор понял точно. Вообще Привалов знает больше, чем мы все. Он, видать, сразу связал сегодняшнюю ночь с тем, что было в прошлом, в войну. Потому сам и включился, не стал ждать, пока угрозыск передаст дело ему. Тут без прокуратуры по закону нельзя. Дело ведь не просто уголовное, раз государственный преступник замешан, да еще беглый, как вы говорите...

— Сережа,—перебил я его,—для того, чтобы эта... как ты назвал... Жуйчиха уехала к Сличко, вовсе ведь не обязательно ему самому нужно было приезжать сюда. Правда, ведь? Он мог бы ей написать, связаться как-то. Тайком. Мало ли способов. Значит, он приехал с другой целью.

— Я об этом не думал. Что вы имеете в виду?

— Если бы я знал, что имею в виду! Если предположить, как делает Привалов, что он убил сестру своей жены, которая воспитала, выкормила его детей, то за что?

— Если он убил ее? Ну, предположим. О покойнике все можно предположить. Но вот за что, этого уж от них обоих никогда не узнать. Да и надо ли нам это знать?

— Понимаешь, если за то, что она, скажем, хотела выдать его присутствие—в семье-то наверняка знали, что он бежал и скрывается, что никакого срока не отбывал,—то слишком отчаянный риск для него—проще было бы снова исчезнуть. Игра была проиграна, а он определенно шел на риск. Значит, была еще какая-то существенная причина.

— Не будем сейчас гадать,—резонно предложил Сергей.—Пускай прокурор допросит Жуйчиху. Жуйчиха—это ее девичья фамилия. По первому мужу—Курань. Он воевал, погиб на фронте, а она тут... Ладно, черт с ней. Ничего особенного она, конечно, не расскажет, но Привалову поговорить с ней нужно. Главное, знает ли она, с кем он тут встречался? Она-то с ним встречалась—кто ж может сомневаться. А теперь давайте позавтракаем, умираю с голоду.

Продолжение следует.

Игорь ХАЛУПСКИЙ

Урок чистописания

*Сорок третий. Не протоплен класс.
Из рта—дыхания парок.
Мы снимаем варежки. У нас—
по чистописанию урок.
Белое узорчато окно,
словно это вятская зима
постигает с нами заодно
навыки опрятного письма.
Буквы нелегко даются нам—
капельки чернильные к перу
быстро пристывают,—так у мам
замерзают слезы на ветру.
Никаких помарок на листе,
ни одной случайной кляксы нет,
как на снежной тыловой версте
пятен нет, стусивших алый цвет...
Жизни многодневная страда!
Сколько я уроков разных взял
у нее. Но больше никогда
я настолько чисто не писал.*

Возвращение в город Киров

*Я здесь узнал нужду и холод,
войны серьезное дитя...
Я вновь приехал в этот город
десятилетия спустя.
И детства медленные годы
воскресли, будто вьзавь приснясья.
...Я жил на улице Свободы.
За домом были огороды,
которые кормили нас.
Я выжил, вырос—все в порядке,
любую перевозку напасть,
пришел в двор, где были грядки,
кропленные водою Вятки,
чтоб к ним всей памятью припасть.
Пусть в волосах заметна проседе,
но до сих пор живая кровь
по телу моему разносит
твой сок, давнишняя морковь.
И время, устали не зная,
струится, движется всегда,
как вятская безвозвратная,
необратимая вода...*

*Под яблоней прилягу на траву
и поглажу, как ветки надо мной
процеживают скупо синеву,
в которую звеняще налит зной.
В тугих напластованиях жары
висят как бы отдельно от ветвей
плодов зеленоватые шары,
не ощущая тяжести своей.
И, заплывая в лиственный просвет
возвышенно, спящая, не слеза,
то ль облачко протянет тонкий след,
то ль чья-нибудь парящая душа...*

*Склоняясь над клавишами низко,
в них топил пальцы
пианистка.
И кисти рук ее в наклоне
трепещут листьями на клене
при легком ветре...
И—стихают,
и вниз—в безветрии стекают,
и вновь становятся руками
в тиши, раздавшейся кругами...*

*Ехал дорогой прямой,
шел от заката к рассвету,
и, возвратившись домой,
круглой почувал планету.
Было усвоить легко
это на школьном уроке,
но только после дороги
смог я понять глубоко
новой—и старой притом—
истинный смысл и значенье,
коей одно подтвержденье
есть—возвращение в дом...*

ОХОТА ЗА ВЕДЬМАМИ

— Итак, Петер, что вы, автор книги, хотели выразить своим произведением?

Магнитофонная лента, готовая стать конвейером для слов, плыла вперед, однако мой собеседник будто в молчание провалился. Передо мной лежал его роман с моими карандашными пометками на страницах. Я «прошел» книгу от корки до корки и много интересного обнаружил.

— Извини, — сказал Ганс-Петер де Лорент и поднялся с места. Наблюдая за его неторопливыми движениями, я ловил себя на мысли, что от его фигуры исходит энергия смелого и решительного человека, пахара, который душой прикип к своей нелегкой жизненной борозде. Кого же мне напоминают овал лица и густая размашистая борода?

ние в левой прессе: против гамбургского учителя Ганса-Петера де Лорента ведутся административные и судебные преследования и причиной тому — этот его роман «Охота за ведьмами».

...Де Лорента разыскать оказалось несложно. В гамбургском комитете, который именуется «Долой запреты на профессии!», он оказался личностью довольно известной — там-то я и получил нужный мне телефон, а потом и домашний адрес. Скрипели под ногами деревянные половицы этажей старого дома, на третьем, в раскрытых дверях квартиры стоял поразивший меня своим обликом «молодой Маркс». Во всяком случае, Петер оказался одним из тех, кто считает, что к университетскому диплому для молодого человека необходимо добавить и основательное знакомство с идеями великого соотечественника.

ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ — НЕСМЫСЛАЕМЫЙ ЯРЛЫК «ВРАГА КОНСТИТУЦИИ». УЗАКОНЕННОЕ БЕЗЗАКОНИЕ...

Пожалуй, молодого Маркса, фотографию которого я видел в доме-музее города Трира... Или тургеневского Инсарова?..

Ганс-Петер подсел к столу, теперь уже с папкой в руках. Тонкие пальцы сортировали какие-то бумаги, копии, отски и прочее показавшееся ему нужным к моменту разговора документальное подспорье.

— О чем роман? — сказал де Лорент. — Давай для начала внесем в нашу «читательскую конференцию» некоторую систему.... Ты знаешь, что существуют романы любовные, приключенческие, криминальные, производственные, исторические и так далее. Моя книга носит подзаголовок «Роман о запретах на профессии». Увы, этот жанр мог родиться только под пером человека, который живет в Федеративной Республике Германии. Ибо понятие это — «запрет на профессии» — существует только в нашей стране.

Роман де Лорента я выудил из моря печатных новинок случайно, побывав на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне. Улов журналиста на такого рода масштабных книжных шоу — гора книг, подаренных тебе щедрыми издателями. Берешь их продуктивно с благодарностью, но без понятия: мол, потом разберусь. До тоненькой книжонки, на обложке которой изображен даже не сыщик, а скорее его след — осенний плащ, рука с зажатым в ней переговорным или подслушивающим устройством, — добрался я только в начале зимы. Дочитывая последние страницы, натолкнулся на короткое сообще-

— Моя книга, — рассказал он, — описывает пятилетние мучения одного гамбургского учителя, зовут его Кристиан Гюнтер. Герой повествования прошел послеуниверситетскую стажировку в общеобразовательной школе и уезжает в отпуск с мыслью: все в порядке, теперь-то он получит документ на право постоянной педагогической работы.

Вернувшись с отдыха, Кристиан находит в своей почте неприятное письмо. Его приглашают на разговор к гамбургскому сенатору по делам школ, где выясняется, что для педагогической деятельности учитель, которого уже успели полюбить ученики и который нашел доброе расположение коллег, все-таки не подходит. В чем дело? Нет, речь не о сомнениях в профессиональных способностях Кристиана. Из своего досье сенатор извлекает справку ведомства по охране конституции — политической полиции, дабы поставить молодому человеку в укор, что он не показал себя в студенческие годы «лояльным человеком»...

Тут взгляд рассказчика упал на стол, где среди бумаг лежала и его собственная биография в полицейском пересказе:

ДЕ ЛОРЕНТ, ГАНС-ПЕТЕР, РОДИЛСЯ 2.3.1949 В НОЙМЮН-СТЕРЕ.

С 1972-го — АКТИВНЫЙ ЧЛЕН СТУДЕНЧЕСКОГО МАРКСИСТСКОГО СОЮЗА «СПАРТАК».

ИЮНЬ 1972-го — ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ «СПАРТАКА», СЕКЦИЯ НАУЧНОГО ВОСПИТАНИЯ.

ЗИМНИЙ СЕМЕСТР 1972/73 — ОСОБАЯ АКТИВНОСТЬ В «СПАРТАКЕ», В ЧАСТНОСТИ, ОТВЕЧАЛ ЗА ВЫПУСК ЛИСТОВОК УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ГРУППЫ.

С 1973-го — АКТИВНЫЙ ЧЛЕН ГЕРМАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

НОЯБРЬ 1973-го — ДЕ ЛОРЕНТ ОТКРЫТО ЗАЯВЛЯЕТ О

МИР КАК КЛАССНОСТЬ

«Общество равных возможностей»... «Плюрализм (то есть множественность мнений)»... «Человеческие права»... Все эти формулы из лексикона буржуазных пропагандистов щедро рассыпаны по страницам западной прессы, настойчиво звучат в программах «голосов» и «волн».

В материалах, которые мы предлагаем вашему вниманию, идет речь об «обществе равных возможностей». Для сальвадорского партиота Викторiano Гомеса из всех «человеческих прав» волею продажной хунты, сохраняемой штыком и долларом, реальностью стало лишь одно — право на смерть. Для западногерманского учителя Ганса-Петера де Лорента «плюрализм», провозглашаемый основой политической структуры ФРГ, обернулся изгнанием с работы и пресловутым «запретом на профессии» — злоедем юридическим изобретением, позволяющим правым силам чинить расправу над инакомыслящими. И параграфом можно душить, не только петлей...

ПИТАЛА: СОВАЯ ЩИЩА

ТОМ, ЧТО ОН ЯВЛЯЕТСЯ ЧЛЕНОМ ПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ-СТАЖЕРОВ, ЧЛЕН УЧИТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ ГКП.

— Понимаю, Петер, я попал домой и к автору книги и к ее главному действующему лицу одновременно. Так?

— Автобиографическая история? Да. Кристиан Гюнтер—это я, но не только я, это любой, кто попал под жернова «запретов на профессии». Чем заполнена наша жизнь начиная с 1972 года? Публичные административные допросы с целью выявить образ мыслей, увольнения с работы, переводы из одной школы в другую, протесты, жалобы в судебные инстанции и юридические разбирательства... Такова типичная судьба педагога-коммуниста.

Горький вкус «запретов на профессии» испытали 4 тысячи педагогов, в восьмидесяти процентах всех этих случаях речь идет об учителях общеобразовательной школы, специалистах социально-педагогической сферы, воспитателях детских садов. В последнее время «охота за ведьмами» началась на федеральной железной дороге и федеральной почте. Соседи-европейцы не верят, при случае интересуются, неужели правда, что в ФРГ железнодорожнику-коммунисту не доверяют вождение локомотива.

— Петер, а вдруг «левый» машинист утонит паровоз на Кубу?

Он грустно улыбнулся.

«Жанр» политического преследования людей за их убеждения носит характер уникального патента, напоминая осколок времен третьего рейха или маккартизма в западногерманском варианте. Осенью 1971 года как раз в

радикалах» влияет на политический климат в стране. Конечно, «указ» направлен прежде всего против молодежи, ибо она первой заявляет о своем недовольстве капиталистической системой и отдельными ее институтами. Цель «запретов на профессии» была запугать молодежь. Мол, смотрите, что будет с вами, если станете симпатизировать коммунистам или сблизитесь с ними. Расчет был отгнать критически мыслящих людей от активной общественной борьбы за демократию и прогресс. А что пожали отцы полицейских мер? Преследование коммунистов сплотило демократические силы в стране, сегодня существует более трехсот комитетов «Долой запреты на профессии!» В борьбу оказались вовлеченными представители самых разных слоев населения, молодежные и профсоюзные организации, студенты, профессора, священники, школьники.

— Школьники? Стало быть, и они осваивают уроки политического правописания?

Он протянул мне листы бумаги, на которых разбежались подписи. Многие, многие десятки.

В ВЕДОМСТВО ШКОЛ, ГАМБУРГШТРАССЕ, 31, 2000 ГАМБУРГ, 76.

ПОВОД: ПЕРЕМЕЩЕНИЕ УЧИТЕЛЯ-КОММУНИСТА ГАНСА-ПЕТЕРА ДЕ ЛОРЕНТА.

ПРАВО? СПРАВЕДЛИВОСТЬ? ОНИ УТВЕРЖДАЮТСЯ В МИРЕ КАПИТАЛА ЮРИДИЧЕСКИМИ НОРМАМИ. «ОТСТРЕЛИВАЮЩИМИ» ИНАКОМЫСЛЯЩИХ И ПОЛИЦЕЙСКИМ ТЕРРОРОМ, ЕСЛИ ТЕ ВЗДУМАЮТ ПРОТЕСТОВАТЬ.

Гамбурге была впервые опробована человеконенавистническая модель — коммуниста выгнали с государственной службы. После того, как в январе 1972 года премьер-министры земель ФРГ проголосовали за так называемый «указ о радикалах», антикоммунизм начал возводиться в ранг административной кадровой политики. Тогда-то термин «беруфсфербот» («запрет на профессию») вошел без перевода в английский, французский и другие языки.

Трудно окинуть глазом, какая разрушительная работа внутри страны сопутствовала действию механизма «указа о радикалах» и какой урон престижу ФРГ она нанесла за рубежом. «Взгляд в спину» стал одной из жизненных норм, ибо слежка за людьми прогрессивных убеждений приобрела необычайный размах. Как писал западногерманский журнал «Штерн», проверкой политической благонадежности занимаются 10 тысяч служащих федеральных и других ведомств, а информацию им поставляют 20 тысяч шпионов. По такому «рентгеновскому» способу ищейки реакции подвергли проверке на верность конституции более двух миллионов граждан.

Черные бумаги ходят за спиной прежде всего людей молодых.

— Что же изменилось сегодня, девять лет спустя после появления «указа о радикальных элементах»? — спрашиваю Петера де Лорента. — В книге ты приводишь высказывание гамбургского обербургомистра Ганса-Ульриха Клозе: «Лучше 20 коммунистов на государственной службе, нежели 200 тысяч обеспеченных своей судьбой молодых людей». Помню эту историю по газетам. Заявление мэра северного города вызвало беспокойное шевеление в рядах рабочих.

— Клозе — первый социал-демократический политик, который попытался проанализировать, как же «указ о

Уважаемые дамы и господа!

Из газет стало известно, что г-н де Лорент должен быть переведен из нашей школы в другую, и поэтому по инициативе учащихся начался сбор подписей в его защиту. За короткое время собрана 361 подпись.

Школьники любят своего учителя де Лорента, любят стиль его преподавания. Остается фактом и то, что ребята, у которых он ведет предмет «Политика», до сих пор ведут не ведали, к какой партии де Лорент, собственно, принадлежит. Г-н де Лорента перемещают из одной школы в другую потому, что он написал книгу, содержание которой кого-то не устраивает.

Мы же любим этого учителя и не хотим молчаливо согласиться с решением о его увольнении. Рассчитываем на ваше понимание.

И — подписи. Несколько страниц подписей.

— Петер, это письмо мне напомнило саму книгу. На городскую демонстрацию в поддержку Кристиана Гюнтера приходят и ученики из его класса. Об одном из них Кристиан замечает: мол, на уроках он казался мне равнодушным, а тут слушает мою речь, стараясь не пропустить ни слова. «Охота за ведьмами» не оставляет детей равнодушными?

— Известие об очередной отставке я получил две недели назад. В мой класс пришел школьный руководитель и объявил: «Дети, теперь у вас будет новый учитель». Хотите

Нет, не «обществом равных возможностей», а обществом острого и непримиримого конфликта предстает современный капитализм. Неодинаковы, естественно, условия в разных странах капитала, различные обстоятельства, в которых прогрессивные силы ведут борьбу не за фиктивные, а за подлинные права и свободы. Но есть нечто общее, что характеризует эту борьбу: она ведется против антигуманности, бесчеловечности, лицемерия и жестокости, определяющих суть капиталистической системы. Баррикады борьбы за демократию и прогресс проходят по всем меридианам и параллелям капиталистического мира, проходят через умы и сердца миллионов. И в этой конфронтации буржуазная Фемίδα, об «объективности» которой сложено столько хвалебных гимнов, неизменно стоит на страже интересов правящего класса. И даже формальная законность отступает перед откровенным и грубым беззаконием. Вместо права — бесправие.

Вот факты. Задумайтесь над ними...

знать реакцию? Мне рассказывали, две девочки выбежали из коридор, плача. Половина класса тут же покинула уроки.

**СВОБОДНЫЙ И ГАНЗЕЙСКИЙ ГОРОД ГАМБУРГ.
ВЕДОМСТВО ШКОЛ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.**

**Г-НУ ДЕ ЛОРЕНТУ, БЕРНАДОТТЕШТРАССЕ, 15, 2000
ГАМБУРГ, 50.**

Уважаемый г-н Лорент!
Властям стало известно, что вы являетесь автором книги «Охота за ведьмами», вышедшей в издательстве «Вельт-крайферлаг».

Как руководителю отдела кадров мне поручено выяснить, не нарушили ли вы в результате этой публикации нормы служебного поведения.

Для выяснения этого вопроса приглашаю вас для беседы во вторник 16.9.1980 в 16.30 в мое служебное помещение по адресу: Гамбургштрассе, 31, комната 1613.

С дружественным приветом.
Ответственный правительственный директор ЕНЕ.

Все веку под стать. Мрачный ритуал судилища над правдой и человеческими убеждениями ныне исполняется не в полутемных помещениях с факелами и с присутствием фигур в стиле полотен Гойи, а в административных помещениях из бетона и стекла с радующим глаз интерьером. Они, нынешние инквизиторы, — люди при галстуках, вежливо подают жертве руку для приветствия, просят устроиться в кресле поудобнее. Ныне, исполняя обряд судилища, они ссылаются не на бога, а на закон, на свободный демократический правовой порядок. Но при этом их канцелярия преследует знакомую цель: подавить дух и волю человека, заставить его отречься от своих убеждений...

— О чем ваш роман? — вежливо и непринужденно спросил инквизитор, словно люди в его служебной комнате собрались не на допрос, а на читательскую конференцию, а сам он в роли председательствующего литературного знатока ищет возбуждающую заправку для интеллектуального общения. Что ж, перенесемся и мы в эту аудиторию, в чем нам, несомненно, поможет примечательное эссе...

**ГАМБУРГ, 30 СЕНТЯБРЯ 1980 ГОДА.
ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С Г-НОМ ДЕ ЛОРЕНТОМ О ЕГО РОМАНЕ
«ОХОТА ЗА ВЕДЬМАМИ» ОТ 29.9.80.**

*** УЧАСТВОВАЛИ: Г-Н ДЕ ЛОРЕНТ, А ТАКЖЕ ПРАВИТЕЛЬ-
СТВЕННЫЙ ДИРЕКТОР Г-Н ЕНЕ; Г-Н ШТАЙН ПО ПОРУЧЕ-
НИЮ Г-НА ДОКТОРА ДАММАНА, Г-Н ГРЕДЕ, РУКОВОДИ-**

**ТЕЛЬ ПО КАДРОВЫМ ВОПРОСАМ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ПЕРСОНАЛА В ШКОЛАХ.**

Г-н Ене подчеркивает, что речь пойдет о выражениях, употребленных автором в романе «Охота за ведьмами», которые задевают достоинство конкретных должностных лиц, служащих свободного и ганзейского города Гамбурга.

Де Лорент:
«Прежде чем перейду к пассажирам романа, хочу пояснить некоторые вещи, а именно, какую я вижу связь между книгой и сегодняшней встречей. Не впервые приглашают меня на подобную беседу. Еще в 1973 году власти высказали свое недовольство тем, что я критикую политику «запретов на профессии». Меня упрекали, в частности, за употребление в статье, напечатанной в профсоюзной газете, самого термина «запреты на профессии». Мол, никаких таких «запретов» не существует...»

Теперь о романе. Нет, я не вижу повода для упреков в мой адрес, будто бы я пренебрег служебной этикой, в чем-то нарушил свой профессиональный долг. Главная фигура романа, Кристиан Гюнтер, — это лицо вымышленное. Не откровенно, впрочем, секрета, если добавлю, что описанные мною годы жизни Кристиана Гюнтера вообрали и мой собственный жизненный опыт. История героя произведения — это судьба многих гамбургских педагогов, против которых обращен человеконенавистнический террор властей. За ними следят, их приглашают на заслушивания, чтобы узнать их образ мыслей, за спиной у них собирают тайные досье. В книге я переработал художественными методами факты и события, которые относятся к практике «запретов на профессии», начиная с 70-х годов.

Я стремился, чтобы ни одна из действующих фигур романа не походила на конкретных людей. Да, у меня есть имена сатирического звучания, однако согласитесь, господа, это же литературный язык, который не преследуется законом. Сошлось на литературное творчество Томаса Манна, Курта Тухольского, Генриха Гейне, Бернта Энгельмана...

Г-н Ене, взяв слово, замечает, что он прочел роман довольно внимательно и находит, что персонаж романа Курцман идентичен с руководителем школы, в которой работает де Лорент, г-ном Лангеном. Майснер из книги похож на г-на Раймерса в жизни. Бирбаум напоминает г-на Райнера, а фигура романа Делириус — не есть ли это г-н Делиус из сената?... Г-н Ене спрашивает г-на де Лорента, сознательно ли он сделал эту похожесть? И не считает ли, что подобный прием унижает достоинство реальных личностей?

Г-н де Лорент повторяет, что не надо искать в его книге людей конкретных, все герои произведения — персонажи вымышленные.

ВИКТОРИАНО ГОМЕС ПЕРЕД ТЕЛЕКАМЕРАМИ

Рышард КАПУСЧИНСКИЙ

Сальвадорский партизан Викторiano Гомес был казнен в небольшом городке Сан-Мигель. Его расстреляли на стадионе в ясный солнечный день. Места на трибунах зрители занимали с утра. Потом прибыли машины с теле- и радиоустановками. Операторы расставили камеры. На зеленой трапезе возле футбольных ворот разместилась группа фоторепортеров. Все это было очень похоже на подготовку к футбольному матчу.

Сначала привезли мать Викторiano Гомеса, рано постаревшую скромно одетую женщину. Ее посадили напротив того места, где будет стоять ее сын. На мгновение трибуны притихли, но уже через минуту зрители продолжали разговаривать, обмениваться впечатлениями, покупали мороженое и прохладительные напитки. Больше всего шума производили дети. Те из них, что не могли пройти на трибуны, расселись на ветках деревьев, окружающих стадион. Оттуда очень хорошо было все видно.

Потом на поле въехал военный грузовик. Он доставил взвод солдат и приговоренного. Викторiano Гомес легко прыгнул с машины и громко, так громко, что его многие услышали, сказал:

— Я невиновен, друзья!
На трибунах притихли, а из ложи для почетных посетителей, где разместились местные власти, раздались саист и улюлюканье.

Тут заработали камеры, началась трансляция. В этот день жители всего Сальвадора могли видеть по телевизору прямую передачу казни Викторiano Гомеса.

Сначала Викторiano поставили у самых трибун, на беговой дорожке. Но операторы попросили, чтобы его поместили в центре поля, там освещение было лучше. Он понял, что от него требуется, отошел подальше и выпрямился — смуглый, высокий, двадцатичетырехлетний. Теперь с трибун различали только его фигуру. Одни операторы наблюдали Викторiano с близкого расстояния, его лицо заполняло весь экран, так что

люди, которые смотрели казнь по телевизору, видели все лучше, чем зрители на стадионе.

Раздался залп. Викторiano упал, и телекамеры показали, как солдаты окружили тело и считали, сколько было попаданий. Они насчитали тринадцать. Командир взвода покачал головой и спрятал пистолет в кобуру.

Это было, собственно, все. Зрители стали покидать стадион. Передача заканчивалась, дикторы прощались с телезритателями. Грузовик увез тело Викторiano. Мать убитого еще была на месте — неподвижная, окруженная толпой зевак, молча глядевших на нее.

Не знаю, что еще добавить.

Викторiano был партизаном в лесах Сан-Мигель. Он призывал крестьян захватывать помещичью землю. Вся земля в Сальвадоре принадлежит 24 помещичьим семействам. И в то же время в стране насчитывается миллион безземельных крестьян. Партизаны нападали на патрули гвардии Руал — личную армию помещиков; она состоит из уголовных элементов и наводит ужас на крестьян. Этим бандитам Викторiano объявил войну.

Полиция схватила его, когда он пришел ночью в Сан-Мигель повидаться с матерью. Когда стало известно о его поимке, на гашиндах начались бесконечные пиры и празднества. Начальник местной полиции был повышен в должности и получил благодарность от президента.

Викторiano приговорили к смерти. Правительство решило на его смерти сделать бизнес.

Кроме того, власти преследовали и воспитательные цели. В Сальвадоре слишком много недовольных, слишком много бунтовщиков. Крестьяне требуют земли, студенты добиваются свобод. Что же, покажем недовольным, что их ждет. Так родилась идея телевизионной передачи. Чтобы было много зрителей и чтобы смерть была показана крупным планом. Пусть увидит весь народ. Пусть увидит, пусть подумает. Пусть увидит.

Пусть подумает.

Перевод с польского
Веры СЕЛИВАНОВОЙ.

Г-н Ене спрашивает, приобретали ли ученики г-на де Лорента роман «Охота за ведьмами». По его сведениям, школьники книгу читали.

Де Лорент отвечает, что это верно. Школьники, их родители и его коллеги знают о существовании книги, но ведь о романе объявлялось в прессе...

**ПРОКУРАТУРА ЗЕМЕЛЬНОГО СУДА ГАМБУРГА, 14-й
ОТДЕЛ.**

**ГОСПОДИНУ ДЕ ЛОРЕНТУ, БЕРНАДОТТЕШТРАССЕ,
15,2000 ГАМБУРГ, 50.**

**ОСНОВАНИЕ: СЛЕДСТВИЕ ПО ПОДОЗРЕНИЮ В ОСКОР-
БЛЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, § 185 УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА.**

Вам, автору книги «Охота за ведьмами», ставится в упрек оскорбление чиновников, по отношению к которым вы употребляете в книге такие выражения, как «старая крыса», «мафиози», которых вы называете «охотниками за ведьмами». При этом вы обвиняете чиновников административных органов сената в фальшивых действиях...

— Петер, — говорю я, — но есть же предел человеческих сил. Объясни, может ли учитель, попавший в подобную круговую ловушку, уехать в другое место и устроиться на работу там?

— Так не бывает... Надо иметь в виду, что преподавательская деятельность — это монополия государства. Куда бы ты ни переехал, за тобой следует досье...

— Получает ли человек, которому вынесен «запрет на профессию», пособие по безработице?

— Нет.

— Тогда что же остается?

— Борьба и солидарность. Постоянную поддержку оказывают нам прогрессивные молодежные союзы. В последнее время в Гамбурге растет давление левых социал-демократов и профсоюзов на СДПГ. Особенно болезненно реагируют наши власти на многочисленные протесты, приходящие из-за рубежа.

Что они хотят от Кристиана Гюнтера, Ганса-Петера де Лорента и иных инакомыслящих? Вот цитаты из «Охоты за ведьмами». «Инквизитора зовут Майснер... Он начинает дружески: мол, давайте будем разумными взрослыми людьми. Вы расскажете мне немножко о себе и о ГКП. Потом мы составим хороший протокол, и дело с концом». Или еще определеннее: «Порвите с компартией, — советуют Гюнтеру, — и завтра же вы будете утверждены на службе до самой пенсии»...

Книга Петера де Лорента продолжила лучшие традиции прогрессивной западногерманской литературной публицистики, стала боевым оружием демократов против реакции. Она о настоящем страны. Сила типизации характеров и обстоятельств оказалась такова, что роман вызвал поразительную, хотя и логичную жизненную коллизию.

Совсем недавно, перед тем как отправить этот материал в «Смену», я купил местный левый журнал «Конкрет» и обнаружил в нем статью в защиту Петера де Лорента.

«Пятеро представителей школьной бюрократии Гамбурга, — пишет журнал, — нашли, что они являются действующими лицами романа «Охота за ведьмами», и подали на автора в суд. Один из обиженных: «Хотя никто не назван поименно, но так все ясно изображено, что не вызывает сомнения, о ком идет речь».

Словом, де Лорента ждет пятый по счету судебный процесс.

«Если суд, — пишет «Конкрет», — признает учителя виновным, то тогда «запрет на профессию» для него окончательный... Такой приговор, — считает журнал, — будет вынесен не только коммунисту, но и всем, кто пишет и читает книги».

Отважный гамбургский учитель не один, его смелая книга еще более расширила круг людей, которые полны решимости бороться против наступления реакции на демократические завоевания в ФРГ. Свой протест властям заявила авторитетная комиссия «В защиту книги де Лорента», в состав которой вошли известные писатели, такие, как Гюнтер Вальраф и Бернт Энгельман.

Школьники, которым преподавал де Лорент, вышли на улицу со своими первыми политическими плакатами. Это была демонстрация протеста против решения чиновников города, запретивших ему переступить порог школы. Учитель ушел. Стоя рядом с де Лорентом на улице, требуя его возвращения, ученики доказали, что уроки по предмету «Политика» они усвоили. Пусть они небольшая группа. Реки возмущения и борьбы сливаются из капелек.

Книга Петера де Лорента заканчивается словами: «...Я думаю, что мы вышли из обороны. Протесты и сопротивление «запретам на профессии» уже не заглушить. Пусть «охотники за ведьмами» не спорили, как их жертвы, на кострах столетий, они еще продолжают создавать свою продукцию для мусорных груд истории. Мы, те, кому они не смогли сломать позвоночник, вынесем все. Пусть они лишают нас работы — все равно мы выживем. Несмотря ни на что!»

Гимн несомленному человеческому духу.

ПУБЛИЦИСТИКА

Времени неподвластный

Все шире становятся наши возможности для знакомства с жизнью и деятельностью Ильича, ибо не только ученые изучают его гениальное наследие, но и деятели культуры и искусства яркими штрихами дополняют портрет дорогого нам человека.

Таковыми вот штрихами стали очерки публицистов Валентина Архангельского, Марата Зубко и Егора Яковлева в сборнике «В те бурные годы» (изд-во «Известия», 1980 г.).

Всего тридцать минут беседовал Ленин с молодым японским журналистом Накахирой, но эти минуты стали поистине историческими. «Не видеть Накахиру я уже не мог,— пишет в начале своего очерка «Тридцать минут истории» В. Архангельский.— Он вошел в мою жизнь. Как некогда в его жизнь вошел Ленин». Пожалуй, в этих строках и есть авторский «ключ» к раскрытию богатого, собранного в результате удивительного по своим масштабам журналистского поиска материала. Этот «ключ» — смелое и писательски мастерское введение в повествование авторского «я». Именно поэтому в первую очередь очерк получился полифоничным по фактуре и лиричным по тону. Удивительно раскрыта в нем емкость и историческая ценность небольшого отрезка времени, за который Ленин успел высказать ценнейшие мысли. Мысли о настоящем во имя будущего — во имя нашего сегодняшнего дня.

Публицист Е. Яковлев, известный интереснейшей книгой о Владимире Ильиче «Портрет и время», выступает в сборнике с новой работой — очерком «Штрихи к портрету». К портрету Ленина — организатора, руководителя. Необычайная работоспособность, глубочайшие знания в различных областях, широкий охват проблем самых различных уровней и значений, быстрота и точность в принятии решений — эти отличительные черты деловой школы Ильича автор на множестве примеров доносит до читателя не как факты истории, а отмечает их именно современную ценность. «Все дальше уходит черед наших деловых будней, и мы, пожалуй, не всегда отдаем себе отчет, каким множеством нитей связано наше сегодня... с ленинской деловой школой», с тем, что определил когда-то Владимир Ильич, над чем трудился, размышлял, о чем мечтал, наконец». Е. Яковлев приглашает задуматься над эпизодами, порой известными чуть ли не со школьной скамьи, но сколько неожиданных открытий делает для себя читатель, следуя за цепким и оригинальным авторским взглядом на события.

Многие зарубежные страны посетил Ленин, находясь в эмиграции. Любовно хранят память о

нем в Лондоне, Берне, Париже, Стокгольме. Но некоторые «голоса» буржуазной пропаганды в то время — да иной раз и сейчас — пытались опорочить имя вождя пролетариата. Его приезд в ту или иную страну пытались либо скрыть от народа, либо давали по этому поводу бедную и к тому же извращенную информацию. Поэтому сведения о некоторых эпизодах эмиграционного периода жизни Ильича оказывались скудными. Как, например, его последнее пребывание в Швеции в апреле 1917 года.

И журналист-международник Марат Зубко задался целью восстановить буквально по часам пребывание Ленина в стране — родился захватывающий, динамичный материал «Шведская вертикаль».

Образ Ленина неподвластен времени — так, думается, воспримет читатель основную мысль сборника «В те бурные годы».

Константин АНДРЕЕВ

ПОЭЗИЯ

Маршрут в страну прекрасного

Ежегодно выходят сотни поэтических сборников. Стихи широко публикуются в газетах и журналах. И порой так просто затеряться в море стихов. Но всегда, уходя в поэтическое плавание, становясь матросом кораблей-сборников, надеешься, что повезет, что капитан-автор предложит свой маршрут в страну поэзии. И он окажется верным.

Став матросом нового поэтического корабля Олега Шестинского — «Избранные произведения в двух томах» («Художественная литература», 1980 г.), с первых же стихотворений чувствуешь правильность курса, выбранного поэтом.

У каждого истинного поэта своя страна поэзии. Что же можно сказать о стране Шестинского?

Если начать с географии, то тут прежде всего следует остановиться на Ленинграде. С этим городом поэта многое связывает. Здесь прошло его детство, здесь он стал свидетелем испытаний, выпавших на долю нашего народа в годы Великой Отечественной войны.

Все девяносто дней блокады поэт провел в Ленинграде. Они определили его судьбу. И мужество вошло в творчество Шестинского. Да и не могло быть иначе, потому что, как сам он сказал: «О детство! Нет, я в детстве не был, я сразу в мужество шагнул». Особенно ярко, особенно достоверно зримо запечатлен блокнадный Ленинград в поэме «Лестница». Пять этажей ленинградского дома вместе с лестницей, соединяющей их в одно целое, — вот фундамент, на котором автор строит сюжет своей поэмы. С этажа на этаж поднимаемся мы, читатели, становясь свидетелями человеческого братства, скрепленного общей бедой.

Цельность поэтической природы Шестинского угадывается с первых же стихотворений «Избранного». Она находит яркое проявление не только в теме Памяти, но и в гражданских сти-

хах о России, в строчках об Армении — родине его матери. Значительное место в его поэзии занимает Болгария — страна, которую поэт хорошо знает и любит. «Болгария поразила меня,— признался он однажды,— своей природной красотой, добросердечием ее людей, их любовным отношением к России, к русскому народу».

Но дороги поэзии Шестинского не просто географические. Они направлены к людям, их чувствам, радостям и печалю. Поэт сумел найти глубоко личное в выражении одного из самых священных человеческих чувств — сыновней любви. Это чувство не оставляет его. Встречаясь в строчки поэта, встречаешь с ним в жизни, все время чувствуешь его характер — характер человека доброго и в то же время непримиримого даже к малейшим проявлениям фальши, широкого и трепетного по натуре. Он органичен, когда пишет о любви или выступает против социальной несправедливости. У него всегда есть своя позиция, свой взгляд на мир. И он несет его в себе как завещающие предков. В одном стихотворении поэт признается:

*А прадед завещал мне широту;
его супруга, женщина содая,
порой от этой широты страдая,
мне завещала добрую мечту.*

*Все это так — не притча и не сказка;
дед не солгал, и бабка не лгала,—
и русская исконная закуска
в характер современника легла.*

Страна поэзии Олега Шестинского — страна добра, справедливости и любви. Он открыл ее в жизни и дарит людям.

«Читая книги Олега Шестинского одну за другой,— писала Людмила Татьяничева,— ощущаешь цельность его талантливого творчества и то, как энергично, интересно, целеустремленно живет его главный лирический герой — человек, на плечи которого Время возложило основную тяжесть жизненных проблем...»

Анатолий ИВАНУШКИН

При свете судьбы

Герой новой книги стихотворений Льва Смирнова «Зимняя молния» («Советский писатель») находится в самой тесной связи с жизнью современной, однако мне думается, что его развитие во многом определено темой военного детства, и эта тема не напрасно агукается во многих стихах книги, создавая определенный фон ее. Тема военного детства в советской поэзии — это тема целой плеяды поэтов-современников, по сути, вечный разговор о формировании и становлении личности в годы больших потрясений и испытаний.

Естественно и очень посвоему звучит эта тема в стихах Льва Смирнова. Военное детство — своеобразная точка отсчета, по которой ориентируется поэт в своем стремлении к миру, к деревьям и звездам Родины. В книге много стихов-раздумий о вечности, мире, космосе. Темы модного «космизма» свойственна поэту и звучала в его ранних книгах, вышедших в свет много лет тому назад. Взаимопроникновение воздуха, звезд, деревьев вещей, судеб — таким

открывается мир поэта и в его новой книге.

*...Разум летящей звезды
Посреди мирового простора
Постигает и тайну воды
И молчание темного бора.
Камень чувствует локоть огня,
Ласку облака ночь принимает...*

Это взаимопроникновение продолжается (или — композиционно — начинается) на начальных страницах книги, где «скрипели колеса вселенной, вращался мироздание маховик... Но в центре был голос нетленный, судьбы человеческой крик».

Во многих стихах Льва Смирнова есть нечто от баллады, от поэтической новеллы. Неожиданное происшествие, история или озарение, открытие, встреча, наполненные живым дыханием. Такими, на мой взгляд, отличные стихи «Ботинки украли» и «Танцы на перроне», стихотворение о портном, которому «в мировой истории оставаться на века», «Гамлет», «Чтение Тацита», «Музей ночью» да и многие другие. Надо бы не перечислять, а цитировать, — к сожалению, объем моего отзыва ограничен.

Особое место в книге занимает своеобразная поэма «Колчак», посвященная подвигу народа, идущего по дорогам истории. Поэт восславляет победу доброго начала в жизни, мужество и героизм народа.

Лев Смирнов уверенно владеет современным стихом. Его книгу отличает разнообразие размеров, ритмов, интонаций. Интересны, как мне кажется, ритмические поиски поэта, неожиданное звучание таких стихов, как «Поле в снегу», «Подражание восточному», «На мосту».

Тут следует традиционный вопрос: а есть ли в книге недостатки? Наверное, есть. Однако имеется два пути обращения к поэтической книге: один — в поиске недостатков, второй — в стремлении найти лучшее и совершенное. Нас интересует второй путь: иначе к чему бы затевать разговор?

Мы читаем эту книгу, и снова возникают в ней отголоски военного детства в стихах о первых учителях — «Мы с утра тосковали о хлебе, По теплу изнывали в тоске, А они говорили о небе И чертили звезду на доске». Наверное, потому и видит поэт в жертвенности и в мужественности человеческих судеб высокое предназначение этого мира. Отсюда и чувство историзма в его стихах, редкое по убедительности, оно и определяет лучшее в этой книге поэта.

Сергей МНАЦАКАНЯН

ПРОЗА

На всех парусах

Сборник Надир Сафиева «Лунный парус» («Молодая гвардия», 1980 г.) составлен в традиционной манере: сюда вошла повесть «Лунный парус Айна Вайке» и цикл документальных новелл. Однако после прочтения небольшой этой книжки остается впечатление неожиданности вещей, романтичности повествования и музыкальности очерков, то есть перед нами, выражаясь определенным Леонидом Леоновым, «открытие по содержанию и изобретение по форме».

Повесть посвящена выходу мальчишки Айна Вайке с маленького острова в большой мир. На наших глазах осуществляется мечта эстонского подростка, а мечтал он стать моряком. Сюжет повести доводится автором до первого плавания курсантов Таллинского и Калининградского мореходных училищ на парусном судне. Но весь страстный рассказ о маленьком курсанте, его друзьях, наставниках и командирах не оставляет сомнения в том, что Айн, этот проницательный мальчишка-островитянин, станет настоящим мореплавателем. Со свойственным ему трудолюбием он уже с первых страниц повествования «ставит» на корабле своей мечты лунный парус и твердо ведет сокровенный барк по житейскому морю к неизведанным берегам. В завершающем очерке «Дважды один день», кстати, мы узнаем бывших курсантов, ставших теперь не только полноправными моряками, но прежде всего людьми дисциплины, ответственности и высокой культуры.

Непрост путь Айна Вайке на учебный барк. Вообще жизненные подходы к желаемому сложны — это мальчишка узнает рано. Например, дядя Юри срезался на жизненных дорогах, не выдержал испытания сценой. Подросток прислушивается к окружению, присматривается к старшим и делает небольшие выводы. Впечатлительного не по годам, его волнует сложнейший вопрос — как человек осуществляет свою мечту. И Айн Вайке отмечает движущие силы мечты: труд, благородство, отзывчивость, сердце, бескорыстие, культуру, стремление жить с людьми в дружбе и согласии...

Мужая, Айн проходит суровое испытание во время внезапного шквала, когда под страшным порывом штормового ветра срывается парус. Маленький курсант зачисляется в аварийную команду и с честью выдерживает трудный экзамен на морскую, мужскую зрелость...

Сафиев лаконичен. Язык его экономен, точен и выразителен.

Автор, надо особо отметить, умело использует символику. Сам лунный парус удачным и четким рефреном вписывается в повествование. А куст черемухи, который неизвестно как появился на Острове, зеленым изрешетом будит воображение мальчишки. Этот загадочный куст волнует и сердце читателя.

В сборнике радуется глубина психологического осмысления мира не только подростков, но и взрослых.

Мысли о доброте, которую должен пронести человек по земле и океану, пронизывают и очерки Сафиева. У автора сборника «Лунный парус» пристрастие к людям незаурядным, честным работающим на ниве разумного, доброго, вечного в любых измерениях. Тут и мечтатель из Добеле латышского селекционер Петерис Улпис из очерка «Мечтатель из Добеле», бакенщик Кондрат Осипович, который видит, как в природе «открывается удивительное» («Изба 509»), настройщик органа Домского собора Гунар Далманис, начавший с оркестра трубочистов («12-й этюд Скрябина»).... Сам автор умеет восхититься такими людьми, увлечь читателя их душевными порывами.

Случается, Сафиев впадает в излишнюю праздничность при описании жизни своих героев. Однако чувствуется, что это издержки писательской эвфразии и темперамента.

Бакенщик Осипович одушевляет многие предметы эпитетом «добрый». У него «добрый» и якорь, и лес, и камень... Следуя за автором, можно сказать, что издательство «Молодая гвардия» выпустило добрый сборник.

Геннадий МАШКИН

Рисунок Олега БРИКА

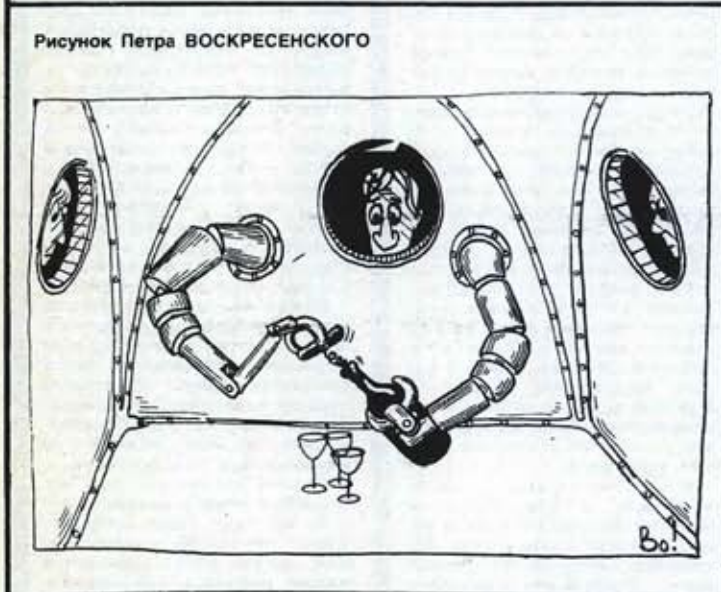

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Юрия БЕСПАЛОВА

Дорогие читатели! Приглашаем вас и знакомых вам любителей шахмат на старт традиционного заочного соревнования читателей нашего журнала — конкурса «Смена-81».

В двенадцати турах конкурса его участникам будет предложено решать шахматные задачи и разбирать фрагменты из шахматной практики. За правильный ответ на каждое из сорока заданий конкурса присуждается по два очка. Таким образом, максимально возможное количество очков — 80. Необходимо учесть, что в случае обнаружения побочного ответа, нерешаемости и т.п. в какой-либо позиции участнику конкурса вписывается в актив два очка, обусловленные для правильного ответа.

В своих решениях нужно использовать только сокращенную шахматную нотацию, опуская словесные примечания. Ответ на каждое задание следует посылать в адрес редакции на отдельной почтовой открытке (без конверта) с четким указанием адреса отправителя, его фамилии, имени и отчества и пометкой «Шахматный конкурс «Смена-81», тур такой-то». В своем первом письме на конкурс участник сообщает возраст, место работы или учебы, имеет ли и какой разряд по шахматам.

Участвовать в конкурсе надо индивидуально, ибо по его результатам можно получить спортивный

ПРЕТЕНДЕНТКА ИЛИ ЧЕМПИОНКА?

Какие-то считанные два-три месяца остались до начала интереснейшего шахматного единоборства между победительницей соревнования претенденток на звание чемпионки мира Наной Александрия и обладательницей этого почетного титула Майей Чибурданидзе. В преддверии матча двух сильнейших шахматисток предлагаем читателям «Смены» фрагменты, иллюстрирующие их творческий почерк и недоожинное мастерство.

Перед вами положение, создавшееся после 15-го хода черных между Н. Александрия и Н. Иоселиани, во второй партии их финальной встречи весной этого года в Тбилиси. Несколько энергичными маневрами белые, которыми играла Н. Александрия, добиваются ощутимого пространственного перевеса.

16. f2—f4! Ke5—c6 17. Kd4—b5 Lb8—d8 18. Kb5—c3!

Белые тонко прочувствовали ситуацию: размен коня на слона, а также ферзей ведет к образова-

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

разряд: четвертый — за 22 очка, третий — за 46 очков, второй — за 76 очков. Любителям шахмат, выполнившим указанные классификационные нормативы (при обязательном условии участия во всех без исключения турах этого соревнования), редакция вышлет официальные справки о присвоении того или иного разряда. Справки эти подлежат обмену на классификационные билеты единого общесоюзного образца в шахматной федерации по месту работы или жительства.

Тридцать лауреатов (их определяют по наибольшей сумме набранных очков) награждаются дипломами «Смены» и фотоснимками выдающихся советских гроссмейстеров (или шахматной литературой). Фамилии победителей будут опубликованы вместе с материалом об итогах конкурса.

ПЕРВЫЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в два хода.

Белые начинают и дают мат в два хода.

Ход черных. Какой путь ведет их к победе?

Заломите, пожалуйста, что открытки на первый тур посылаются в «Смену» не позднее 31 июля 1981 года (согласно штампу почтового отправления).

О результатах нашего предыдущего шахматного конкурса мы расскажем в одном из ближайших номеров журнала.

нию в лагере черных ряда слабых, уязвимых пунктов.

18. ... Lf8—f6 19. Kc3:d5 e6:d5 20. Fe2—f2! Фh4:f2+ 21. Lf1:f2 d5—d4 22. Lf2—c2 Cd6—e7 23. Cc1—b2! d4:e3.

Черные попали в полосу серьезных затруднений. Не желая идти на малопривлекательный вариант 23. ... d3 24. Ld2 Lfd6 25. Lc1, они решаются на жертву качества.

24. Cb2:f6 Ce7:f6 25. La1—c1 Kc6—e7 26. g2—g3 g7—g6 27. Kpg1—f1 Ld8—d2 28. Ca6—e2 Cf6—b2 29. Lc2:d2 e3:d2 30. Lc1—c2 Cb2:a3 31. b4—b5.

Объективно дела черных плохи, однако они могли еще оказать упорное сопротивление посредством 31. ... Cb4. Сделанный же ими ход парализует слона и быстро ведет к гибели.

31. ... Ca3—c1? 32. Ce2—f3 Kpg8—f7 33. Lc2—c7! Kpf7—e6 34. Kpf1—e2 Кре6—d6 35. Lc7:a7 h7—h5 36. La7—b7 Ke7—c8 37. Lb7—g7 Kc8—e7 38. h2—h4 Kpd6—e6 39. Lg7—h7 Кре6—d6 40. Lh7—h8 Kpd6—c5 41. Lh8—e8, и черные калитулировали.

Эта оригинальная позиция возникла после 18-го хода черных у М. Чибурданидзе (чемпионка играла белыми) с Жужей Маркович в

матче СССР—Югославия на последней Всемирной шахматной олимпиаде. Черные хотели получить за ферзя положенную «по закону» компенсацию в виде ладьей пары. Но неожиданная, глубоко продуманная и красивая комбинация белых перечеркивает надежды соперницы.

19. Kd4:e6! f7:e6 20. Fa7:b7! Fc7:b7 21. Ld1:d6 Ke5—f7 22. Ld6:e6 Kg6—f4 23. Le6—e3 Kf4:e2+ 24. Le3:e2.

В итоге тактических осложнений белые за погибшего ферзя получили ладью, слона и две пешки. Весьма искусным, хотя и неторопливым лавированием они сплачивают свои фигуры в единую могучую пружину, готовясь нанести на королевском фланге неотразимый удар.

24. ... La8—d8 25. La1—e1 h7—h6 26. Le2—e6 Ld8—d6 27. Le6—e8+ Kpg8—h7 28. Kf3—d4 Ld6—d8 29. Le8—e7 Ld8—d7 30. Le7—e8 Ld7—d8 31. Le8—e3!

Размен ладей несколько облегчал бы черным их оборонительные действия.

31. ... Kf7—d6 32. Kd4—e6 Ld8—g8 33. Le3—f3! Kd6—e4 34. Ke6—f8—Kph7—h8 35. Kf8—g6+ Kph8—h7 36. Kg6—f8+ Kph7—h8 37. Lf3—f4 Ke4—d6.

В заключение противники обмениваются элегантными комбинационными уколами, в результате чего парируются матовые угрозы королю черных, но вырисовывается безрадостная для них концовка.

38. Le1—e7! Fc7—c6 39. Lf4—f6! Fc6:g2+ 40. Kpg1:g2 g7:f6 41. Kpg2—f3 Lg8:f8 42. Le7—e6, и черные признали свое поражение.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.04.81. Подписано к печати 05.05.81. А 05097. Формат 70×108¹/₄. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 1265. Заказ № 610. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

63

Музыка Эдуарда ХАНКА.
Стихи Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО

МАЛИНОВКА

Малиновки слышат голосок,
Припомню я забытые свиданья.
В три жердочки березовый мосток
Над тихою речушкой без названья.

Припев:

Прошу тебя,
В час розовый
Напой тихонько мне,
Как дорог край
Березовый
В малиновой заре.

А волны шли неведомо куда,
И камушки у берега качали,
И пела нам малиновка тогда
О том, о чем напрасно мы молчали.

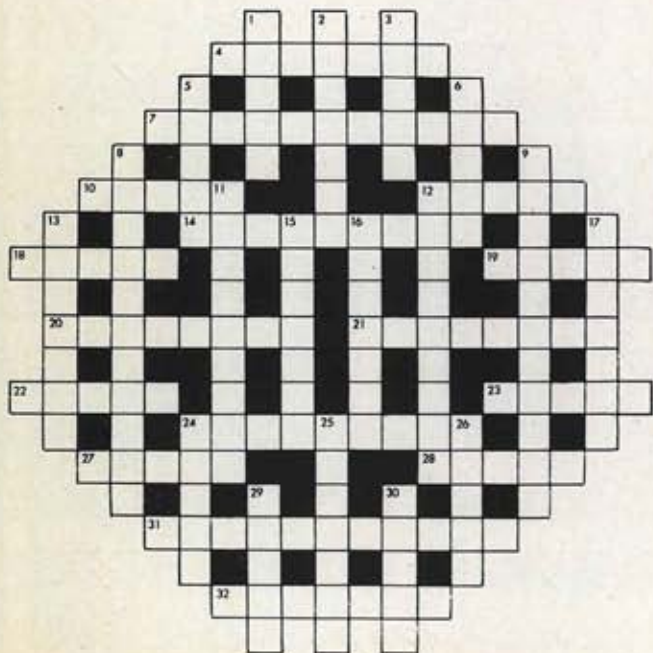
Припев.

Сожжен мосток, ушла из сердца боль.
Исчезла речка, вдаль умчалась юность,
Но песня, словно первая любовь,
Малиновкой опять ко мне вернулась.

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. УДАЛОВ,
Москва

По горизонтали:

- Морское животное подсемейства дельфинов.
- Город-герой.
- Государство в Южной Азии.
- Предварительный набросок картины.
- Игрок спортивной команды.
- Сооружение в подземных выработках для защиты от обрушения горной породы.
- Дикая африканская лошадь.
- Город в Донбассе.
- Артист балета, народный артист СССР.
- Опера немецкого композитора Ф. Флотава.
- Возвышенность в Молдавии.
- Стихотворение А. С. Пушкина.
- Симфоническая поэма Ф. Листа.
- Персонаж оперы П. И. Чайковского «Мазепа».
- Наука об управлении, связи и переработке информации.
- Северное созвездие.

По вертикали:

- Антилопа, обитающая в Приморском крае.
- Действующее лицо оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро».
- Популярный итальянский тенор.
- Лубяное растение, бомбейская пенька.
- Птица, обитающая в хвойных лесах.
- Степень нагрева вещества.
- Наука о естественных химических образованиях в земной коре.
- Поэт, автор цикла стихов «Большевикам пустыни и весны».
- Персонаж оперы Ж. Бизе «Кармен».
- Самая высокая вершина в Югославии.
- Центр золотопромышленного района в Иркутской области.
- Рыхление верхнего слоя почвы перед вспашкой.
- Печатный оттиск изображения с рельефного рисунка.
- Старинный город в Черниговской области.
- Химический элемент, металл.
- Декоративное растение семейства вересковых.
- Писатель, Герой Социалистического Труда.
- Философская дисциплина, изучающая мораль, нравственность.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В №10

По горизонтали:

- Кокос.
- Макарова.
- «Аленушка».
- Ботаник.
- Беранже.
- Ленивец.
- Хлопководство.
- Шкив.
- Люкс.
- Адирондак.
- Рафинация.
- «Трус».
- Дичь.
- Трансформатор.
- «Колодец».
- Иваново.
- Адджария.
- Венгерка.
- Ганновер.
- Пиала.

По вертикали:

- Лангемак.
- «Арсенал».
- Камо.
- Казакевич.
- Сари.
- Антонов.
- Академик.
- «Бесприданница».
- Классификация.
- Хворост.
- Олеандр.
- Шканд.
- Связь.
- Программа.
- Рекордер.
- «Червонец».
- Радищев.
- Окарина.
- Драп.
- Иога.

ИСТОКИ

Ю. Микенаса — известного литовского художника, знатока и ценителя народного творчества. Микенас развивал у Тогрула интерес к произведениям народного искусства, научил понимать и ценить красоту народной жизни.

Родной край стал для Тогрула тем истоком, благодатной почвой, на которой расцвело творчество художника.

ТОГРУЛ НАРИМАНБЕКОВ У РОСписИ ИНТЕРЬЕРА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА КУКОЛ.

Любовь к родной земле, к людям, острота восприятия окружающего пронизывают каждое его полотно, каждый рисунок. Картины Тогрула, словно живые зарисовки с природы, напоминают народные картинки, с которыми их роднит яркость, декоративность колорита... Красочность массовой народной сцены, ее праздничность и веселость — те родниковые ключи, которые питают творчество Тогрула Нариманбекова.

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

**БАКУ.
В СТАРОМ ГОРОДЕ.**

ПЛОДЫ АЗЕРБАЙДЖАНА.

СЧАСТЬЕ.

ХУДОЖНИК.

Он подписывает свои картины только одним именем — Тогрул. Но даже если бы они не были подписаны вовсе, их узнаешь с первого взгляда. Тогрул Нариманбеков, народный художник Азербайджана, — мастер сильного и самобытного темперамента. Его искусство не знает покоя, безразличия, мир видит многогранно. Художника увлекают сложные человеческие характеры и сюжеты, которые помогают передать чувство постоянной борьбы противоречивых жизненных сил: добра и зла, разрушения и созидания, покоя и динамики.

В центре Баку, на улице, носящей имя великого поэта Востока Алишера Навои, находится Театр юного зрителя. Здание театра сплошь, как ковром, покрыто росписями Тогрула. В центре росписи — держащиеся за руки девочка и мальчик, словно бы попавшие в страну азербайджанских сказок. Все то, о чем Тогрулу читали и рассказывали в ран-

нем детстве, он связал в единый, запоминающийся яркими образами сюжет. Свободно и раскованно ведет художник свой рассказ, вовлекая в действие все новых и новых героев. И из зала в зал, нигде не повторяясь, юных зрителей увлекает сказка.

Тогрул Нариманбеков окончил в Баку художественное училище имени А. Азим-заде. Продолжил образование в Литовском художественном институте. Учился на монументальном отделении у

